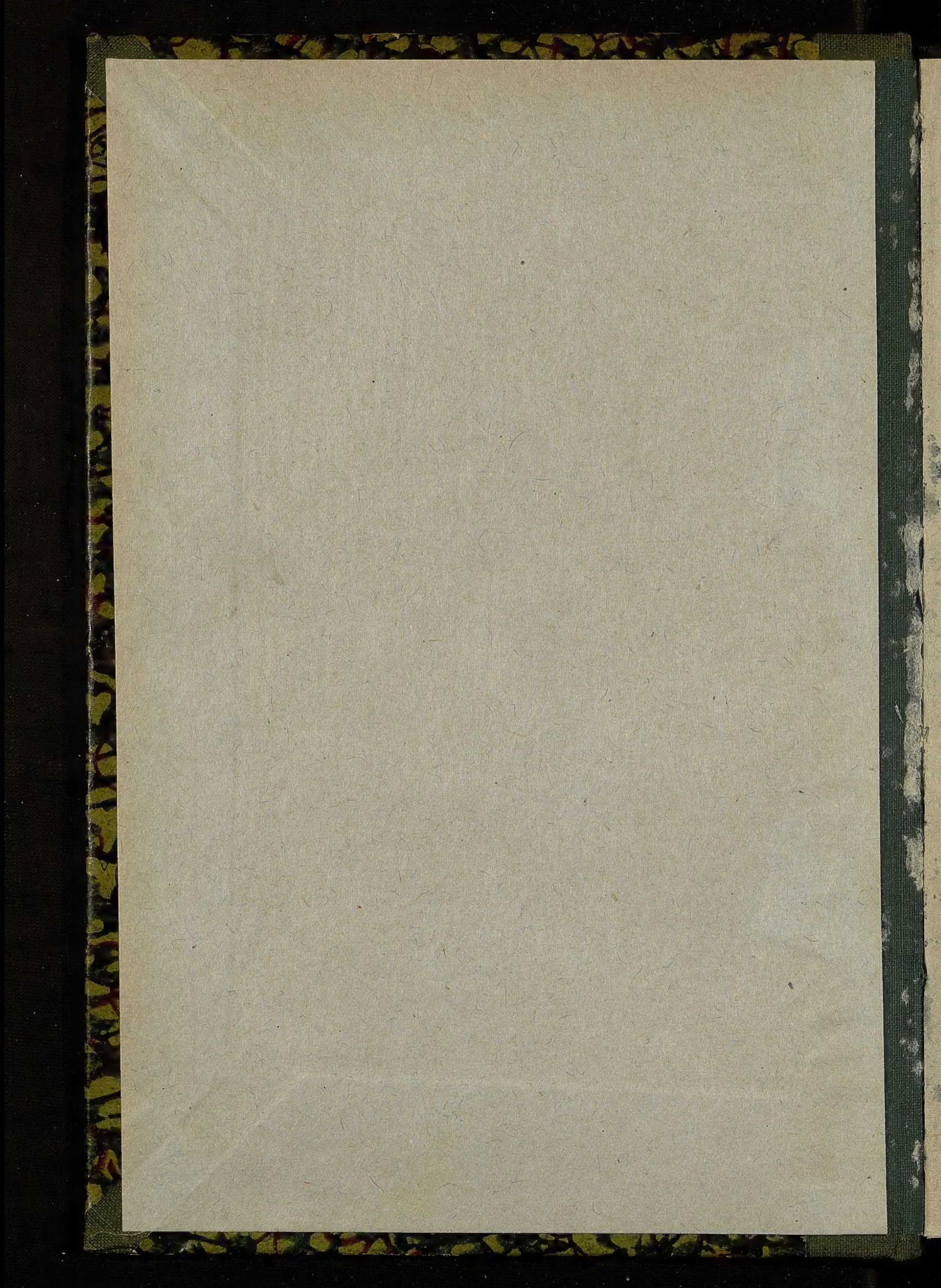

Константинъ Одарченко.

ОРГАНИЗАЦІЯ и ЗАДАЧИ

ЗЕМСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

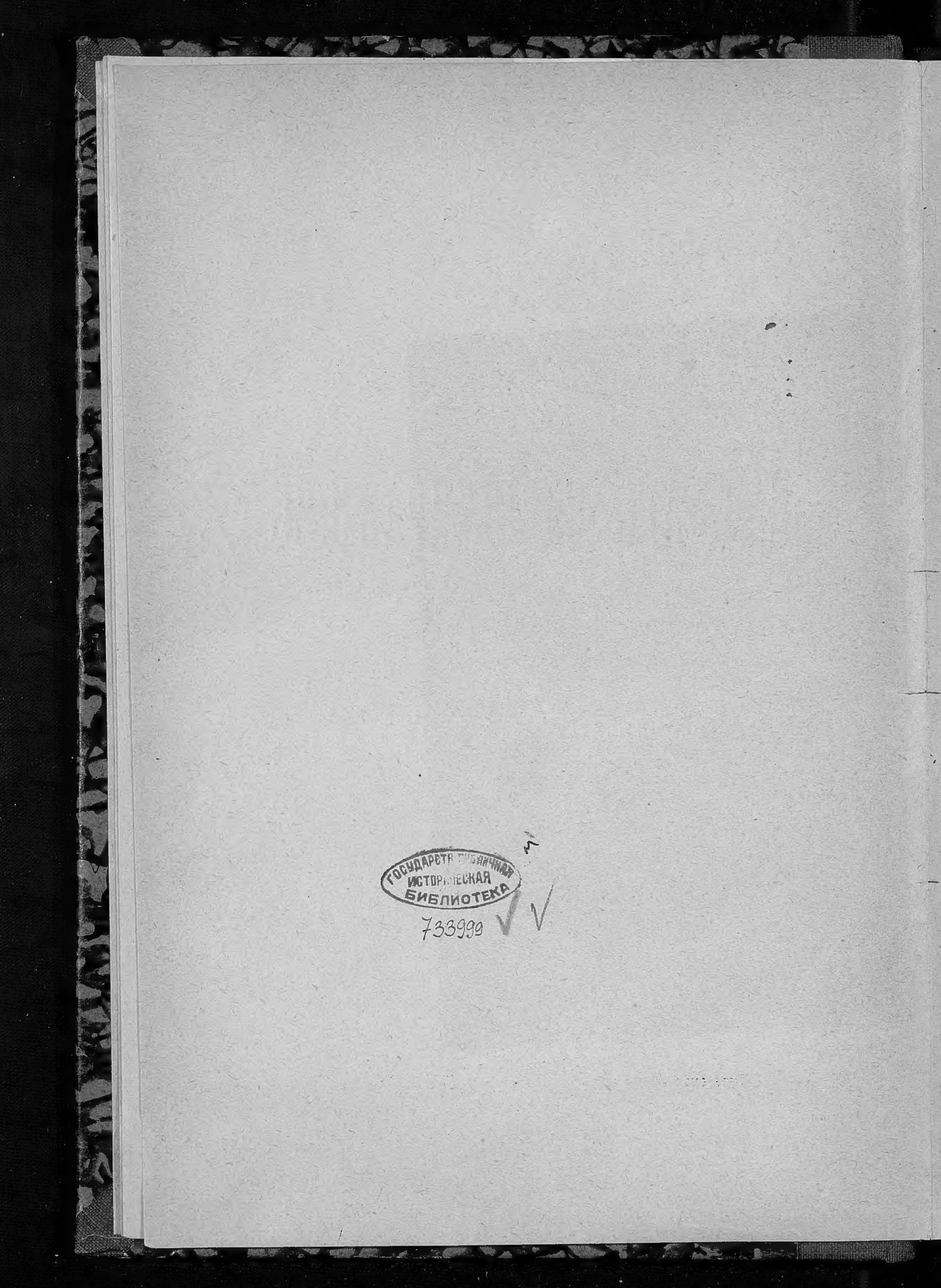
МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Константинъ Одарченко.

ОРГАНИЗАЦІЯ И ЗАДАЧИ
ЗЕМСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
733999

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Организація и задачи земскаго самоуправленія.

ГЛАВА I.

Общія начала мѣстнаго самоуправленія.

„Только тѣ народы отрицаютъ полезность учрежденій мѣстнаго самоуправленія, у которыхъ ихъ вовсе нѣтъ или мало; такъ что только тотъ, кто ихъ не знаетъ, не одобряетъ ихъ", сказалъ Токвилль.

Намъ русскимъ вообще и русскимъ публицистамъ въ частности непростительно продолжать нападки на органы земскаго самоуправленія послѣ того, какъ заслуги земства въ Россіи торжественно были признаны въ Высочайшемъ Манифестѣ 1890 года при изданіи новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и послѣ чего правительство продолжало неоднократно обращаться къ земскимъ учрежденіямъ за содѣйствіемъ въ проведеніи государственныхъ мѣропріятій, напримѣръ по вопросу народнаго продовольствія во время недородовъ въ послѣдніе годы. Не далѣе какъ годъ назадъ правительство разослало земскимъ управамъ законопроектъ объ общественномъ призрѣніи, которымъ предполагается создать земскіе мѣстные органы въ цѣляхъ общественнаго призрѣнія. Польза земскихъ и общественныхъ городскихъ учрежденій въ послѣднее время настолько окрѣпла въ сознаніи лучшей части русскаго общества, что вопросомъ дня сталъ вопросъ о расширеніи сферы земской дѣятельности посредствомъ созданія болѣе мелкихъ земскихъ единицъ. Очевидно и со всѣхъ сторонъ слышатся голоса, что губернскія и уѣздныя земства не въ состояніи справиться съ предстоящими имъ задачами, если они не будутъ опираться въ своихъ мѣро-

пріятіяхъ на болѣе мелкія земскія единицы, при чемъ одни рекомендуютъ таковою желательною единицею приходъ, другіе—всесословную волость, а третьи—особыя земскія попечительства въ мѣстныхъ районахъ. „Въ настоящемъ своемъ видѣ,—писала кирсановская земская управа [1]),—уѣздныя земскія собранія еще не представляютъ изъ себя всего земства. Обнимая иногда большія пространства съ населеніемъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ жителей, уѣздныя земства не могутъ вѣдать всѣ мѣстныя дѣла. Знаніе подробностей этихъ дѣлъ, удобство ихъ исполненія, интересъ къ нимъ и нужда въ нихъ сосредоточены не въ уѣздномъ городѣ, а на мѣстахъ". Съ другой стороны, московская губернская земская управа въ докладѣ своемъ въ 1899 году губернскому земскому собранію говоритъ о желательной организаціи земскихъ органовъ на мѣстахъ. „Опытъ послѣднихъ лѣтъ съ полною ясностью доказалъ,—говоритъ управа,—что очень часто земство, несмотря на затрату большого количества труда и энергіи, не можетъ провести въ жизнь ту или другую мѣру такъ, чтобы она достигла именно того, для чего собственно она предназначается, и въ такой именно формѣ, въ какой это требуется условіями мѣстной жизни по той причинѣ, что земство для осуществленія своихъ мѣропріятій на мѣстахъ не имѣетъ соотвѣтствующихъ органовъ". Необходимость такихъ органовъ, по мнѣнію управы, особенно ощущается въ сферѣ экономическихъ мѣропріятій, отличающихся большимъ разнообразіемъ и сложностью. Безъ такихъ органовъ является неосуществимою и сколько-нибудь широкая организація мелкаго кредита сельскому населенію; съ другой стороны, какъ мы сказали, правительственнымъ законопроектомъ объ общественномъ призрѣніи предполагается создать мѣстные земскіе органы въ цѣляхъ общественнаго призрѣнія. Было бы въ высшей степени желательно, по мнѣнію управы, чтобы проектируемые низшіе органы общественнаго призрѣнія были бы въ то же время органами земства и для проведенія экономическихъ мѣропріятій. Поднятіе экономическаго благосостоянія — вотъ цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ усилія земства, и единственный путь сократить уходъ крестьянъ на

[1]) „Русскія Вѣдомости". 1899 г. № 328.

поиски заработковъ и счастья въ города. Экономическая дѣятельность земства и общественное призрѣніе дополняютъ другъ друга, и часто на практикѣ трудно опредѣлить, гдѣ кончается область призрѣнія и начинается сфера экономическихъ заботъ. Въ виду этихъ соображеній московская земская управа проектируетъ образованіе особыхъ попечительствъ, которыя были бы органами мѣстнаго общественнаго призрѣнія и мѣстными земскими экономическими органами. Въ соединенномъ засѣданіи губернскаго экономическаго совѣта и комиссіи по общественному призрѣнію 17 іюля 1899 года многіе члены находили необходимымъ пріурочить районы попечительствъ къ границамъ волостей, такъ какъ границы эти представляютъ нѣчто опредѣленное, въ значительной степени устойчивое; населеніе къ границамъ волостей привыкло и хорошо ихъ знаетъ. Во многихъ волостяхъ, по ихъ словамъ, имѣются волостныя библіотеки, волостныя училища, волостныя молотилки, сѣялки и т. д., а, конечно, можно скорѣе разсчитывать на успѣхъ такого учрежденія, которое будетъ въ мысляхъ населенія примыкать къ старому, нежели такого, которое будетъ совершенно новымъ. Весьма серьезнымъ аргументомъ въ пользу волостныхъ районовъ является соображеніе, что этимъ путемъ можетъ подготовиться та всесословная волость, которая могла бы сдѣлаться болѣе мелкою земскою единицею. Въ сущности же проектъ московской губернской земской управы есть созданіе въ уѣздѣ всесословныхъ волостей или, правильнѣе сказать, земскихъ волостей, съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ, что органы этихъ земскихъ волостей—попечители по общественному призрѣнію и экономической дѣятельности, будутъ избираемы не обывателями района, а земскими собраніями или управами изъ мѣстныхъ жителей района. Съ своей стороны мы полагаемъ, что цѣлесообразнѣе и справедливѣе предоставить право обывателямъ, подлежащимъ обложенію земскимъ сборомъ и въ то же время на мѣстныя нужды района, право избранія попечителей, которые, съ одной стороны, были бы органами земскихъ управъ по приведенію въ дѣйствіе экономическихъ и другихъ мѣропріятій губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, а съ другой стороны—въ предѣлахъ своего района и компетенціи пользовались бы извѣстною самостоятельностью, иниціа-

тивою главнымъ образомъ чтобы ихъ дѣятельность въ извѣстномъ кругѣ была ихъ дѣтищемъ, созданіемъ ихъ мысли, воли и рукъ. Наоборотъ, многіе работавшіе по этому вопросу, какъ, напримѣръ, кирсановская земская управа, полагаютъ, что естественною единицею, гдѣ мѣстные жители знаютъ одинъ другого и имѣютъ общія и матеріальныя нужды, является приходъ, который долженъ служить мелкою единицею самоуправленія не только хозяйственнымъ органамъ земства, а и органамъ общаго государственнаго управленія.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ полемикой, поднятой въ русской публицистикѣ за послѣдніе два года: какой земской единицѣ отдать преимущество — всесословной волости или приходу? Мы имѣли случай высказаться по этому вопросу и стояли за приходъ. Но въ настоящее время, вдумываясь глубже въ этотъ вопросъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что обѣ единицы, земская волость и приходъ, одинаково необходимы въ смыслѣ разумной организаціи земскаго самоуправленія: одно другому не мѣшаетъ, а взаимно дополняетъ. Разсматривая расписаніе волостей и приходовъ въ уѣздахъ, мы видимъ, что если раздѣлить уѣздъ на волостные округа, то на каждую волость приходилось бы три или четыре и болѣе прихода. Земская волость могла бы составить болѣе крупную земскую единицу, въ которую входили бы приходы, какъ самые мелкіе земскіе округа. При этомъ нечего останавливаться предъ опасностью созданія массы органовъ мѣстнаго управленія: въ Англіи, по новымъ законамъ 1888 и 1894 гг., графства (значительно меньшія нашихъ губерній) раздѣлены на сельскіе округа, скорѣе всего подходящіе къ нашей волости, а округъ, въ свою очередь, есть союзъ приходовъ. При полемикѣ между защитниками всесословной волости и прихода первыхъ обыкновенно пугаетъ страхъ усиленія клерикализма; но страхъ этотъ напрасенъ. Приходъ, по идеѣ защитниковъ приходской организаціи, долженъ быть земскою единицею, къ которой въ тѣхъ приходахъ, гдѣ населеніе православное, могутъ перейти и заботы о содержаніи церкви, причта, кладбищъ; въ тѣхъ же, гдѣ села и деревни имѣютъ смѣшанное населеніе изъ православныхъ и раскольниковъ или иновѣрцевъ, дѣла исключительно церковныя могли бы вѣдать только собранія исключительно православныхъ, а за общими приходскими

собраніями остались бы всѣ остальныя земскія дѣла; такъ это просто и опредѣленно устроено въ Англіи, гдѣ тоже масса диссидентовъ. Земская волость могла бы состоять изъ депутатовъ, выборныхъ отъ прихожанъ, а приходскія собранія должны рѣшать дѣла при непосредственномъ участіи всѣхъ прихожанъ, всѣхъ гражданъ, такъ что никто бы изъ нихъ не былъ исключенъ отъ права непосредственнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Такая организація была бы тѣмъ цѣлесообразна и удобна, что жители, группирующіеся обыкновенно вблизи Божьяго храма и обыкновенно его посѣщающіе, тутъ же, на мѣстѣ, обсуждали бы и распоряжались и своими земскими дѣлами, при чемъ исполненіе рѣшеній можно было бы поручить старостѣ и другимъ мѣстнымъ обывателямъ, а стоявшіе въ болѣе достаточномъ матеріальномъ положеніи и обладающіе большимъ нравственнымъ цензомъ могли бы быть депутатами, выборными въ земскую волость.

Во всякомъ случаѣ такъ или иначе будетъ организовано мелкое мѣстное самоуправленіе. Мы придаемъ громадную важность непосредственному участію всѣхъ гражданъ, всѣхъ равныхъ предъ Богомъ людей, въ управленіи общественными дѣлами своего околотка. Никто, ни одинъ правоспособный человѣкъ, не можетъ уклоняться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, ибо это прежде всего—его нравственная обязанность, исполненіе со стороны его Божеской заповѣди о солидарности и взаимной любви всѣхъ христіанъ. Христіанскія же обязанности, глубоко усвоенныя и разумно понимаемыя, требуютъ помогать своему ближнему въ нуждѣ, въ состояніи голода, холода, болѣзни, успокоивать труждающихся и обремененныхъ, просвѣщать ближнихъ свѣтомъ знанія и истины и т. д. Достаточно отрѣшиться отъ самодовольнаго фарисейства, чтобы увидѣть, какъ индивидуальныя силы недостаточны для исполненія этихъ элементарныхъ нравственныхъ обязанностей, какъ всякій членъ общества, сильный и богатый, слабый и убогій, нуждаются всѣ и каждый другъ въ другѣ, нуждаются въ общей, въ солидарной дѣятельности. Индивидуальная матеріальная помощь нуждающемуся, значенія которой въ отдѣльныхъ случаяхъ никто не можетъ отвергать, безсильна предъ многообразными обязанностями взаимной любви и взаимопомощи. Когда и какъ помогать? слышатся

часто голоса въ нашемъ индивидуалистическомъ обществѣ, въ этомъ конгломератѣ разрозненныхъ, ничѣмъ не связанныхъ членовъ. Конечно, всѣ сознаютъ, что часто индивидуальная помощь деньгами ведетъ къ развитію праздности, тунеядства и порочности. Самое добро надо дѣлать разумно, въ самомъ стремленіи къ добру надо быть кроткимъ, какъ голубь, и мудрымъ, яко зміи. „Будемъ надѣяться,—сказалъ однажды одинъ англійскій администраторъ,—что нашъ вѣкъ найдетъ, наконецъ, способъ оказанія помощи, которой бы не ослаблялось чувство отвѣтственности". Съ другой стороны, что значатъ наши индивидуальныя усилія и щедроты въ значеніи съ великимъ цѣлымъ? Стало труизмомъ изреченіе одного политико-эконома, что иногда два или три рабочихъ вмѣстѣ могутъ сдѣлать то, что поодиночкѣ не смогутъ сдѣлать сотни и тысячи. Въ нашемъ разрозненномъ обществѣ сплошь и рядомъ бываетъ трудно собрать свѣдѣнія о дѣйствительно нуждающихся; кромѣ того, мало того, что надо помочь нуждающемуся, надо поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ не нуждался въ будущемъ; на ряду съ дѣлами благотворенія, призрѣнія, нужны мѣры предупредительныя, чтобы устранить недугъ безработицы, искоренить бѣдность въ корнѣ, пресѣчь развитіе болѣзней и т. д.,—словомъ, задача отдѣльныхъ членовъ общества должна состоять въ группировкѣ въ общественные союзы для общественнаго призрѣнія, поднятія экономическаго благосостоянія, просвѣщенія и т. п.

Эти задачи въ то же время и задачи государственныя, но государство имѣетъ и другія многообразныя задачи: внѣшней обороны, водворенія правосудія и т. д. Признано, что государство часть своихъ задачъ удобно можетъ исполнять, опираясь на органы мѣстнаго самоуправленія, и даже отдѣлять часть своихъ заботъ объ общемъ благосостояніи въ удѣлъ органовъ земскихъ силъ. Сила и значеніе государственной власти чрезъ это нисколько не ослабляются, а, напротивъ того, укрѣпляются. Какъ учитъ наука государственнаго права, правительственная централизація не должна неизбѣжно влечь за собою централизаціи административной. Чтобы освѣтить этотъ важный вопросъ со всѣхъ сторонъ, чтобы выяснить основныя государственныя начала, чтобы раз-

граничить область государственнаго управленія, съ одной стороны, и область мѣстнаго управленія—съ другой, и разныхъ органовъ и функцій послѣднихъ, мы рѣшились предпринять настоящую работу, какъ этюдъ по вопросамъ государственнаго права европейскихъ державъ и Русской имперіи.

Какъ извѣстно, существуютъ два вида централизаціи: есть дѣла общія всей націи; таковы установленія общихъ законовъ, внѣшнія сношенія и т. п. Другія дѣла интересуютъ только извѣстныя части націи, какъ, напримѣръ, разныя общинныя предпріятія. Если государство сосредоточиваетъ въ одномъ мѣстѣ управленіе первыми дѣлами, мы имѣемъ правительственную централизацію; но если государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ и управленіе всѣми общинными дѣлами, мы имѣемъ административную централизацію. Съ одной стороны, говоритъ Токвилль въ своей безсмертной книгѣ „О демократіи въ Америкѣ“ [1]), я не могу себѣ представить, чтобы нація могла существовать безъ сильной правительственной централизаціи; съ другой стороны, административная централизація способна обезсилить подчиняющіеся ей народы, потому что она постоянно стремится къ уменьшенію въ ней общиннаго духа. Примѣръ гармоническаго сочетанія сильной правительственной централизаціи и полной децентрализаціи представляютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; нигдѣ какъ въ Сѣверной Америкѣ не развито такъ мѣстное самоуправленіе и общинная жизнь, и въ этомъ отношеніи могутъ сравниться съ нею только Англія и Швейцарія. Странно, однако, было бы думать, что развитіемъ этихъ началъ С. Америка обязана своему республиканскому образу правленія: формы мѣстнаго самоуправленія развиваются независимо отъ республиканской или монархической формъ правленія; мы имѣемъ примѣръ, съ одной стороны, монархической Англіи и, наоборотъ, съ другой стороны—классической страны административной централизаціи, Франціи. Мѣстное самоуправленіе можетъ существовать и въ конституціонныхъ и неограниченныхъ монархіяхъ. Особенность сѣверо-американской государственной жизни та, что при сильно развитой мѣстной общинной жизни въ нѣкоторыхъ

---

[1]) А. Токвилль. „О демократіи въ Америкѣ“. Перев. Линда. Москва, 1897 г.

штатахъ такъ называемой Новой Англіи самая мелкая мѣстная единица самоуправленія—община—не только самоуправляема, но участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ пользуются всѣ граждане непосредственно безъ депутатовъ—представителей, такъ какъ послѣдніе рѣшаютъ дѣла въ болѣе крупной территоріальной единицѣ—штатѣ. Подобный примѣръ мы видимъ еще въ одной странѣ—Швейцаріи; въ Старой же Англіи тоже когда-то разрѣшали дѣла прихожане непосредственно въ своемъ приходскомъ собраніи (vestry), а затѣмъ это право было утрачено; но, по закону 1894 года, въ небольшихъ приходахъ опять допущено непосредственное участіе въ веденіи общественныхъ дѣлъ прихода всѣхъ прихожанъ. Изъ исторіи мы видимъ и другіе подобные примѣры: такимъ было вѣче въ древней Руси, особенно въ Великомъ Новгородѣ. Крайне интересно поэтому ознакомиться съ порядками общинной жизни въ Сѣверной Америкѣ.

По устройству своего внутренняго управленія С.-Американскіе Штаты раздѣляются на двѣ различныя группы [1]). Первая состоитъ изъ сѣверо-западныхъ штатовъ, преимущественно Новая Англія; главный органъ самоуправленія въ нихъ есть township—округъ, соотвѣтствующій или нашей волости или приходу. Извѣстно, что Америка населялась и устраивалась группами домовъ и хозяйствъ, водворявшихся среди лѣсовъ и степей. Township покрыли своею сѣтью всѣ сѣверные штаты, сдѣлались и остались почти единственными органами мѣстнаго самоуправленія. Они прямо отъ себя выбираютъ должностныхъ лицъ и непосредственно въ общей сходкѣ всѣхъ домохозяевъ завѣдуютъ своими общественными дѣлами. Вторую инстанцію управленія составляютъ графства (Countys); они соотвѣтствуютъ по народонаселенію нашимъ уѣздамъ, но графства имѣютъ значеніе болѣе судебныхъ мировыхъ округовъ, и вмѣшательство ихъ въ кругъ общинныхъ учрежденій весьма слабо. Мировые судьи назначаются собраніемъ штата или губернаторомъ; трое изъ нихъ особо назначаются собраніемъ штата для составленія мирового съѣзда. Мировой институтъ замѣняетъ тамъ наши земскія учрежденія, помимо своихъ судебныхъ функцій. Такой порядокъ существуетъ въ

---

[1]) Князь А. Васильчиковъ. „О самоуправленіи". Т. I. С.-ПБ., 1870. Стр. 69—82.

сѣверныхъ штатахъ, которые населялись колонистами въ эпоху религіозныхъ гоненій и распрей на родинѣ въ Англіи; главный контингентъ этихъ выходцевъ состоялъ изъ благородныхъ, свободныхъ, хотя суровыхъ, проникнутыхъ религіознымъ воодушевленіемъ пуританъ. Эти люди переселялись въ Новый Свѣтъ не съ тѣмъ, чтобы улучшить свое матеріальное положеніе, но чтобы удовлетворить своей духовной потребности, чтобы дать торжество идеѣ; этимъ первымъ поселенцамъ Новая Англія обязана своими общинными учрежденіями, своимъ общиннымъ духомъ. Дальше на югъ, въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи и пр., порядки измѣняются, и тамъ, при ежегодномъ приливѣ буйныхъ и нищихъ поселенцевъ патріархальная власть выборныхъ начальствъ оказалась слабою. Въ городахъ вмѣсто волостей или приходовъ учреждены городскія управы (впрочемъ, это относится и къ городамъ Новой Англіи), но и въ селахъ дѣла завѣдываются не общими сходками, а представительными совѣтами изъ выборныхъ людей. Въ юго-восточныхъ штатахъ, гдѣ между прочимъ съ самаго начала поселенія появились богачи, которые захватили латифундіи и населили ихъ черными рабами; а остальное населеніе было бѣдно, тамъ порядки еще болѣе измѣняются: люди группируются въ болѣе крупные округа для веденія дѣлъ и покрытія расходовъ; township тамъ имѣетъ значеніе только избирательныхъ съѣздовъ для выборовъ депутатовъ въ графства, и эти собранія выборныхъ или гласныхъ составляютъ главный органъ самоуправленія.

Мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть общинную жизнь въ штатахъ Англіи, при этомъ сельской, а не городской общины; сельская община до сихъ поръ сохранилась въ томъ видѣ, какъ она организовалась при первоначальномъ заселеніи Новой Англіи. Можно сказать, что въ Новой Англіи община организована ранѣе графства, графство ранѣе штата, а штатъ ранѣе союза. Прежде чѣмъ сложилось государство—штатъ, община успѣла самостоятельно вырасти, окрѣпнуть и развиться, а впослѣдствіи войти въ составъ штата. Въ ней законодательная и правительственная власть въ рукахъ управляемыхъ и представительства не допускается, общинные совѣты не существуютъ; совокупность избирателей, назначивъ должностныхъ лицъ, непосредственно направляетъ ихъ дѣя-

тельность во всемъ, что не входитъ въ кругъ дѣйствій государства. Въ деревенской общинѣ должности многочисленны и очень раздроблены; это указываетъ на стремленіе привлечь къ участію въ общественныхъ дѣлахъ возможно большее количество лицъ. Большая часть административныхъ дѣлъ сосредоточена въ рукахъ ежегодно избираемыхъ должностныхъ лицъ—select-men; послѣдніе имѣютъ право созывать общинныя сходки, но если 10 домохозяевъ задумали какой-нибудь новый проектъ и желаютъ его представить на одобреніе общины, то select-men'ы обязаны созвать общее собраніе. Эти выборные (select-men'ы) дѣйствуютъ подъ своею личною отвѣтственностью и только слѣдуютъ на практикѣ положеніямъ, ранѣе установленнымъ большинствомъ общинниковъ. Число select-men'овъ отъ 3 до 9; въ число ихъ входятъ: раскладчикъ податей, сборщикъ, полицейскіе служители; къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить и другихъ должностныхъ лицъ: попечителя надъ бѣдными, школьнаго комиссара, дорожнаго смотрителя, такъ что въ общинѣ до 19 должностныхъ лицъ. Должности эти большею частью оплачиваются въ виду того, чтобы бѣдные граждане могли посвящать свое время ихъ отправленію безъ ущерба для себя. Вообще американская система состоитъ въ томъ, чтобы чиновникамъ не платить опредѣленнаго жалованья, но за отправленіе разныхъ должностныхъ обязанностей установлена такса, такъ что они получаютъ по этой таксѣ пропорціонально тому, что ими сдѣлано. Должностныя лица и общія сходки такимъ образомъ вершаютъ свои мѣстныя дѣла; общины только тогда подчиняются государству, когда дѣло касается такого интереса, который имѣетъ что-либо общее съ другими общинами. Во всемъ, что относится до нихъ самихъ, общины остались независимыми единицами, и правительство государства (штата) не имѣетъ права вмѣшиваться въ чисто внутреннія дѣла общины. Поэтому общины Новой Англіи покупаютъ и продаютъ, предъявляютъ иски, защищаются въ судахъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ свой бюджетъ, и никакая административная власть не думаетъ этому препятствовать. Что касается до своихъ отношеній къ государству, то всѣ распоряженія послѣдняго община должна исполнять; если штатъ нуждается въ деньгахъ, то община не можетъ отказать ему;

если штатъ, напримѣръ, хочетъ провести дорогу, то община не можетъ закрыть ему свою территорію; если онъ устанавливаетъ какое-либо полицейское правило, то общины должны его исполнять; если онъ желаетъ организовать обученіе народа по однообразному плану, то община должна открывать школы, требуемыя закономъ. Но, налагая извѣстныя обязанности на общины, правительство устанавливаетъ только общій принципъ; при выполненіи же его община снова входитъ въ свои индивидуальныя права. Такимъ же образомъ и налогъ вотируется законодательнымъ учрежденіемъ штата, но распредѣляется и взимается общиной; напримѣръ, существованіе школы обязательно требуется закономъ, но строится она, оплачивается и управляется общиной.

При разсмотрѣніи внутренняго устройства управленія общины обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, съ какимъ искусствомъ позаботились американцы, чтобы, если можно такъ выразиться, разсѣять власть, чтобы заинтересовать какъ можно болѣе народу въ общественныхъ дѣлахъ; распредѣляя власть между значительнымъ числомъ гражданъ, американская система въ то же время не опасается увеличивать число общинныхъ обязанностей. Сколько людей получаетъ такимъ образомъ свою выгоду отъ общинной власти и лично въ ней заинтересовано. Но при этомъ не забудемъ, что каждый членъ общины непосредственно участвуетъ въ отправленіи общихъ обязанностей: американцы не считаютъ, что отправленіе таковыхъ должно быть вручено извѣстнымъ спеціалистамъ чиновникамъ, но предполагаютъ, что каждый отдѣльный членъ обладаетъ такими же образованностью, добродѣтелью и способностями, какъ и всякій другой изъ подобныхъ ему людей; поэтому тамъ существуютъ не только общинныя учрежденія, но и общинный духъ, поддерживающій и оживляющій ихъ. Въ общинѣ сосредоточиваются всѣ благородныя стремленія и могутъ быть удовлетворены всѣ общественные инстинкты и симпатіи: стремленіе заслужить уваженіе, почести, удовлетвореніе реальныхъ интересовъ, склонность къ общественной и благотворительной дѣятельности,—все это сосредоточивается въ общинѣ, какъ въ центрѣ житейскихъ отношеній. Тамъ общинная жизнь чувствуется, такъ сказать, ежеминутно; она каждый день выражается въ исполненіи какой-нибудь обя-

занности, въ пользованіи какимъ-либо правомъ. Житель Новой Англіи привязывается къ своей общинѣ, потому что она тамъ сильна и независима; онъ интересуется ею потому, что участвуетъ въ ея управленіи; онъ любитъ ее потому, что, находясь въ ней, онъ не можетъ пожаловаться на свою судьбу; онъ вкладываетъ въ нее свои честолюбивыя надежды и будущность; онъ входитъ во всѣ случайности общинной жизни; онъ привыкаетъ къ ея формамъ, проникается ихъ духомъ, пріобрѣтаетъ склонность къ порядку и получаетъ ясныя и практическія понятія о свойствѣ своихъ обязанностей, такъ же, какъ и о количествѣ своихъ правъ. Таковы результаты свободной общинной жизни, которые во многомъ связаны съ истинно христіанскими обязанностями. Истинно христіанская нравственность заключается не только въ томъ, чтобы дѣлать добро другимъ, но и научить своимъ примѣромъ, своимъ живымъ отношеніемъ къ добродѣтели дѣлать то же самое; важно бываетъ облагодѣтельствовать человѣка матеріально, но не менѣе важно сообщить ему способность къ свободной и сознательной любви, и изъ сокровенныхъ тайниковъ совѣсти пробудить въ немъ стремленіе къ правдѣ, совершенствованію и исполненію общей міровой воли. И какая бы сумма добра могла получиться при желаніи всѣхъ способствовать добру. Только одна общественная жизнь, эта живая школа добродѣтели, можетъ научить человѣка быть счастливымъ матеріально и морально самому и такимъ же образомъ воздѣйствовать на другого и доставить и ему свободное и сознательное счастье; преслѣдуя самъ добродѣтель, каждый членъ общества учитъ таковой же и другого.

Вотъ почему такъ важна живая школа благородной дѣятельности въ общинѣ, въ которой никто не исключенъ отъ нея, какъ не лишенъ свѣта, движенія и воздуха. Нельзя другому отдать полномочія смотрѣть, дышать и двигаться вмѣсто себя; точно такъ же нельзя отчудить постороннему лицу право управлять дѣлами своей семьи, своей мѣстности. А между тѣмъ, кажется, такъ легко и просто поставить постороннихъ людей, совершенно чуждыхъ интересамъ данной мѣстности, и отдать имъ все въ ихъ руки,—словомъ, создать то, что называется административною централизаціею; это—режимъ совершенно противоположный тому, который

мы только что обрисовали въ Новой Англіи. Порядокъ мѣстнаго самоуправленія, который мы видимъ въ Новой и Старой Англіи, мы можемъ даже наблюдать у себя въ Россіи въ средѣ земскаго, а отчасти и крестьянскаго самоуправленія, несмотря на недостатки послѣдняго, обусловливаемые главнымъ образомъ темнотой народа и отсутствіемъ притока къ нему свѣта изъ интеллигентныхъ сферъ. Наоборотъ, любопытно сравнить американскіе порядки съ порядками административной централизаціи, созданной законодательствами двухъ имперій во Франціи и въ большой мѣрѣ удержавшейся въ свободной республикѣ даже теперь; это—систематическое устраненіе отъ мѣстныхъ дѣлъ гражданъ и передача ихъ въ руки чиновниковъ, назначаемыхъ центральною властью. Административная централизація покрываетъ всю страну цѣлою сѣтью мелочей, запутанностей и проволочекъ, чрезъ которую не въ силахъ вырваться самые сильные умы и характеры; она не столько принуждаетъ, сколько мѣшаетъ; она мучитъ, давитъ, безпокоитъ и въ концѣ концовъ усыпляетъ общество. При ней нѣтъ мѣста для самодѣятельности, ибо она задается цѣлью устранить всѣхъ отъ дѣла, всѣмъ руководить, все опекать и даже благодѣтельствовать. Что долженъ чувствовать человѣкъ при такомъ режимѣ правительственной опеки, когда у него отнята часть его естественныхъ и благородныхъ функцій? Послушаемъ, что говоритъ Токвилль о состояніи члена общества при такомъ режимѣ и какъ, естественно, долженъ разсуждать человѣкъ въ такой обстановкѣ: „Какая мнѣ польза въ томъ, что существуетъ власть, всегда находящаяся на ногахъ, которая смотритъ за тѣмъ, чтобы мои удовольствія были спокойны, которая сопровождаетъ каждый мой шагъ, отстраняя отъ меня всѣ опасности раньше, чѣмъ я позабочусь о нихъ подумать, ежели эта власть, устраняя съ моего пути малѣйшіе шипы, въ то же время остается неограниченнымъ господиномъ надъ моими свободою и жизнью, если она до такой степени монополизируетъ движеніе и жизнь, что все гаснетъ вокругъ нея, когда она сама слабѣетъ, все спитъ, когда она сама спитъ, и все умираетъ въ случаѣ ея уничтоженія. При такомъ порядкѣ вещей человѣкъ смотритъ на себя какъ бы на нѣкотораго рода колониста, безучастнаго къ судьбѣ мѣстности,

въ которой онъ живетъ. Мало того: благосостоянiе его деревни, благоустройство его улицы, участь его церкви и прихода тоже не трогаютъ его. Онъ думаетъ, что всѣ эти вещи никоимъ образомъ его не касаются, что онѣ принадлежатъ могущественному иностранцу, называемому правительствомъ... Это самоотреченiе простирается такъ далеко, что если безопасность его самого или его дѣтей становится невѣрною, то вмѣсто того, чтобы позаботиться объ удаленiи опасности, онъ складываетъ руки и ждетъ, чтобы вся нацiя пришла къ нему на помощь. Однако и этотъ человѣкъ, несмотря на столь полное пожертвованiе своею свободною волею, такъ же, какъ и всякiй другой, не любитъ повиноваться. Правда, онъ подчиняется произволу чиновника, но какъ только сила удаляется, такъ онъ готовъ съ презрѣнiемъ относиться къ закону, какъ къ побѣжденному врагу. Поэтому онъ безпрестанно колеблется между рабствомъ и распущенностью" [1]).

Наоборотъ, житель Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ рожденiя научается, что для борьбы со зломъ и затрудненiями жизни надо искать опоры въ самомъ себѣ, для него нѣтъ ничего такого, чего бы человѣческая воля считала невозможнымъ достигнуть соединенными силами отдѣльныхъ лицъ. Въ силу такого склада мысли и жизни, мы видимъ, какъ легко и свободно въ Америкѣ возникаютъ ассоцiацiи, промышленныя, ученыя, общества для преслѣдованiя религiозныхъ и нравственныхъ цѣлей и т. д. На ряду съ ними маленькая сельская община, которая въ другихъ странахъ атрофируется, чахнетъ, заброшенная и забытая всѣми, представляетъ тамъ цвѣтущiй, полный жизни и движенiя организмъ.

Впрочемъ, все это относится, какъ мы сказали, къ штатамъ Новой Англiи и притомъ къ сельскимъ, но не къ городскимъ общинамъ; что касается Америки южнѣе этихъ штатовъ, то тамъ преобладаютъ многочисленные города, и сельская община тоже измѣняетъ свой видъ. При взглядѣ на теперешнее положенiе капиталистической Америки въ этихъ частяхъ то обаянiе, которымъ окружилъ Токвилль Новый Свѣтъ, разсѣивается, и превознесенная имъ 60 лѣтъ назадъ демократiя оказалась теперь не безупречной; въ Нью-

---

[1]) А. Токвилль. „О демократiи въ Америкѣ", стр. 72.

Йоркѣ и другихъ большихъ городахъ Америки всеобщее голосованіе, лишенное всякой организаціи, породило необузданную продажность и колоссальныя хищенія. Тѣмъ не менѣе, какъ доказываетъ Брайсъ въ своей книгѣ „The american commonwealth“, спасеніе Соединенныхъ Штатовъ заключается въ мѣстныхъ установленіяхъ, въ сельской демократіи, составляющей, благодаря своей умѣренности и солиднымъ качествамъ, противовѣсъ городской демократіи съ ея излишествами. Чтобы понять такое существенное измѣненіе быта во многихъ частяхъ Америки, надо припомнить исторію ея экономической жизни. Америка, преимущественно въ Новой Англіи, заселялась трудящимися рабочими, при ея заселеніи цѣнность земли была ничтожна, и только та земля, въ которую вкладывался трудъ, имѣла нѣкоторую цѣнность, но и для новыхъ пришельцевъ оставалось много мѣста для приложенія своихъ силъ. Изъ всѣхъ видовъ богатства: земли, капитала и труда, значеніе имѣлъ трудъ, и даже капиталъ имѣлъ мало значенія: обладая орудіями производства, рабочіе не нуждались въ услугахъ капиталистовъ. Д. С. Милль приводитъ примѣръ подобной непригодности для дѣла капитала изъ жизни американскихъ колоній, а именно колоніи Лебяжьей рѣки (Swan River); такъ какъ рабочія силы были тамъ достаточно снабжены капиталомъ, то капиталъ пропадалъ безслѣдно по недостатку нуждающихся въ немъ рабочихъ силъ, не принося никакого процента. Но времена измѣнились: свободныя земли были заняты въ собственность отдѣльными лицами, образовался, особенно въ городахъ, пролетаріатъ, лишенный собственности и орудій производства; на этой почвѣ развивается быстро и сильно капитализмъ съ его крупнымъ производствомъ, съ его фабриками и машинами, и Америка стала на путь, неизбѣжно ведущій къ административной централизаціи. Тѣмъ не менѣе, для сравненія мы можемъ указать на другую страну—Швейцарію, государственный и общественный бытъ которой вполнѣ напоминаетъ американскую федерацію. Начало швейцарской федераціи такъ же скромно, какъ и начало американскаго союза, результаты не менѣе блестящи. Какъ извѣстно, Швейцарія образовалась изъ союза, заключеннаго въ 1291 г. между кантонами Швицъ, Ури,

Унтервальденъ; этотъ союзъ обратился въ 1353 году въ федерацію 8 кантоновъ, а въ 1513 году—въ федерацію 13 кантоновъ, и въ настоящее время состоитъ изъ 22 кантоновъ. Изъ этого видно, что этотъ союзъ образовался вполнѣ органически и самостоятельно: раньше чѣмъ образовался кантонъ существовали общины; общины слились въ маленькія государства-кантоны, а кантоны слились въ швейцарскій союзъ. Общины завѣдуютъ всѣми дѣлами управленія при личномъ и непосредственномъ участіи всѣхъ гражданъ, которые избираютъ въ качествѣ представителя исполнительной власти старосту (Amtman) и другихъ должностныхъ лицъ. Общины въ законодательномъ и финансовомъ отношеніяхъ подчинены государственной власти кантона, но законы исполняются и подати взимаются подъ личною отвѣтственностью должностныхъ лицъ общины и по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, хотя община сохраняетъ за собою право налагать и взимать свои налоги для мѣстныхъ нуждъ, а также самостоятельно издавать обязательныя постановленія для своихъ членовъ. Судебный надзоръ есть единственная форма вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія. Швейцарія умѣла сохранить свою общинную жизнь въ первоначальной простотѣ и свѣжести; между тѣмъ какъ въ остальной части Западной Европы образовывались крупныя поземельныя владѣнія частныхъ лицъ, а съ XVIII и XIX столѣтія идетъ развитіе капиталистическихъ предпріятій, сперва въ видѣ мануфактуръ, а потомъ фабрикъ, съ примѣненіемъ силы пара и машинъ, и скопляются крупные торговые капиталы. Швейцарія представляетъ полную противоположность какъ относительно своего землевладѣнія, такъ и относительно оригинальныхъ формъ своей промышленности; этихъ формъ не могла подавить и уничтожить конкуренція капиталистической Европы.

Извѣстно, что общинная поземельная собственность не сохранилась въ своемъ первобытномъ видѣ нигдѣ такъ, какъ въ Швейцаріи, въ нѣкоторыхъ славянскихъ странахъ и Россіи. Швейцарцы, кромѣ отдѣльной собственности, большею частью мелкой, оставляли въ общинномъ пользованіи выгоны, лѣса, пастбища и другія угодья. Таковая основа поземельнаго строя дала возможность жителямъ, даже не пользовавшим-

ся отдѣльными участками земли, кромѣ усадьбы, развить мелкую обработывающую промышленность: крестьяне-общинники могли пасти на выгонахъ и въ общественныхъ лѣсахъ свои миніатюрныя стада, собирать шерсть, разводить шелковичныхъ червей перейти къ приготовленію шелковыхъ тканей, выдѣлывать сыры, заниматься древодѣліемъ, плетеніемъ стульевъ, креселъ, дивановъ и т. п. Правда, не всѣ пользовались общинными угодьями, а только коренные жители (Bürgergemeinden), которые только одни вѣдали дѣло мѣстнаго управленія, а прочіе жители (advenaires ou manants) сначала не допускались къ участію въ дѣлахъ; но послѣ французской революціи права гражданства дарованы были всѣмъ гражданамъ, которые и рѣшаютъ ихъ въ своемъ conseil municipal. Несмотря на то, что въ Швейцаріи существуютъ три разряда гражданъ: частныхъ собственниковъ, собственниковъ-общинниковъ и лицъ, вовсе не имѣющихъ собственности, но вслѣдствіе развитія мелкой домашней промышленности, можно сказать, что мало гражданъ, которые не имѣли бы самостоятельной мастерской или промысла; число наемныхъ рабочихъ очень ограничено; правами же гражданства пользуются всѣ правоспособные жители. Въ Швейцаріи, можно сказать, нѣтъ уголка, гдѣ бы сельское населеніе не соединяло землевладѣльческаго труда съ промышленнымъ; это общій характеръ всей швейцарской промышленности. Шерстяная, напримѣръ, промышленность, какъ доказано опытомъ, можетъ развиваться какъ въ маломъ, такъ и въ большомъ производствѣ. Сырой матеріалъ—шерсть—бываетъ часто у сельскихъ жителей домашнимъ продуктомъ, а поэтому не только ткачество, но и пряденіе шерсти въ нѣкоторыхъ частяхъ Запада до сихъ поръ считается въ видѣ побочнаго занятія земледѣльцевъ. Въ Швейцаріи ткачество шерстяныхъ матерій никогда не достигало обширныхъ размѣровъ, но въ маломъ видѣ, какъ домашнее занятіе, производится во всѣхъ кантонахъ; швейцарцы производятъ грубую и посредственную шерсть и не основываютъ обширной фабрикаціи, а обращаютъ ее главнымъ образомъ на домашнія нужды. Швейцарская хлопчатая промышленность, уступающая по своему развитію, можетъ-быть, только одной англійской, основана главнымъ образомъ на домашнемъ трудѣ. Въ Швейцаріи

эта промышленность такъ сильна, что всѣ европейскія государства ограждаются таможенными пошлинами противъ маленькой соперницы. Ручное ткачество разсѣяно по деревнямъ, хотя имѣются механическія ткацкія заведенія. Положеніе рабочихъ не такъ тяжело, какъ въ другихъ государствахъ; лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить вклады въ ссудо-сберегательныя кассы. Льняная промышленность въ Швейцаріи была первоначально домашнимъ занятіемъ; когда возникла конкуренція со стороны крупной промышленности, Швейцарія не ограждалась таможнями и заботилась только объ улучшенномъ воздѣлываніи льна, объ усовершенствованіи ручного пряденія и бѣленія полотенъ. Потомъ швейцарцы основали механическія прядильни въ небольшихъ размѣрахъ, и пряжа ихъ стала замѣнять лучшую англійскую; домашнее ткачество удержалось до сихъ поръ, а во многихъ мѣстахъ существуетъ даже ручное пряденье льна. Однимъ словомъ, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ промышленности, Швейцарію можно противопоставить Англіи. Въ Швейцаріи для шелковыхъ издѣлій до сихъ поръ очень мало фабрикъ: шелковая фабрикація здѣсь разсѣяна большею частью въ деревняхъ. Главное ея сосредоточіе—Базель и Цюрихъ, за ними нѣкоторые сосѣдніе кантоны—Цугъ, Аргау, Торгау, Ури и нѣкоторыя другія мѣста. „Когда вы вступаете въ базельскій кантонъ,—говоритъ одинъ ученый,—васъ поражаетъ дѣятельность деревень. Нѣтъ жилища, въ которомъ не было бы одного или нѣсколькихъ ткацкихъ станковъ. Промышленность отличается простотою и дешевизною издѣлій, которая переживаетъ всевозможные кризисы. Но здѣсь уже совсѣмъ нѣтъ фабрикъ, а всюду разсѣяны сельскія мастерскія: шелковая промышленность здѣсь вся скрывается въ хижинахъ, деревняхъ и предмѣстіяхъ“.

Нигдѣ, вѣроятно, не имѣютъ такого огромнаго значенія отрасли домашняго производства золотыхъ и серебряныхъ издѣлій вмѣстѣ съ часовымъ дѣломъ, какъ въ Швейцаріи: фабрикація часовъ есть одна изъ интереснѣйшихъ и блестящихъ отраслей домашняго труда. Часовое дѣло на горахъ Швейцаріи вошло какъ бы въ плоть и кровь населенія; годовой заработокъ рабочаго простирается отъ 300 до 400 талеровъ, но онъ увеличивается еще работой дѣтей и женщинъ, которыя

полируютъ и золотятъ. Выдѣлка желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій также сильно распространена, особенно производство оружія, но большихъ оружейныхъ фабрикъ нѣтъ. Рѣзныя деревянныя издѣлія Швейцаріи отличаются рѣдкимъ искусствомъ и художественностью и дѣлаются тамъ крестьянами, жителями гористой и безплодной страны. Центръ этой промышленности—гористая часть Берна, гдѣ она достигла удивительнаго совершенства. Къ не менѣе прекраснымъ плодамъ домашней швейцарской промышленности принадлежатъ издѣлія изъ слоновой кости: извѣстныя соломенныя, вязаныя, плетеныя издѣлія приготовляются домашнимъ способомъ въ кантонахъ Цюриха, Берна, Люцерна. Можно упомянуть о производствѣ кожъ и обуви, которыя не имѣютъ характера фабричнаго производства, о крашеніи овчинныхъ шкуръ и т. п. [1]).

Никто изъ наблюдавшихъ или изучавшихъ общественную жизнь Швейцаріи не станетъ отрицать глубокой связи между учрежденіями тамошняго самоуправленія и развитіемъ экономическаго благосостоянія страны: одно другое обусловливаетъ, и трудно сказать, что́ здѣсь причина и что́ слѣдствіе. Швейцарцы переносятъ начала самоуправленія и въ экономическую жизнь: деревни одного кантона и кантоны связаны между собою въ экономическіе союзы. Часовой промыселъ организованъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: въ одной деревнѣ мастера работаютъ однѣ части механизма, а въ другой—другія и т. д.; въ одной изъ послѣдующихъ эти части собираются, и всѣ общины передаютъ свои издѣлія другъ другу безъ торгашей, безъ денегъ, простымъ обмѣномъ, основаннымъ на взаимномъ довѣріи. Даже цѣлые кантоны работаютъ такимъ образомъ другъ для друга, вымѣнивая взаимно свои произведенія: Женева доставляетъ Нейенбургу золотые корпуса для карманныхъ часовъ и получаетъ оттуда часовые приборы. Вообще всѣ часовые мастера въ Юрѣ составляютъ какъ бы одинъ экономическій союзъ; не только въ часовой, но и въ другихъ отрасляхъ промышленности существуютъ взаимная помощь и довѣріе: вотъ благодаря

---

[1]) Корсакъ. „О формахъ промышленности“, стр. 146—192.

чему цѣлые милліоны остаются у самостоятельныхъ рабочихъ-хозяевъ.

Вообще нельзя не замѣтить извѣстнаго параллелизма между извѣстными формами землевладѣнія и формами промышленности данной страны, съ одной стороны, и формами мѣстнаго управленія, съ другой; если мы пожелаемъ понять духъ и строй извѣстнаго административнаго порядка въ странѣ, то должны изучить и формы экономическаго быта ея. Но мы далеки отъ мысли видѣть безусловную зависимость перваго рода явленій отъ вторыхъ; мы далеки отъ положенія, провозглашеннаго школой такъ называемыхъ экономическихъ матеріалистовъ и ея основателя К. Маркса, по которому, „экономическая структура общества есть дѣйствительный фундаментъ, на которомъ возвышается все правовое и политическое зданіе“. Мы, повторяемъ, далеки отъ мысли объяснять всѣ явленія, политическія, правовыя и административныя, экономическими причинами. Напротивъ того, тѣ и другія въ громадной степени обусловливаются тѣмъ, что называется національнымъ характеромъ; такъ, извѣстные ученые, какъ, напримѣръ, Фрименъ, Стебсъ, Гнейстъ и другіе, объясняли развитіе свободныхъ политическихъ и административныхъ учрежденій англичанъ, швейцарцевъ и американцевъ свойствами германской расы, наложившей печать на ихъ характеръ. Но въ послѣднее время Альфредъ Фулье въ своей книгѣ „Психологія французскаго народа“ проводитъ ту мысль, что нельзя смотрѣть на національный характеръ, какъ на какую-то застывшую въ извѣстныхъ формахъ категорію, какъ на нѣчто данное; напротивъ того, національная психологія есть результатъ развитія, главными факторами котораго являются факторы антропологическіе, географическіе и историческіе. Мы же съ своей стороны, присоединяясь къ идеѣ А. Фулье и не отвергая громаднаго значенія факторовъ экономическихъ на образованіе и развитіе въ частности формъ и уклада мѣстнаго управленія, придаемъ не малое значеніе какъ разумности и цѣлесообразности самыхъ формъ общественной жизни, такъ и воздѣйствію идей на организацію и дѣятельность общественной жизни. Пояснимъ нашу мысль такимъ примѣромъ: какъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, весь характеръ англійскаго мѣстнаго самоуправленія въ боль-

шой мѣрѣ обусловливается, помимо умственнаго развитія англичанъ, ихъ особыми формами экономическихъ отношеній, главнымъ образомъ крупнымъ землевладѣніемъ. Проходитъ время, идея мѣстнаго самоуправленія такъ окрѣпла и развилась среди англійскаго общества, что, по законамъ 1888 и 1894 годовъ, къ участію въ пользованіи благами мѣстнаго самоуправленія постепенно допускаются сначала городскіе, а потомъ и сельскіе рабочіе. Въ 1894 же году, по закону о мѣстномъ самоуправленіи, проведена мѣра, по которой приходскимъ собраніямъ предоставлено право посредствомъ экспропріаціи, т.-е. принудительнаго отчужденія собственности съ дозволенія правительства, пріобрѣтать участки земли для поселенія рабочаго люда. Такимъ образомъ органы мѣстнаго самоуправленія получаютъ возможность совершенно легальнымъ путемъ видоизмѣнять форму экономическихъ отношеній общества и даже самую консервативную изъ нихъ—землевладѣніе. Съ своей стороны будемъ надѣяться и мы, что идея земскаго самоуправленія, провозглашеннаго реформами Александра II, повліяетъ существенно, какъ даже вліяетъ уже, на улучшеніе экономическаго и вообще культурнаго благосостоянія страны и нашего земледѣлія и промышленности. Тѣмъ не менѣе, настоящее свое изслѣдованіе мы должны начать изъ исходнаго пункта, изъ даннаго экономическаго строя и прежде всего бросить бѣглый взглядъ на экономическій бытъ западной Европы, имѣя въ виду выдающіяся страны въ ней, именно Англію и Францію; параллельно съ этимъ прослѣдить развитіе и данное состояніе, характеръ и дѣятельность мѣстнаго управленія въ этихъ двухъ странахъ, представляющихъ двѣ типическія противоположности административныхъ порядковъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ полную децентрализацію, полное самоуправленіе мѣстностей, а съ другой стороны—административную централизацію и слабые проблески идей мѣстнаго самоуправленія. Сравнительное разсмотрѣніе этихъ двухъ странъ въ административномъ отношеніи уяснитъ намъ многое, можетъ научить многому—какъ намъ быть и что намъ дѣлать въ нашей родной и дорогой намъ Россіи. Является прежде всего вопросъ, откуда произошло столь рѣдкое различіе между административнымъ укладомъ той и другой страны, ме-

жду тѣмъ какъ и по культурному своему развитію и по экономическому своему строю обѣ страны во многихъ отношеніяхъ между собою сходны. Мы не даромъ коснулись маленькой Швейцаріи, гдѣ многое такъ своеобразно: сохранившіяся формы домашней или кустарной промышленности городской и сельской, мелкое землевладѣніе, дорогое право для гражданъ пользованія общинными землями, общинная жизнь, самоуправленіе съ правомъ непосредственнаго участія всѣхъ гражданъ въ обсужденіи и веденіи своихъ мѣстныхъ дѣлъ и общее экономическое благосостояніе всѣхъ жителей, при отсутствіи крупнаго производства и крупныхъ богатствъ. Если человѣкъ имѣетъ достатокъ и досугъ для отдыха, для образованія, для размышленія о положеніи своемъ и другихъ его сосѣдей, если онъ при этомъ имѣетъ свободу участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, то потребность въ общественномъ дѣлѣ станетъ для него такою же потребностью, какъ ѣсть, пить, дышать свѣжимъ воздухомъ и трудиться. Онъ никакому другому лицу не передастъ удовлетворенія этого своего естественнаго инстинкта, никому не поручитъ дѣлать и думать за себя, какъ не найметъ онъ батрака для того, чтобы передвигать себя съ мѣста на мѣсто; это-то мы и видимъ въ общественной жизни Новой Англіи и Швейцаріи. Если, наоборотъ, субъектъ не имѣетъ времени, а вслѣдствіе того и охоты, заниматься дѣлами своего околотка, своей мѣстности и даже дѣлами своей семьи, если все его время поглощено пріисканіемъ дневного заработка или непосильною утомительною работою, если у него даже для физическаго отдыха нѣтъ ни времени, ни возможности, то у него не будетъ охоты участвовать въ дѣлахъ своей общины, своего мѣстнаго округа; онъ останется съ задавленной и неудовлетворенной потребностью общественной дѣятельности и апатичнымъ къ ней, хотя бы ему и было дано право въ ней участвовать. Справедливо было замѣчено, что предоставленіе человѣку формальныхъ политическихъ правъ и свободы равносильно праву и свободѣ умирать съ голода.

Какъ извѣстно, громадное большинство такъ называемыхъ гражданъ въ Западной Европѣ, несмотря на дарованіе имъ политическихъ правъ осталось только при подобной формальной свободѣ и формальныхъ правахъ. Намъ придется

еще более подробно изслѣдовать этотъ вопросъ объ аграрномъ и экономическомъ положенiи большинства гражданъ въ одной части Западной Европы, а именно во Францiи и Англiи, болѣе или менѣе напоминающемъ экономическое положенiе всей Западной Европы. Теперь же обратимъ вниманiе на другую сторону вопроса—на положенiе имущихъ классовъ и на отношенiе со стороны ихъ къ своимъ дорогимъ правамъ—участiя въ мѣстномъ самоуправленiи, въ муниципальныхъ, окружныхъ и провинцiальныхъ совѣтахъ. Весь современный строй Западной Европы можно назвать строемъ капиталистическимъ, строемъ буржуазнымъ, строемъ меркантильнымъ. Характеристическими чертами этого строя, если смотрѣть на верхнiе слои его, являются: безграничная конкуренцiя промышленности, возвышенiе однѣхъ состоянiй, упадокъ и разоренiе другихъ, поглощенiе мелкихъ хозяйствъ крупными, концентрацiя хозяйствъ въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ частныхъ предпринимателей, компанiй, синдикатовъ, разрушенiе или крахи этихъ крупныхъ предпрiятiй и богатствъ съ тѣмъ, чтобы опять изъ разбросанныхъ матерiальныхъ силъ образовались новыя, которыя опять - таки повторили бы тотъ же круговоротъ,—словомъ, непрочность и вѣчная измѣнчивость состоянiй и положенiй. Здѣсь нѣтъ ничего прочнаго, здѣсь каждый терзается страхомъ быть оттѣсненнымъ внизъ и страстнымъ желанiемъ подняться выше, и такъ какъ деньги, ставъ главнымъ признакомъ общественнаго положенiя и отличiй, въ то же время прiобрѣли необычную подвижность, безпрепятственно переходятъ изъ рукъ въ руки, возвышая и принижая семьи; въ такихъ обществахъ не существуетъ почти никого, кто бы не былъ вынужденъ дѣлать отчаянныя и постоянныя усилiя съ цѣлью сбереженiя и прiобрѣтенiя денегъ. Изысканiе прибыльныхъ аферъ, страсть къ барышу, погоня за благосостоянiемъ и матерiальными наслажденiями являются въ такомъ обществѣ самыми обычными страстями. Итакъ эгоизмъ, корыстолюбiе и страсть къ наслажденiямъ являются отличительными признаками господствующихъ классовъ. Эгоизмъ ихъ объясняется промышленною конкуренцiею, способствующею развитiю въ средѣ ихъ чувства враждебности и недоброжелательства къ людямъ. Корыстолюбiе и страсть къ матерiальнымъ наслажденiямъ

объясняются тѣмъ закономъ, формулированнымъ еще Аристотелемъ, что хотя человѣкъ по природѣ своей и любитъ матеріальныя блага, но при обыкновенной экономической дѣятельности, напримѣръ, въ трудѣ ремесленника или сельскаго хозяина, это желаніе находитъ себѣ естественный предѣлъ въ его собственныхъ силахъ, способностяхъ и природѣ. У капиталиста-промышленника часто безъ особаго труда и напряженія силъ, при благопріятныхъ условіяхъ, деньги приливаютъ къ деньгамъ и росту богатства нѣтъ предѣловъ. Съ другой стороны, при постоянной конкуренціи онъ постоянно терзается опасеніемъ не потерять, не разориться, и у него алчность къ деньгамъ и наслажденіямъ приковываетъ къ себѣ всѣ мысли, чувства, волю. При подобномъ настроеніи души гдѣ ужъ ему думать о другихъ, объ общей пользѣ, объ общественныхъ дѣлахъ! Для него представляется самый простой и удобный путь—поручить веденіе всѣхъ общественныхъ мѣстныхъ дѣлъ въ руки особаго спеціалиста, знатока администраціи, въ руки чиновника. Этотъ чиновникъ подумаетъ за насъ о нашихъ мѣстныхъ дѣлахъ, обезпечитъ намъ спокойствіе и порядокъ, даже накормитъ голодныхъ и посадитъ въ тюрьму безпокойныхъ. Вотъ на какомъ фундаментѣ во Франціи въ XVIII вѣкѣ,—когда дворянство въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, несмотря на свои привилегіи, устранялось отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и бѣднѣло, а буржуазія уже тогда начала проявлять инстинкты алчности и равнодушія къ общественной пользѣ,—начало создаваться зданіе административной централизаціи, завершившейся французскою революціею, отъ которой выиграла одна буржуазія, между тѣмъ какъ дворянство было сметено съ лица земли. А капитализмъ между тѣмъ все болѣе и болѣе шелъ въ гору; насталъ вѣкъ, о которомъ говорилъ Токвилль [1]): „Въ настоящее время господствуетъ особая страсть къ матеріальному благосостоянію, которая ведетъ къ рабству,—вялая, но въ то же время упорная и непобѣдимая страсть, которая соединяется легко и, такъ сказать, сплетается со многими добродѣтелями въ частной жизни, съ любовью къ родным, съ воздержаніемъ, съ уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, которая разрѣшаетъ

---

[1]) A. Toqueville. „L'ancien regime“.

честность, но не допускаетъ героизма и отлично приспособлена къ выработкѣ приличныхъ людей и трусливыхъ гражданъ". Итакъ французы въ XIX вѣкѣ достигли политической свободы, но въ своихъ общественныхъ дѣлахъ подпали игу чиновниковъ, и когда Тьеръ гордо повторялъ: „Nous avons la centralisation, que l'Europe nous envie", французскіе граждане хотя соглашались съ нимъ, но прибавляли: „Nous nous sommes trop gouvernés".

Другой ходъ былъ мѣстнаго управленія въ Англіи, объясняемый отчасти экономическою структурою англійскаго быта. Извѣстно, что въ Англіи мелкой поземельной собственности вовсе нѣтъ, вся собственность сосредоточена въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ и въ рукахъ лицъ средняго состоянія, извѣстнаго класса, хотя не кастоваго сословія, носящаго спеціальное названіе джентри. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ причинъ этотъ классъ сосредоточилъ у себя веденіе всѣхъ дѣлъ мѣстнаго самоуправленія, которое и оставалось въ ихъ рукахъ вплоть до закона 1894 года (однако, это не относилось къ городамъ). При характеристикѣ этого класса надо обратить вниманіе, что это—лица, живущія на доходы землевладѣнія и всецѣло себя посвятившія веденію общественныхъ дѣлъ; чиновниковъ въ смыслѣ французскихъ администраторовъ въ Англіи почти не существуетъ.

И такъ же, какъ во Франціи, и въ Англіи веденіе дѣлъ мѣстнаго управленія отдано было въ руки особаго класса спеціалистовъ, а всѣ остальные граждане лишены были права участія въ немъ. Выиграло ли общество отъ такой спеціализаціи, отъ такого раздѣленія классовъ на управителей и на управляемыхъ, отъ такого раздѣленія труда? Мы думаемъ, что нѣтъ: узкая спеціализація, переходящая извѣстныя границы, или раздѣленіе труда, даже въ области чисто экомической, вызывало осужденіе этого явленія со стороны публицистовъ, наблюдавшихъ его, напримѣръ, въ Европѣ со стороны Прудона, въ Россіи со стороны Н. К. Михайловскаго[1]). Раздѣленіе и спеціализація труда заставляютъ субъекта посвятить себя, исключительно одному дѣлу, упражненію однихъ мускуловъ, тогда какъ другіе находятся вѣчно въ без-

---

[1]) Н. К. Михайловскій. „Что такое прогрессъ?" Сочиненія, т. IV.

дѣйствіи или исключительно заняты одною головною работою, часто въ сферѣ узкой спеціальности: это состояніе разрушаетъ здоровье, истощаетъ энергію и умъ, мѣшаетъ развитію и создаетъ односторонность. Между тѣмъ субъектъ долженъ бы жить полною жизнью, не предаваться навѣки и постоянно одному дѣлу, но разнообразить его. Такъ точно, какъ атрофируются извѣстные мускулы отъ отсутствія ихъ упражненія или части психическаго организма, между тѣмъ какъ односторонне развиваются другіе въ ущербъ цѣлому, то же случается и тогда, когда общество раздѣляется на опекуновъ и опекаемыхъ: общественные инстинкты при этомъ глохнутъ, а развитіе духа, несомнѣнно, ослабѣваетъ.

ГЛАВА II.

Аристократическій строй и Selfgovernment Англіи.

Предметомъ настоящей главы будетъ описаніе экономическаго и главнымъ образомъ аграрнаго строя Англіи сравнительно съ изложеніемъ порядковъ мѣстнаго самоуправленія[1]). Изложеніе это можетъ служить поучительнымъ урокомъ, какъ иногда можетъ совпадать личная свобода гражданъ съ хозяйственнымъ ихъ угнетеніемъ.

Извѣстно, какъ завоевана была Англія во время норманскаго нашествія: вся земля была обращена въ руки завоевателей, и только небольшая часть территоріи осталась въ рукахъ обязанныхъ крестьянъ, зависимыхъ отъ главныхъ феодаловъ. Согласно „Domesdaybook", заключавшей въ себѣ перепись народа, кадастръ и опись земель, вся территорія Англіи, какъ добыча завоеванной земли, была раздана дружинникамъ; феодаламъ было роздано 60.215 помѣстій, изъ коихъ 28.115 приписаны были церквамъ и духовенству. Нѣкоторымъ изъ туземцевъ, англо-саксамъ и бритамъ, оставлены были такія земли или часть земель, но на условныхъ правахъ, при

---

[1]) R. Gneist. „Geschichte und heutige Gestalt der Englischen Communalverfassung". 1870. B. I, II, III, IV, V. Князь А. Васильчиковъ. „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и въ другихъ европейскихъ странахъ". С.-ПБ., 1876 г. Стр. 25—176.

чемъ вся территорія Англіи de jure признавалась собственностью короля или казны, и главные феодалы считались вассалами короля; мелкіе владѣльцы подчинялись не непосредственно королевской власти, но вотчинникамъ, къ владѣніямъ коихъ были приписаны: вольныхъ людей считалось между ними только 23.000 и обязанныхъ поселянъ (villani) 102.702. Наконецъ, третье сословіе состояло изъ осѣдлыхъ крестьянъ, водворенныхъ на чужихъ помѣщичьихъ земляхъ на положеніи тяглыхъ, полутяглыхъ, бобылей и невольниковъ числомъ 107.000. Крупные феодалы образовали верхній и могущественный слой населенія—лордовъ, а средніе землевладѣльцы, подъ именемъ фригольдеровъ, впослѣдствіи подъ именемъ gentry, образовали второй слой англійскаго землевладѣнія. Часть первоначальныхъ собственниковъ (фригольдеровъ) перешла въ положеніе обязанныхъ поселянъ-копигольдеровъ (copyholders) наравнѣ съ прежними обязанными поселянами (villani). Эти же послѣдніе изъ обязанныхъ поселянъ перешли въ положеніе арендаторовъ (farmers), изъ которыхъ нѣкоторые и остались въ этомъ положеніи фермеровъ, а другіе превратились въ разрядъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, въ поденщиковъ, чернорабочихъ и пролетаріевъ.

Извѣстно, что въ Англіи крѣпостное состояніе исчезло незамѣтно, и освобожденіе крестьянъ совершилось съ XI по XIV вѣкъ, и притомъ не вслѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій, а по частнымъ сдѣлкамъ и добровольнымъ условіямъ помѣщиковъ съ крестьянами, хотя послѣдніе крѣпостные были, однако, отпущены при Елизаветѣ въ 1603 году. При освобожденіи крестьянъ англійскіе помѣщики руководились не столько альтруизмомъ, не столько великодушными симпатіями къ меньшему брату, сколько личнымъ разсчетомъ; они поняли выгоду свободнаго труда сравнительно съ рабскимъ трудомъ. Съ другой стороны, они понимали, что закрѣпленіе рабочихъ на помѣщичьихъ земляхъ можетъ привести со временемъ, какъ это и случилось на континентѣ, къ закрѣпленію за ними этихъ земель по давности владѣнія и къ признанію права собственности на нихъ за крестьянами. Поэтому помѣщики съ дальновидною предусмотрительностью поняли, что лучше уступить поселянамъ личную свободу, чѣмъ часть своихъ имуществъ, что лучше такъ

устроиться, чтобы безъ насилія, безъ экспропріаціи, при полной вольности лицъ и имуществъ, крупные собственники могли бы постепенно округлять свои владѣнія, скупать мелкіе участки, выселять прежнихъ владѣльцевъ и остаться полными владыками всей земли. Главное стремленіе помѣщиковъ, продолжавшееся до XVIII вѣка, состояло въ томъ, чтобы постепенно переводить обывателей помѣщичьихъ земель изъ безсрочныхъ и обязанныхъ поселянъ въ вольныхъ, не срочныхъ арендаторовъ, изъ безправнаго состоянія въ законное и условное пользованіе, изъ прежнихъ классовъ оброчниковъ и барщинниковъ въ фермеровъ и простыхъ съемщиковъ помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ совершался процессъ обезземеливанія низшихъ классовъ; по свидѣтельству Маколея, въ 1660 г. мелкихъ владѣльцевъ-фригольдеровъ, копигольдеровъ, йоменовъ оставалось не менѣе 160.000 домохозяевъ, но въ 1816 году ихъ насчитываютъ только 16.000 домохозяевъ, а въ 1831 г. 7200. Въ то же время всѣхъ землевладѣльцевъ считалось въ Англіи—30.766 и въ настоящее время этому числу лицъ принадлежитъ вся территорія Англіи, около 37 милліоновъ акровъ. Такимъ образомъ процессъ обезземеливанія приведенъ былъ къ концу; этотъ процессъ совершился законно, подъ охраною суда, правда, по законамъ, установленнымъ крупными собственниками и по суду, составленному изъ лицъ имущественныхъ классовъ. Лендлорды, какъ бы великодушно, отказались отъ крѣпостныхъ патріархальныхъ правъ. Большая часть прежнихъ форменныхъ контрактовъ была обращена въ частныя условія, и поселяне переименованы изъ copyholder'овъ въ leasholders,—право законнаго владѣнія было замѣнено правомъ пользованія по волѣ лорда. Въ настоящее время очень вліятельный классъ фермеровъ безусловно подчиненъ лордамъ и служитъ главнымъ орудіемъ ихъ политическаго преобладанія.

Въ Англіи, какъ и въ большей части Европы, существовали еще общинныя земли, въ которыхъ право участія принадлежало не только крупнымъ собственникамъ, но и мелкимъ. Но съ XVII столѣтія начался процессъ разверстанія общинныхъ земель, первые опыты котораго подвигались туго, ибо требовалось обоюдное согласіе общинъ и лордовъ. Съ начала XIX столѣтія размежеваніе пошло быстрѣе, но

большею частью кончалось тѣмъ, что лорды скупали эти общія угодья, платя за нихъ высокія цѣны и обращая ихъ въ пастбища и искусственные луга. Въ 1845 г. признано было закономъ, что всѣ домохозяева-общинники имѣютъ право на выдѣлъ участка въ натурѣ, и что бѣднѣйшимъ изъ нихъ надѣляется во всякомъ случаѣ не менѣе $^1/_4$ акра. Однако, при этомъ для процесса разверстанія требовалась слишкомъ долгая процедура и большіе расходы для бѣдныхъ владѣльцевъ; у многихъ изъ владѣльцевъ утеряны были формальныя доказательства на право владѣнія; владѣльцы выдѣленныхъ участковъ должны были по нуждѣ и задолженности уступать ихъ крупнымъ собственникамъ, которые скупали ихъ для себя весьма выгодно, и разверстаніе общинныхъ земель совершилось въ такомъ видѣ, что почти всѣ эти земли перешли въ исключительное владѣніе крупныхъ владѣльцевъ, и въ XIX вѣкѣ запасныхъ земель оставалось уже ничтожное количество. Сосредоточенію крупной собственности въ немногихъ рукахъ способствовала въ Англіи законы о наслѣдствѣ; въ Англіи укоренились заповѣдныя имѣнія по обычаю, по частнымъ распоряженіямъ и завѣщаніямъ владѣльцевъ, хотя въ 1848 г. было формально запрещено завѣщать на вѣчныя времена, а только съ поименованіемъ наслѣдниковъ, а потомъ заповѣдность должна быть снова установлена новымъ актомъ. Въ силу такихъ причинъ, во всемъ королевствѣ Англіи и княжествѣ Валлисскомъ, осталось только два разряда осѣдлыхъ сельскихъ жителей, землевладѣльцы и фермеры. Переходъ мелкихъ участковъ къ крупнымъ совершился, какъ мы сказали, вслѣдствіе принудительнаго разверстанія, частью вслѣдствіе добровольной уступки ихъ со стороны владѣльцевъ на условіяхъ мягкихъ для нихъ и выгодныхъ для крупныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ въ 1869 г. отдѣльныхъ помѣстіей въ Англіи считалось 223.271, принадлежавшихъ 30.776 владѣльцамъ.

Хозяйственная эксплоатація этихъ помѣстій находится въ рукахъ фермеровъ; землевладѣльцы оставляютъ за собою только ближайшія поля, прилегающія къ ихъ усадьбамъ и паркамъ и заводятъ на нихъ образцовыя фермы не столько для промышленной культуры, сколько для примѣра и ис-

пытанія новыхъ агрономическихъ пріемовъ. Прочія земли подраздѣляются на фермы, средній размѣръ которыхъ невеликъ (отъ 60 до 80 десятинъ), отдаваемыя въ аренду среднимъ по богатству хозяевамъ. Нужно замѣтить, что въ Англіи существуетъ прочность арендныхъ отношеній, основанная не на буквѣ закона, а на общемъ духѣ законодательства и на разумномъ пониманіи обоюдныхъ выгодъ и удобствъ. Большая часть фермъ сдается на условіяхъ, подходящихъ подъ двѣ категоріи: по формально заключеннымъ контрактамъ на извѣстные сроки (lease) и съ воли (at will) или на усмотрѣніе владѣльца, имѣющаго право во всякое время отказать фермеру въ дальнѣйшемъ содержаніи аренды. При этомъ надо обратить вниманіе, что (какъ это анализировалъ еще Д. С. Милль) мнѣніе, будто цѣны на продукты и на владѣнія опредѣляются исключительно политико-экономическимъ закономъ спроса и предложенія—невѣрно; отношенія эти въ большей мѣрѣ опредѣляются въ силу обычая и особою солидарностью интересовъ между собственниками и арендаторами, которая заставляетъ держаться послѣднихъ за извѣстное лицо, и какъ въ дѣлахъ политическаго, такъ и въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія болѣе слабому идти за болѣе сильнымъ. Вся англійская исторія есть наглядный примѣръ, какъ арендаторы слѣдовали въ государственныхъ дѣлахъ въ большинствѣ случаевъ мнѣнію и руководству собственниковъ, которые, защищая интересы свои, въ то же время преслѣдовали и защищали интересы своихъ арендаторовъ; послѣдніе являлись часто помощниками и сотрудниками первыхъ въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, что особенно замѣтно въ дѣлахъ прихода, не говоря уже о дѣлахъ парламентскаго правленія, въ которомъ допущены избирателями состоятельные фермеры.

Формальныя арендныя условія обыкновенно заключаются на сроки отъ 7 до 14 лѣтъ въ Англіи и отъ 19 до 21 года въ Шотландіи; дома, подгородныя строенія и дачи отдаются по контрактамъ на 99 лѣтъ. Иногда аренды отдаются на имя фермера и его дѣтей пожизненно. Въ настоящее время долгосрочныя аренды выходятъ изъ употребленія, такъ какъ собственники предпочитаютъ болѣе форму арендованія at will, при которой они могутъ удобнѣе держать въ зависи-

мости въ государственномъ отношеніи фермеровъ. Контракты заключаются только на крупныя помѣстья, и отдаются лицамъ, имѣющимъ все нужное хозяйственное обезпеченіе. Такимъ образомъ выдѣлился и двоякій разрядъ фермеровъ: одинъ изъ господъ (gentlemen farmers), другой изъ простолюдиновъ и крестьянъ (pettis или simples farmers). Изъ всѣхъ фермерскихъ хозяйствъ—хозяйствъ съ долгосрочными контрактами на срокъ не болѣе 14 лѣтъ существуетъ до 40.000, съ пространствомъ земли 200 акровъ и болѣе; остальныя хозяйства все мелкія; большинство имѣетъ отъ 18 до 74 десятинъ. Эти мелкіе оброчники, какъ мы сказали, держатъ въ арендѣ землю безъ сроковъ и безъ всякихъ гарантій, кромѣ даннаго слова и обоюднаго довѣрія. Судебная практика и обычное право (common law) ввели въ общественныя отношенія нѣсколько правилъ, ограждающихъ фермеровъ; фермерское хозяйство считается личнымъ имуществомъ фермера; внезапное возвышеніе платы со стороны собственника возбуждаетъ такое всеобщее негодованіе общественнаго мнѣнія, что собственники рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу обогащенія. Условія at will въ дѣйствительности сдѣлались почти безсрочными обязательствами; мелкіе фермеры оставляются, пока они исправны, на мѣстахъ изъ рода въ родъ; фермы раздѣляются между наслѣдниками, фермеры отказываютъ ихъ по завѣщанію, хотя, по закону, они могутъ быть изгнаны ежегодно съ предупрежденіемъ за 6 мѣсяцевъ. Арендаторы, платящіе аренды не менѣе 50 ливровъ (хотя бы безъ срока at will), могутъ быть избирателями въ члены парламента; въ послѣднее время цензъ этотъ пониженъ. Мелкіе оброчники пользуются милостивымъ расположеніемъ лордовъ, арендная плата ихъ почти на половину ниже цѣнъ, платимыхъ большими фермерами по контрактамъ. Прибыль фермеровъ составляетъ половину доходовъ землевладѣльцевъ.

Въ Шотландіи число землевладѣльцевъ еще менѣе, чѣмъ въ Англіи: на 19 милліоновъ акровъ земли приходится 7.273 землевладѣльцевъ; большая часть имѣній, болѣе половины, состоитъ на майоратномъ или заповѣдномъ правѣ. Исторія шотландскаго землевладѣнія представляетъ ту же тяжелую картину, какъ исторія Англіи: стѣсненіе мелкаго крестьян-

скаго землевладѣнія, насильное выселеніе арендаторовъ и обращеніе земель въ искусственные луга и пастбища. То же было и въ Англіи, но, по закону 1448 года, запрещено было въ послѣдней сносить крестьянскія усадьбы, которыя имѣли болѣе 20 акровъ ($7^1/_2$ десят.), такъ что выселенію подвергались только бѣднѣйшіе фермеры, а болѣе значительные уцѣлѣли. Въ Шотландіи, вслѣдствіе такихъ пріемовъ, въ сѣверной части развилось крупное землевладѣніе съ залежной системой и выгоннымъ хозяйствомъ; въ южной же и центральной образовалось землевладѣніе средняго размѣра съ мелкими фермерами и долгосрочными контрактами; тамъ большею частью аренды пожизненныя или на 21 — 31 годъ. Насколько развито въ Шотландіи крупное землевладѣніе— видно изъ того, что 26 богатѣйшихъ землевладѣльцевъ владѣютъ одною третью всей земли Шотландіи.

Въ Ирландіи въ теченіе многихъ вѣковъ происходилъ процессъ обезземеливанія низшихъ сословій, и пропорція земли, захваченная крупными собственниками у мелкихъ, грубо и насильственно, очень велика. Арендныя условія большею частью at will. Вся страна, состоящая болѣе чѣмъ изъ 20 милліоновъ акровъ земли, находится во владѣніи $8^1/_2$ тысячъ землевладѣльцевъ. Кромѣ того, тамъ долго держался обычай, по которому крупные собственники сдавали земли оптовымъ съемщикамъ, а послѣдніе раздавали ее отъ себя мелкимъ. Земельный билль и аграрныя реформы Гладстона положили предѣлъ насильственному изгнанію фермеровъ и возвышенію арендной платы. Ирландія, какъ и Англія, есть классическая страна крупнаго землевладѣнія и заповѣдныхъ имѣній, не подлежащихъ ни отчужденію, ни залогу.

Положеніе англійскихъ сельскихъ рабочихъ хуже еще, чѣмъ положеніе рабочихъ городскихъ и на фабрикахъ и заводахъ: среди нихъ господствуетъ бѣдность, полный пролетаріатъ. Замѣчено, что численность сельскихъ рабочихъ быстро уменьшается, а между тѣмъ земля продолжаетъ концентрироваться или, по крайней мѣрѣ, продолжаетъ оставаться въ рукахъ немногихъ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ 1866 году, Брайтъ утверждалъ, что половина всѣхъ удобныхъ земель въ Англіи принадлежитъ 1.500 владѣльцамъ, а половина Шотландіи 10 или 12 лордамъ. Во всѣхъ трехъ

соединенныхъ королевствахъ Великобританіи половина всѣхъ удобныхъ земель состоитъ во владѣніи 2 тысячъ семействъ. Всѣхъ же собственниковъ — землевладѣльцевъ — въ Англіи 250.000. О величинѣ богатствъ въ Англіии Шотландіи можно судить по тому, напримѣръ, что въ Англіи и Шотландіи существуетъ восемь счастливыхъ собственниковъ, которые имѣютъ, каждый въ отдѣльности, по 80.000 гектаровъ земли, изъ коихъ герцогъ Сутерландъ владѣетъ 490.000 гектарами, не считая владѣній его жены; герцогъ Буклей владѣетъ 185.000 гектаровъ, доходъ котораго одного вдвое больше дохода съ имѣній герцога Сутерланда. Но въ смыслѣ поземельнаго дохода есть еще болѣе богатыя лица [1]).

Относительно экономическаго положенія богатыхъ классовъ въ Англіи вообще надо обратить вниманіе на слѣдующую черту: помимо земельныхъ богатствъ въ Англіи есть и масса движимыхъ богатствъ, денегъ, товаровъ и т. п. Но замѣчено, что въ ней судьба капиталовъ обыкновенно сопутствуетъ судьбѣ недвижимаго имущества; лорды и вообще крупные собственники обращаютъ часть своихъ доходовъ на пріобрѣтеніе акцій, облигацій, паевъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, а также по ихъ стопамъ идутъ и лица среднихъ состояній. Положеніе ихъ обезпечено не только относительно доходности, но и въ смыслѣ вѣрности и прочности помѣщенія ихъ фондовъ, такъ что они имѣютъ время и досугъ для того, чтобы посвящать себя занятію общественными дѣлами. То же можно сказать и о богатыхъ купцахъ, живущихъ въ городахъ: ихъ дома, склады, конторы, представляющіе сами по себѣ значительныя богатства, приносятъ и большой доходъ съ оборотовъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что, несмотря на промышленные кризисы, которые посѣщаютъ и промышленную жизнь Англіи, какъ и другія страны міра, Англія стоитъ среди всѣхъ странъ въ привилегированномъ положеніи: ея монопольное положеніе во всѣхъ видахъ промышленности даетъ ей возможность выдерживать конкуренцію во всѣхъ ея отрасляхъ; хотя кризисы ведутъ за собою часто сокращеніе производства и отражаются на судьбѣ рабочихъ, но не потрясаютъ колоссальныхъ богатствъ

---

1) Alfred de Foville. „Le morsellement“, p. 36.

Вообще можно сказать, что нигдѣ не установилась такая прочность состояній, какъ въ Англіи: промышленные выскочки (parvenus)—очень рѣдкое явленіе; повсюду замѣчается извѣстная стойкость, отсутствіе подвижности состояній и опредѣленность положеній. Поэтому не только землевладѣльцы, но и купцы, имѣющіе твердый и опредѣленный доходъ, который оставляетъ имъ значительный досугъ, охотно берутся за веденіе общественныхъ дѣлъ и принимаютъ на себя такія важныя и почетныя должности, какъ должность мера, городскихъ совѣтниковъ (альдерменовъ), и служатъ безплатно. Такимъ образомъ въ Англіи на ряду съ поземельной аристократіей образовалась и промышленная аристократія. Меръ долженъ, напримѣръ, по своей должности отдавать значительную часть своего времени на городскія и общественныя дѣла; его приглашаютъ также почти на всѣ публичные банкеты и обѣды; его обыкновенно просятъ присутствовать на всѣхъ приходскихъ благотворительныхъ базарахъ, на актахъ въ школахъ и другихъ подобныхъ собраніяхъ. Несмотря на это, должность мера является предметомъ завѣтныхъ желаній для богатыхъ горожанъ; многіе готовы въ теченіе долгихъ лѣтъ отдавать все свободное время городскимъ дѣламъ, въ надеждѣ въ концѣ концовъ быть избранными въ меры.

Если, съ другой стороны, обратить вниманіе на положеніе неимущихъ классовъ, на положеніе городскихъ и сельскихъ рабочихъ, то мы придемъ къ убѣжденію, что у нихъ не остается ни времени, ни средствъ заниматься дѣлами мѣстнаго общественнаго самоуправленія, хотя эти права и дарованы городскимъ и сельскимъ рабочимъ (но съ извѣстными условіями, какъ увидимъ ниже), по законамъ 1882, 1888 и 1894 годовъ. Здѣсь не у мѣста повторять всѣмъ извѣстную картину положенія рабочаго класса въ Англіи, особенно среди лицъ неимѣющихъ спеціальной подготовки; его необезпеченность, утомительность работъ, отсутствіе досуга для отдыха, саморазвитія и образованія, а тѣмъ болѣе для занятія общественными дѣлами. Правда, въ Англіи выдѣляются среди рабочихъ три группы: рабочіе, хорошо отправляющіе свое профессіональное дѣло и хорошо оплачиваемые, средніе рабочіе, вѣчно колеблющіеся между достаткомъ и нуждою и страхомъ безработицы и необезпеченности, и, наконецъ, рабо-

чіе нищіе или ненаходящіе себѣ работы или тѣ, которые уже не въ состояніи работать. Такихъ нищихъ считалось въ періодъ Стюартовъ около 300.000; въ послѣднее время съ 1851—1861 г. число ихъ переходило отъ 844.000 до 941.000. Среднимъ числомъ считается нищихъ нынѣ въ Англіи и Валлисѣ 900.000 человѣкъ, состоящихъ на содержаніи общинъ и рабочихъ домовъ. Но эта цифра относится только къ общему числу дней содержанія, а такъ какъ, въ теченіе года лица мѣняются, и средній срокъ призрѣнія продолжается не болѣе 4 мѣсяцевъ, то получается итогъ лицъ, прибѣгающихъ къ общественному призрѣнію, до $2^1/_2$ милліоновъ, не считая Шотландіи и Ирландіи; самыхъ ужасающихъ размѣровъ достигло нищенство въ Лондонѣ.

Всѣ эти нищіе Англіи содержатся на расходы съ налоговъ мѣстнаго самоуправленія, такъ что имущіе классы содержатъ неимущихъ. Налогъ для бѣдныхъ достигаетъ громадной цифры, до 80 мил. рублей, а плательщиками на содержаніе ихъ являются собственники и арендаторы: большая, можно сказать—огромная, часть рабочихъ городскихъ и сельскихъ, даже послѣ недавнихъ реформъ мѣстнаго самоуправленія, не участвуетъ въ платежѣ прямыхъ налоговъ на нужды мѣстнаго самоуправленія, въ томъ числѣ и на содержаніе бѣдныхъ, а вслѣдствіе этого и не имѣетъ права участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Мы должны прежде всего разсмотрѣть систему обложенія, раскладки и взысканія мѣстныхъ налоговъ, какъ фундаментъ мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. Главныя начала англійскаго Selfgovernment состоятъ въ томъ, что всѣ личныя тягости и денежныя повинности съ незапамятныхъ временъ распредѣлялись по имуществамъ, пропорціонально ихъ доходности, и что право голоса и участія въ мѣстномъ самоуправленіи принадлежало всѣмъ податнымъ обывателямъ безъ различія классовъ, сословій. Какъ извѣстно, сословій въ Англіи въ смыслѣ замкнутыхъ кастовыхъ корпорацій, не существуетъ; послѣдніе ихъ слѣды исчезаютъ въ XV вѣкѣ, всякій гражданинъ, даже крестьянинъ (ceorl), самъ собою возводится въ достоинство дворянина, если пріобрѣтаетъ 600 акровъ (227 досятинъ) земли. Первая единица земскаго самообложенія есть приходъ: прихожанами издревле признавались всѣ домохозяева, водворенные въ чертѣ

погоста, имѣющіе на правѣ собственности или на правѣ владѣнія землю, домъ, лавку. Въ настоящее время никакой сборъ на приходскія нужды не обязателенъ, если онъ не разложенъ согласно чистой, годовой цѣнности различныхъ имуществъ, обложенной симъ сборомъ, т.-е. согласно той наемной платы, за которую эти имущества могли бы быть отданы внаймы, если бы были свободны отъ всѣхъ обыкновенныхъ сборовъ съ нанимателей, и за вычетомъ изъ такой наемной платы расходовъ по ремонту [1]). Оцѣнка видимаго имущества, къ каковому относится и движимое имущество, какъ его принадлежность, слѣдовательно, мебель и вся обстановка квартиръ (visible property), производится надсмотрщиками надъ бѣдными, избираемыми приходскими собраніями, и вносится въ книгу, заключающую списки всѣхъ жителей прихода, съ означеніемъ противъ каждаго плательщика количества годового дохода съ занимаемыхъ имъ земель и имуществъ въ приходѣ. Сами надсмотрщики въ прежнее время назначались мировыми судьями изъ кандидатовъ, избиравшимися приходскимъ сходомъ, но съ 1894 года избираются приходскимъ совѣтомъ, а гдѣ его нѣтъ,—приходскимъ собраніемъ.

Слѣдующіе расходы имуществъ подлежатъ обложенію:

а) Земли оцѣниваются не только по своей производительности (урожаю хлѣбовъ, травъ и пр.), но и по цѣнности получаемыхъ съ нихъ продуктовъ и по доходности предметовъ, подъ которые земля отведена, напримѣръ: каналовъ, желѣзныхъ дорогъ. Земли оцѣниваются по чистому доходу или по цѣнѣ, по которой онѣ могутъ быть сданы въ арендное или оброчное содержаніе, за вычетомъ изъ нея всѣхъ платежей.

б) Дома и всякія строенія, какъ жилые, такъ и нежилые, хотя хозяйственные, конюшни, сараи, скотные дворы, за вычетомъ изъ нихъ расходовъ по ремонту и страхованію.

в) Десятинные сборы въ пользу духовенства подлежатъ обложенію наравнѣ съ прочими имуществами.

г) Лѣса, если они разбиты на лѣсосѣки и приносятъ доходъ; но не заповѣдныя рощи, не подлежащія рубкѣ.

---

[1]) Шиповъ-Шульцъ. „Законъ и Земство". С.-Петербургъ, 1898 г. Князь Васильчиковъ. „О самоуправленіи". 1870, С.-ПБ. Т. I и III. Lerey „Beaulieu L'administratin locale en France et en Anglleterre". Paris.

Изъ этого мы видимъ, что мѣстнымъ налогомъ обложены земли и строенія, принадлежащія лицамъ на правѣ собственности, на правѣ владѣнія или пользованія. Арендаторы, по формальнымъ договорамъ или по словеснымъ, тоже подлежатъ обложенію. Общины долго добивались привлечь къ обложенію и движимыя имущества, какъ-то торговыя заведенія, но суды всегда признавали, что эти имущества не подлежатъ обложенію какъ заведенія, ибо эти заведенія могутъ быть переводимы изъ одного прихода въ другой, а слѣдовательно обложенію подлежатъ только зданія и земли подъ ними. Итакъ мѣстному обложенію подлежатъ собственники и арендаторы; изъ этого общаго правила сдѣлано исключеніе, что налогъ за всѣ имущества, оцѣненныя по доходу менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ, платитъ самъ собственникъ вмѣсто жильца или арендатора. При этомъ самъ владѣлецъ облагается отъ 25% до 50% ниже оцѣнки, установленной для прочихъ лицъ, въ виду того, что на него падаетъ налогъ за помѣщенія, оцѣненныя ниже 10 фунтовъ стерлинговъ. Такимъ образомъ лица, владѣющія имуществомъ, приносящимъ дохода менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ не пользуются правами самоуправленія; по отчетамъ 1859 года оказалось, что изъ всѣхъ податныхъ обывателей числомъ 3.300.000 около одной трети, т.-е. 1.100.000, изъяты отъ обложенія и не имѣютъ права голоса въ приходскихъ собраніяхъ. Однако, въ 1868 году по избирательной реформѣ Гладстона, для того, чтобы быть избирателями въ парламентъ, городскимъ рабочимъ предоставлено соединяться въ товарищества и снимать помѣщенія или квартиры на имя одного изъ нихъ; въ 1882 году (городовое положеніе Municipal Corporation Act 1882) такое право даровано избирателямъ въ муниципальные совѣты, а въ 1888, по „акту о мѣстномъ управленіи графствъ", и въ 1894 году, „по акту о сельскихъ округахъ и приходскихъ собраніяхъ", такія же права дарованы и сельскимъ рабочимъ.

Теперь мы переходимъ къ способамъ оцѣнки, раскладки и взиманія налоговъ на нужды мѣстнаго самоуправленія. Оцѣнка производится смотрителями надъ бѣдными, къ которымъ въ новѣйшее время причислены помощники, состоящіе на жалованьи, въ 1862 году учреждены еще повѣрочныя комиссіи. Оцѣнка производится по благоразумному из-

слѣдованію доходности, практически и наглядно, при чемъ установлены правила о скидкахъ на расходы по ремонту и страхованію. Надсмотрщики эти, какъ мы сказали, назначались мировыми судьями, а теперь—приходскими совѣтами или собраніями. Надсмотрщики составляли вѣдомости и представляли ихъ на утвержденіе двухъ мировыхъ судей. Вслѣдствіе произвола мировыхъ судей и безпечности въ 1862 г. были учреждены помощники надсмотрщиковъ и оцѣночныя комиссіи изъ 4—8 попечителей надъ бѣдными и 2—4 мировыхъ судей. Первые повѣряютъ оцѣнки и производятъ переоцѣнки, вторыя наблюдаютъ за дѣйствіями смотрителей и ихъ помощниковъ, провѣряютъ ихъ и учитываютъ. Апелляціи по оцѣнкѣ къ раскладкѣ подаются со стороны плательщиковъ, по выбору истца, или въ четвертной съѣздъ мировыхъ судей, или въ спеціальный, или въ оцѣночную комиссію. Наконецъ, высшею инстанціею по этому разряду дѣлъ, какъ и по всѣмъ искамъ и тяжбамъ, остается общій судъ королевской скамьи, такъ что всякій казусъ по оцѣнкѣ можетъ быть разсмотрѣнъ и разрѣшенъ судебнымъ порядкомъ при условіяхъ гласности, состязательности сторонъ въ процессѣ и представленія доказательствъ.

Когда такимъ образомъ произведена оцѣнка всякаго имущества, подлежащаго обложенію, такъ что можно видѣть итоги годовыхъ доходовъ, то легко произвести раскладку. Она производилась сначала четвертнымъ съѣздомъ мировыхъ судей, а нынѣ совѣтомъ графствъ, между приходами, при чемъ опредѣлялось, какая сумма должна была идти на нужды графства; и съ тѣхъ поръ, какъ образовались союзы приходовъ, а въ нынѣшнее время—округа, органы этихъ земскихъ единицъ, опредѣляютъ, какая часть должна идти на нужды округа. Приходскія же собранія самостоятельно опредѣляютъ налогъ на всѣ приходскія нужды и въ лицѣ своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, т.-е. смотрителей и ихъ помощниковъ, распредѣляютъ налогъ между плательщиками.

Главныхъ разрядовъ мѣстныхъ налоговъ шесть: на содержаніе бѣдныхъ, на содержаніе дорогъ, на предметы народнаго здравія, на содержаніе церквей, на содержаніе графствъ и городской сборъ на общія городскія нужды. Взиманіе налоговъ производится особыми сборщиками по ордерамъ ми-

ровыхъ судей; по ихъ же приказу взыскиваются недоимки; неимущіе увольняются отъ налоговъ по постановленію двухъ мировыхъ судей.

Политическій строй Англіи до 1888 года представлялся въ слѣдующемъ видѣ: почти всѣ крупные землевладѣльцы-лорды засѣдали въ верхней палатѣ и съ помощью своихъ приближенныхъ, зависимыхъ отъ нихъ въ экономическомъ отношеніи арендаторовъ, наполняли своими приверженцами въ значительной мѣрѣ нижнюю палату. Городское самоуправленіе вѣдалъ главнымъ образомъ богатый классъ купцовъ, имѣвшихъ опредѣленный доходъ съ недвижимыхъ имуществъ. Все же мѣстное управленіе въ селахъ было въ рукахъ особаго класса—джентри, среднихъ землевладѣльцевъ, составляющаго институтъ мировыхъ судей, который до 1888 года завѣдывалъ, помимо судебныхъ дѣлъ, всѣми земскими дѣлами. Территоріальнымъ округомъ мѣстнаго самоуправленія были графства; всѣхъ графствъ (county, -chire) въ Англіи и въ княжествѣ Валлисскомъ 52. Графства имѣли своихъ начальниковъ или, лучше сказать, своихъ представителей въ лицѣ лорда, намѣстника и шерифа; но званія эти составляютъ только почетную службу, а серьезнаго участія въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія эти лица не имѣютъ. На ряду съ графствами существовала низшая территоріальная земская единица—приходъ; въ 1851 году всѣхъ приходовъ считалось 15.000, хотя приходскихъ церквей было около 10.000; среднее населеніе прихода было отъ 1 тысячи жителей до 1.500, хотя нѣкоторые погосты составляли цѣлые города въ 500.000, въ 300.000 и 100.000 жителей. Приходы имѣли (и до новой организаціи ихъ въ 1894 г.) свой самостоятельный кругъ дѣйствій и до XVI вѣка этотъ кругъ былъ обширенъ; однако съ XVI вѣка до XIX в. приходская жизнь упадаетъ: церковные старосты вѣдаютъ исключительно церковныя дѣла; все призрѣніе неимущихъ сосредоточивается въ рукахъ надсмотрщиковъ или инспекторовъ бѣдныхъ, не избираемыхъ приходомъ (какъ было вначалѣ), а назначаемыхъ мировыми судьями. Приходскія собранія въ большинствѣ случаевъ въ это время перестаютъ существовать и замѣняются собраніемъ однихъ землевладѣльцевъ. Законодательство 1818 и 1835 гг. реформируетъ приходскую жизнь и образовываетъ особую

территоріальную единицу—союзъ приходовъ, органы которыхъ вѣдаютъ исключительно дѣла общественнаго призрѣнія, т.-е. содержаніе бѣдныхъ; за приходскимъ же управленіемъ остались дѣла исключительно мѣстныя: содержаніе дорогъ, водосточныхъ трубъ, освѣщеніе.

Всѣ общественныя дѣла, какъ мы сказали, завѣдывались до 1888 года мировыми судьями и ихъ съѣздами; дѣла эти: содержаніе тюремъ, мостовъ на главныхъ дорогахъ, управленіе домами умалишенныхъ, наконецъ, раскладка и составленіе смѣтъ на вышеозначенные расходы. Однимъ словомъ, земскія дѣла были въ полномъ распоряженіи мировыхъ судей и сословія землевладѣльцевъ, изъ котораго эти мировые судьи набирались. Мировые судьи и въ настоящее время суть должности, назначаемыя отъ короны изъ сословія мѣстныхъ землевладѣльцевъ (фригольдеровъ и копигольдеровъ) изъ лицъ, имѣющихъ годового дохода не менѣе 100 фунтовъ стерлинговъ; этотъ цензъ въ городахъ можетъ быть и въ строеніяхъ. Лица эти обыкновенно подготовляются къ этому званію въ гимназіяхъ, университетахъ и обыкновенно суть дѣти богатыхъ и почетныхъ землевладѣльцевъ. Лица эти изъ этого класса поступаютъ иногда въ мировые судьи 21 года, тогда какъ адвокаты, муниципальные магистраты и капиталисты добиваются этой должности въ пожизненномъ возрастѣ. Половина изъ этихъ лицъ занимаетъ эти должности номинально, ради почета, и только половина принимаетъ активное участіе въ ихъ отправленіи. Графства обыкновенно совпадаютъ съ округами мировыхъ судей, хотя иногда графство раздѣляется на нѣсколько округовъ; судьи одного округа составляютъ отдѣльную комиссію. Такъ какъ въ Англіи должность мирового судьи не выборная, то король можетъ назначить въ каждый округъ неопредѣленное количество мировыхъ судей; въ 1850 году всѣхъ мировыхъ судей въ Англіи считалось 18.500, но изъ нихъ дѣйствительныхъ было 8.200; остальные—почетные. Должность эта безмездная, хотя въ городахъ назначаются иногда на правахъ мировыхъ судей полицейскіе судьи съ жалованьемъ. Отправленіе должности мирового судьи пожизненно, хотя de jure король имѣетъ право во всякое время ихъ увольнять.

Мировые судьи дѣйствуютъ или единолично, или въ составѣ двухъ судей, въ такъ называемыхъ малыхъ сессіяхъ, или въ районѣ союза приходовъ (нынѣ округа), или въ четвертныхъ сессіяхъ въ округѣ цѣлаго графства. Власть ихъ распредѣляется между тремя главными предметами вѣдомства: судебнымъ, полицейскимъ и по земскому управленію. Дѣла по земскому управленію разбирались на четвертныхъ съѣздахъ и спеціальныхъ сессіяхъ; дѣла эти суть: смѣты и раскладки земскихъ сборовъ графства, повѣрка счетовъ и управленіе земскими имуществами, постройка и ремонтъ тюремъ, содержаніе мостовъ, открытіе новыхъ и упраздненіе старыхъ дорогъ, опредѣленіе въ должности разныхъ служащихъ, разбирательство въ апелляціонномъ порядкѣ жалобъ на неправильность обложенія и взысканій, утвержденіе сберегательныхъ кассъ, разныхъ частныхъ обществъ и товариществъ, лѣчебницъ, пріютовъ, больницъ, боенъ и т. п.

Мы видѣли, что для цѣлей общественнаго призрѣнія бѣдныхъ оказалось недостаточно прежней территоріальной единицы прихода и ея органовъ, и что съ 1835 г. приходы начинають соединяться въ союзы приходовъ. Эти союзы имѣли своимъ органомъ мѣстные комитеты попечителей надъ бѣдными, избираемыхъ прихожанами, которые до 1894 года раздѣлились по количеству платимыхъ ими налоговъ на 6 классовъ, при чемъ меньшимъ размѣромъ участія въ выборахъ пользовались лица, платившія налогъ съ годового дохода не менѣе 25 фунтовъ, каковой доходъ давалъ право на одинъ голосъ. Затѣмъ, если годовой доходъ превышалъ эту норму, то прихожанинъ долженъ былъ имѣть еще по одному голосу на каждые 25 фунтовъ дохода, превышающаго эту норму, при чемъ, однако, никакой прихожанинъ не могъ соединять въ себѣ болѣе 6 голосовъ. Каждое приходское собраніе избирало въ комитетъ опекуновъ или попечителей столько, сколько опредѣляло особое учрежденіе, стоявшее во главѣ общественнаго призрѣнія, — инспекторатъ надъ бѣдными. Цензъ для избранія въ попечители надъ бѣдными былъ опредѣленъ въ 40 фунтовъ годового дохода, который остался и по сіе время. Всѣхъ союзовъ приходовъ въ 1861 г. считалось 674, главнымъ органомъ каждаго былъ комитетъ попечителей или опекуновъ надъ бѣдными, вѣдавшій глав-

нымъ образомъ содержаніе рабочаго дома, который полагался въ каждомъ союзѣ приходовъ. Въ 1835 году это былъ первый опытъ допущенія на ряду съ мировыми судьями и другихъ лицъ къ дѣламъ мѣстнаго самоуправленія, т.-е. вышесказанныхъ попечителей, лицъ имѣвшихъ достаточное имущественное положеніе; они избирались въ большинствѣ случаевъ изъ класса фермеровъ, тогда какъ собственники занимали мѣста мировыхъ судей. Кромѣ приходскихъ союзовъ для дѣлъ общественнаго призрѣнія, приходы соединялись также въ союзы или округа для полицейскихъ дѣлъ и для исправленія дорожной повинности. Съ 1848 года стали открываться постепенно, въ силу закона объ общественномъ здравіи, мѣстные комитеты общественнаго здравія и образовали особые самостоятельные округа, а съ 1858 года эти комитеты были расширены на большее число мѣстностей и надѣлены были правами издавать обязательныя постановленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ была введена и совершенно новая система управленія посредствомъ такъ называемыхъ boards— управъ или комитетовъ, т.-е. коллегіальныхъ совѣщаній людей, выбранныхъ всѣми гражданами, обложенными мѣстными сборами. Такія управы или комитеты были открываемы въ округахъ для дѣлъ санитарныхъ, полицейскихъ, дорожныхъ, а для дѣлъ общественнаго призрѣнія оставались попрежнему комитеты попечителей надъ бѣдными [1]). Изъ этого хода исторіи мѣстнаго самоуправленія видно, какъ постепенно, естественно и органически развивались въ Англіи всѣ отрасли мѣстнаго самоуправленія; онѣ не были создаваемы сразу по однообразному плану, а по мѣрѣ развитія потребностей въ нихъ; развивались не искусственно, а самопроизвольно, хотя иногда несимметрично, при чемъ одни учрежденія врѣзывались въ сферу дѣйствій другихъ, переплетаясь и перепутываясь съ другими сферами,—словомъ, какъ свободно и естественно растетъ лѣсъ, такъ росло и дерево англійскихъ мѣстныхъ учрежденій. До 1894 года мы не находимъ въ нихъ ни однообразныхъ шаблоновъ, ни однообразной систематизаціи ихъ; находимъ только, что кругъ вѣ-

[1]) Erskine May. „Histoire constitionelle de l'Angleterre Tome seconde tradut par C. Witte". Paris, 1865. P. 569—593.

домствъ и дѣлъ расширяется, и число лицъ привлекаемыхъ къ участію въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, тоже растетъ.

Также своеобразно и органически развивалось въ Англіи и мѣстное самоуправленіе городовъ; многіе города въ Англіи управлялись издревле выборными представителями на основаніи особыхъ хартій и составляли муниципальныя корпораціи. Въ 1835 г. правила, изложенныя въ разныхъ хартіяхъ, выданныхъ отдѣльнымъ городамъ, были сведены въ одно общее городовое положеніе (Municipal Corporation Act). Въ самомъ этомъ положеніи была указана возможность и другимъ поселеніямъ, кромѣ уже пожалованныхъ хартіями, обращаться съ просьбой къ королю о дарованіи имъ хартіи и о распространеніи на нихъ городового положенія. Законъ 1835 года засталъ разнообразное устройство городовъ: большею частью члены городской магистратуры выбирались кооптаціей, т.-е. присоединеніемъ къ существующимъ членамъ городской магистратуры другихъ членовъ, за выбытіемъ прежнихъ, по выбору остающихся. Гражданство пріобрѣталось: рожденіемъ, бракомъ, покупкою гильдейскаго мѣста; при этомъ допускались вообще привилегіи и монополіи. Въ городахъ иногда было нѣсколько наслѣдственныхъ корпорацій, которыя однѣ владѣли отдѣльными городскими имуществами. Актъ 1835 г., уничтоживъ всѣ эти аномаліи, ввелъ единообразное устройство городовъ. По городовому положенію 1835 г., дополненному новѣйшимъ городовымъ положеніемъ 1882 года, къ числу гражданъ принадлежатъ: лица достигшія совершеннолѣтія и занимавшія въ предѣлахъ города въ теченіе 12 мѣсяцевъ на правѣ собственности или на правѣ срочнаго владѣнія домъ, сарай, контору, лавку или какое-либо строеніе или часть этого недвижимаго имущества. Граждане выбираютъ гласныхъ или муниципальныхъ совѣтниковъ, которые составляютъ думу на три года, при чемъ согласно закона, ежегодно выбываетъ одна треть гласныхъ и замѣняется новыми. Дума или муниципальный совѣтъ выбираетъ изъ своей среды старшинъ или альдерменовъ на 6 лѣтъ, при чемъ половина ихъ чрезъ каждые три года выбываетъ и замѣняется новыми альдерменами. Во главу думы выбирается меръ на одинъ годъ, который и считается

представителемъ города. Дума можетъ изъ своей среды избирать особые комитеты, при чемъ комитетъ сторожевой назначается ею обязательно для завѣдыванія дѣлами полиціи. Дума и исполнительная власть ея въ лицѣ мера и альдерменовъ управляютъ всѣми городскими дѣлами; она въ правѣ издавать обязательныя постановленія для хорошаго управленія и для прекращенія вредныхъ дѣйствій, не предусмотрѣнныхъ закономъ.

Весьма важною статьею городового положенія 1882 г. является статья 31, по которой занятіе части какого-либо строенія для жительства, торговли, профессіональныхъ дѣйствій и проч. равносильно занятію дома, сарая, конторы или лавки. Законъ этотъ, впослѣдствіи распространенный въ 1888 году и на самоуправленіе графствъ и въ 1894 году и на сельскія округа и приходы, имѣетъ слѣдующее значеніе: какъ мы говорили, налогъ на мѣстныя нужды платятъ одни только лица, владѣющія на правѣ собственности или на правѣ срочнаго владѣнія или пользованія имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія мѣстныхъ налоговъ, главнымъ образомъ налога въ пользу бѣдныхъ, въ 10 фунтовъ годового дохода; съ имуществъ, оцѣненныхъ ниже этой нормы, т.-е. мелкихъ квартиръ и помѣщеній, налогъ не падаетъ на квартирантовъ или жильцовъ, а на самого собственника. Какъ мы уже имѣли случай говорить, законъ 1868 г. объ избраніи въ парламентъ дозволяетъ мелкимъ избирателямъ устраиваться такимъ образомъ, что они, составивъ между собою товарищество или ассоціацію и нанимая общую квартиру выше 10 ливровъ стерлинговъ на имя одного изъ товарищей, предоставляютъ ему право быть избирателемъ съ 1868 года въ парламентъ, съ 1882 года въ городской совѣтъ, съ 1888 года въ совѣтъ графства и съ 1894 года въ совѣтъ округа и приходскій совѣтъ, а гдѣ таковыхъ не учреждено—быть непосредственными участниками въ дѣлахъ приходскаго самоуправленія.

Здѣсь намъ приходится сказать нѣсколько словъ объ охватившемъ всю Англію въ XIX вѣкѣ, какъ и другія страны Западной Европы, демократическомъ движеніи, при чемъ въ Англіи это движеніе приняло особый оригинальный ходъ. Извѣстно, что въ Англіи большинство рабочихъ суть рабочіе городскіе, фабричные и заводскіе; причиною этого явленія,

какъ извѣстно, колоніальная политика Англіи. Со всего свѣта, со всѣхъ колоній Британской имперіи свозится сырье въ Англію, гдѣ перерабатывается на огромныхъ фабрикахъ и заводахъ, а издѣлія опять развозятся по всему міру. Только благодаря такой постановкѣ рынка, въ Англіи могло развиться крупное производство заграничнаго сырья, тогда какъ собственная почва Англіи обращена въ большинствѣ случаевъ подъ пастбища и скотоводство. Рабочіе, скоплявшіеся въ городахъ и около городовъ, уже съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія почувствовали потребность объединенія, потребность сговариваться о своихъ собственныхъ дѣлахъ, объ устройствѣ своего быта, и на своихъ собраніяхъ принимали рѣшенія по этимъ предметамъ при участіи всѣхъ своихъ членовъ и приводили ихъ въ исполненіе или непосредственно или посредствомъ своихъ выборныхъ депутатовъ. Англійскіе рабочіе, вѣрные, принципамъ, лежащимъ въ основаніи всей общественной жизни Англіи, слѣдовательно, принципамъ самоуправленія и свободнаго соревнованія, показали примѣръ правильной и непрерывной эволюціи низшихъ общественныхъ слоевъ къ самостоятельности. Это такъ называемые рабочіе союзы (Trade Unions). Рабочая организація въ Англіи осуществлялась независимо отъ хозяевъ, которые сначала относились къ ней враждебно, а потомъ терпѣли ее; въ 1875 году эта организація была признана закономъ, и рабочая партія пріобрѣла такое положеніе, какъ и другія партіи. Англійскіе рабочіе союзы съ ихъ чисто профессіональнымъ характеромъ могутъ быть названы современными самоуправляемыми гильдіями. Они вѣдаютъ профессіональныя потребности и всѣ интересы труда; они наблюдаютъ за размѣрами заработной платы, обезпечиваютъ противъ профессіональнаго риска, страхуютъ противъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости, забастовокъ; они доставляютъ развлеченія своимъ членамъ, налагаютъ на нихъ дисциплинарныя взысканія. Нечего и говорить, какъ благотворно вліяніе рабочихъ союзовъ на условія существованія рабочихъ. Съ другой стороны и предприниматели, относившіеся въ прежнее время очень недовѣрчиво къ рабочимъ союзамъ, теперь смотрятъ на нихъ совершенно иначе; рабочіе засѣдаютъ вмѣстѣ съ своими хозяевами въ комитетахъ. Хозяева обращаются съ

ними, какъ съ равными, довѣряютъ имъ тайны производства и условія международнаго рынка. Англійскіе рабочіе имѣютъ не только своихъ депутатовъ въ парламентѣ, но у нихъ есть постоянный парламентскій комитетъ, устанавливающій правильныя отношенія между рабочими союзами и палатою общинъ. Правда, что на ряду съ этимъ консервативнымъ учрежденіемъ рабочихъ союзовъ въ послѣднее время появился новый тредъ-юніонизмъ, опирающійся не некультурные элементы, на поденщиковъ, на рабочихъ, не бывшихъ въ ученьи. Это—чернорабочіе, не имѣющіе организаціи, не склонные ни къ предусмотрительности, ни къ самопомощи и склонные къ идеямъ переворота и нелегальной борьбы. Но, несмотря на это теченіе, старый тредъ-юніонизмъ очень вліятеленъ; онъ насчитываетъ своими членами 2.000.000 рабочихъ. Благодаря своей умѣренности и пріемамъ порядка и организованнаго самоуправленія, эти союзы пріобрѣли вліяніе и на дѣла городского самоуправленія; въ силу только что цитированнаго нами закона 1882 года, рабочіе, нанимая общія квартиры, посылаютъ депутатовъ въ муниципальные совѣты, а съ 1888 и 1894 гг. въ совѣтъ графствъ и приходскіе совѣты. Такимъ образомъ росли идеи демократіи и расширенія благъ мѣстнаго самоуправленія на всѣ классы общества; а мѣстное самоуправленіе переходитъ изъ рукъ исключительно поземельныхъ собственниковъ—отъ института мировыхъ судей въ руки хотя и не всѣхъ, но значительнаго числа гражданъ. Уже въ концѣ 50-хъ годовъ внесенъ былъ въ парламентъ билль объ учрежденіи выборныхъ установленій для земскохозяйственнаго управленія въ графствахъ, но только въ 1888 году билль этотъ получилъ силу закона (Local government act). По этому закону были учреждены выборные совѣты графствъ; совѣтъ графства состоитъ изъ предсѣдателя (Chairman), старшинъ (альдерменовъ) и гласныхъ (совѣтниковъ), избираемыхъ изъ лицъ, обложенныхъ мѣстными сборами. Къ этимъ совѣтамъ графствъ перешли отъ четвертныхъ сессій мировыхъ судей дѣла по общественному хозяйству и управленію графствъ. Совѣтъ графства имѣетъ право издавать для всего графства или части онаго обязательныя постановленія для хорошаго управленія и для предупрежденія вредныхъ дѣйствій, не предусмотрѣнныхъ закономъ. Нужно, од-

нако, замѣтить, что и по изданіи закона 1888 года власть мировыхъ судей по земско-хозяйственнымъ дѣламъ все еще не упразднена окончательно. Совѣтъ графства и четвертное засѣданіе мировыхъ судей могутъ учреждать соединенный комитетъ для всякаго дѣла, въ которомъ заинтересованы нѣсколько графствъ или которое касается круга дѣйствій какъ четвертныхъ засѣданій, такъ и совѣтовъ графствъ. Это же соединенное присутствіе обязательно выбираетъ постоянный комитетъ изъ равнаго по числу какъ мировыхъ судей, такъ и гласныхъ или совѣтниковъ для завѣдыванія полиціей графства. Такимъ образомъ институтъ мировыхъ судей, сохраняя за собою полное значеніе по дѣламъ судебнымъ, не потерялъ его и по дѣламъ полицейскимъ и по дѣламъ земско-хозяйственнаго управленія.

Законъ 1888 года о земскомъ управленіи дополненъ закономъ о мѣстномъ управленіи 1894 года, дающемъ новую организацію приходамъ и сельскимъ окружнымъ совѣтамъ. Законъ 1894 года далъ новое устройство и приходскому управленію; приходскіе сходы (vestry) сохранили въ своемъ вѣдѣніи только дѣла, касающіяся нуждъ церкви; на ряду съ этимъ, для дѣлъ хозяйственныхъ законъ 1894 года учредилъ приходскія собранія и приходскіе совѣты для всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія. Правомъ участія въ приходскихъ собраніяхъ пользуется всякій житель прихода, обложенный какимъ-либо сборомъ на мѣстныя нужды, пропорціонально годовой цѣнности его видимаго имущества, и каждый имѣетъ только одинъ голосъ, но не болѣе, на этомъ приходскомъ собраніи. Собственно, приходскія собранія не принимаютъ непосредственнаго участія въ веденіи общественныхъ приходскихъ дѣлъ, а только избираютъ для веденія таковыхъ приходскіе совѣты; впрочемъ, приходы, которые имѣютъ менѣе 300 жителей, этихъ приходскихъ совѣтовъ не выбираютъ, а вѣдаютъ дѣла сами при непосредственномъ участіи всѣхъ прихожанъ. Совѣтъ графствъ имѣетъ право разрѣшить учрежденіе приходскихъ совѣтовъ и въ приходахъ съ населеніемъ менѣе 300 душъ и можетъ соединить нѣсколько приходовъ подъ однимъ приходскимъ совѣтомъ, но съ отдѣльными приходскими собраніями въ каждомъ приходѣ, при этомъ опредѣлить: на какія дѣйствія общаго

приходскаго совѣта требуется согласіе приходскаго собранія каждаго отдѣльнаго прихода. Что касается компетенціи прихода, то мы уже говорили, что и до 1894 года приходы завѣдывали содержаніемъ дорогъ, водосточныхъ трубъ, водопроводовъ, освѣщеніемъ улицъ; приходъ имѣлъ право и до 1894 года, и имѣетъ право и теперь, опредѣлять свои средства на всякое дѣло, служащее къ пользѣ прихода и законамъ не противное. По закону 1894 года, приходъ есть юридическое лицо и имѣетъ право пріобрѣтать на свое имя имущество и земли для общественной надобности. Если онъ не имѣетъ возможности пріобрѣсти недвижимое имущество по согласію съ частнымъ владѣльцемъ, то можетъ сдѣлать представленіе совѣту графствъ, а послѣдній можетъ издать приказъ о принудительномъ отчужденіи. Такой приказъ получаетъ силу закона, если въ установленный срокъ не представлено возраженія въ центральный комитетъ по дѣламъ мѣстнаго управленія. Мы упоминали о значеніи этого права приходовъ, дающаго ему средство пріобрѣтать участки земли для жилища рабочихъ. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, по новому закону, надсмотрщики надъ бѣдными назначаются приходскимъ совѣтомъ, а гдѣ его нѣтъ, тамъ приходскимъ собраніемъ.

До 1894 года, какъ уже было сказано, существовало разнообразіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ; въ предѣлахъ графствъ были образованы округа для дѣлъ дорожныхъ, для дѣлъ общественнаго здравія и т. п. и при нихъ особыя управы или комитеты; для дѣлъ общественнаго призрѣнія существовали округа или союзы приходовъ и при нихъ комитеты попечителей надъ бѣдными. Законъ о мѣстномъ управленіи далъ этимъ округамъ и комитетамъ однообразное и правильное устройство и учредилъ повсемѣстно окружные совѣты, замѣнивъ ими не только прежніе мѣстные комитеты, но также и комитеты попечителей надъ бѣдными. Законъ 1894 г. сохранилъ названіе комитета попечителей надъ бѣдными, но объяснилъ, что окружные совѣтники именуются также попечителями надъ бѣдными, и другихъ попечителей надъ бѣдными не выбирается. Если дѣла дорожныя или общественнаго здравія окружными совѣтами не будутъ какъ слѣдуетъ выполняться, то приходскіе совѣты или приходскія собранія

могутъ принести жалобу совѣту графства, и если послѣдній удостовѣрится въ основательности жалобы, то совѣтъ графства исполняетъ необходимыя дѣйствія самъ, а издержки взыскиваетъ съ округа. Совѣтъ графства можетъ распоряжаться окружнымъ совѣтомъ, какъ своимъ органомъ по дѣламъ управленія, возникающимъ въ округѣ. Итакъ мѣстное самоуправленіе Англіи въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ: вся Англія раздѣлена на графства, органомъ которыхъ служатъ совѣты графства, графства—на округа, органомъ которыхъ—комитетъ попечителей надъ бѣдными, округа раздѣляются на приходы, органомъ которыхъ приходскія собранія и приходскіе совѣты. Мы говорили уже о раскладкѣ мѣстныхъ сборовъ; прибавимъ сюда, что приходское собраніе, если признаетъ необходимымъ какой-либо расходъ на приходскія нужды, то оно не занимается отысканіемъ средствъ для покрытія этого расхода, а просто требуетъ отъ надсмотрщика уплаты изъ приходскихъ сборовъ необходимой суммы; сумма эта дѣлится на число плательщиковъ, помноженное на количество дохода каждаго, и съ каждаго прихожанина требуется, сколько ему слѣдуетъ внести на приходскія нужды. Точно такъ и окружные совѣты опредѣляютъ сумму, которая должна идти на содержаніе бѣдныхъ, на дорожную, санитарную и полицейскую часть, и сумма эта взыскивается съ каждаго прихожанина по вышеозначенному пріему. Такой же порядокъ соблюдается и относительно содержанія графствъ. Гласные графствъ, окружные совѣтники или попечители надъ бѣдными служатъ безъ жалованья, но всѣ должностныя лица: сборщики податей, кассиры, бухгалтеры, клерки, смотрители дорогъ, строительные комиссары, попечители народнаго здравія, медики и т. п., состоятъ за весьма рѣдкими исключеніями на жалованьи.

Послѣдняя важная черта современныхъ преобразованій Англіи есть усиленіе или, лучше сказать, введеніе нѣкотораго правительственнаго контроля надъ мѣстными учрежденіями. Для этой цѣли въ 1877 г. учрежденъ центральный комитетъ по дѣламъ мѣстнаго управленія (Local government board), состоящій изъ президента тайнаго совѣта, хранителя печати, министра внутреннихъ дѣлъ, министра финансовъ и другихъ лицъ равнаго значенія. Кромѣ того, по раз-

личнымъ вѣдомствамъ учреждены канцеляріи и присутствія по общественному призрѣнію, по врачебной части, народному просвѣщенію. Центральное правительство издаетъ всякіе уставы и инструкціи; министрамъ предоставлено право постояннаго надзора надъ мѣстными учрежденіями въ формѣ ревизій, инспекторскихъ осмотровъ, для чего учреждены при центральномъ правительствѣ особые чиновники, которымъ поручается: ревизія комитетовъ, тюремъ, рабочихъ домовъ, училищъ. Всякое постановленіе мѣстныхъ учрежденій можетъ быть обжаловано со стороны центральнаго правительства въ судъ королевской скамьи. Въ такомъ теченіи нельзя не видѣть нѣкотораго вліянія идей централизаціи, имѣющаго связь съ тѣмъ глубокимъ переворотомъ, который въ послѣднее время происходитъ въ общественной жизни Англіи подъ вліяніемъ демократическихъ идей. Чѣмъ окончится этотъ переворотъ—покажетъ будущее. Но можно надѣяться, что это теченіе не задѣнетъ существенныхъ сторонъ мѣстнаго самоуправленія Англіи и что послѣдняя не повторитъ исторіи Франціи; хотя можно сказать, что труденъ будетъ этотъ переходъ для гордой Англіи отъ аристократическаго режима къ скромному народоправству какъ въ политической жизни вообще, такъ и въ частности въ дѣлахъ мѣстнаго управленія.

ГЛАВА III.

Буржуазія и бюрократія Франціи.

Въ настоящее время, безспорно, доказано, что централизація во Франціи есть продуктъ стараго режима, но не завоеваніе революціи; съ другой стороны, доказано, что централизація не погибла во время революціи, наоборотъ, она сама была причиною, породившею эту революцію, и признакомъ ея. Какъ ни радикальна была революція, но она ввела гораздо меньше новаго, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ; она цѣликомъ разрушила все, что въ старомъ обществѣ вытекало изъ аристократическихъ и феодальныхъ учрежденій. Не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ Западной Европы, съ начала вѣковъ старинный строй мало-по-малу ослабѣвалъ и распадался. Въ XVIII столѣтіи феодальныя и муниципальныя

учрежденія какъ во Франціи, такъ и въ Германіи еще существуютъ, но это только тѣнь прошлаго; должности носятъ старыя названія, но энергія, общинный патріотизмъ, мужественныя и плодотворныя качества, которыя они внушили раньше, исчезли. Повсюду утверждается государственная администрація, и чиновничья іерархія все болѣе вытѣсняетъ управленіе дворянъ и старыхъ общинныхъ властей.

Въ средніе вѣка и въ началѣ новыхъ повсюду, гдѣ водворился феодализмъ, результатомъ его въ концѣ концовъ было созданіе узкой сословной касты; одна Англія успѣла избѣжать этого: въ ней сословія вели дѣла сообща, занимались однѣми профессіями, между членами сословія допускалось общеніе, смѣшанные браки, и поэтому общественная жизнь Англіи привела къ созданію аристократіи, но не сословія—касты. Во Франціи высшія сословія, наоборотъ, чуждались общенія съ низшими; начиная съ 1614 года старинныя учрежденія—земскіе чины (les etats generaus), въ которыхъ сословія соединялись и могли сообща вести государственныя дѣла, перестали существовать; ту же участь испытали и мѣстныя учрежденія или провинціальныя сословно-земскія (les assemblées provinciales); правда, на окраинахъ государства, не болѣе какъ въ одной четвертой части населенія, въ такъ называемыхъ pays d'état, подданные короля пользовались нѣкоторымъ самоуправленіемъ, но центральная власть успѣла ихъ подчинить общимъ законамъ въ сильной мѣрѣ, а такъ называемыя pays d'election всецѣло были подчинены той же центральной власти.

Гражданская свобода обладаетъ чудною способностью соединять всѣхъ гражданъ отношеніями необходимости и взаимной зависимости, а это единеніе классовъ, въ свою очередь, ведетъ къ дальнѣйшему развитію той же свободы. Наоборотъ, когда классы начинаютъ разъединяться, когда каждый классъ, замыкаясь, ищетъ обагащенія въ своихъ привилегіяхъ, въ утѣсненіи низшихъ классовъ, тогда послѣдніе теряютъ любовь къ общему дѣлу и ищутъ защиты и покровительства въ центральной власти и, теряя свою свободу, кончаютъ тѣмъ, что подпадаютъ ея рабству въ матеріальномъ и моральномъ отношеніяхъ. Такъ велика сила сатанинскаго правила, приписываемаго Макіавелли divide etimperà. Дѣйствитель-

но, стоитъ только разъединить классы, создать привилегіи однихъ въ ущербъ другихъ, чтобы высшіе классы прониклись эгоизмомъ, безпечностью къ общимъ интересамъ, а низшіе ненавистью къ притѣснителямъ и равнодушіемъ къ общему дѣлу. Все это и случилось при старомъ режимѣ Франціи: правительство, пользуясь эгоизмомъ однихъ и бездѣятельностью другихъ, заняло мѣсто старыхъ свободныхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія и притомъ, пользуясь всѣми ихъ пороками, никогда не дѣлая попытокъ къ ихъ исправленію, кончило тѣмъ, что почти всѣхъ ихъ замѣнило одними агентами центральной власти.—Началось дѣло съ высшаго сословія—дворянства; это послѣднее прежде всего усиленно присвоивало себѣ привилегіи, оно пренебрегало мѣстными дѣлами, покидало свои вотчины и помѣстья, стремилось въ столицу и ко двору. Въ свѣтѣ дворянство имѣло преимущество знатности, богатства и почета, оно составляло дворъ короля, командовало арміей и флотомъ; чиновники администраціи считались въ ихъ глазахъ выскочками. Но, однако, дѣло окончилось тѣмъ, что эти послѣдніе стали управлять Франціей. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, несмотря на свои привилегіи, дворяне бѣднѣли, а богатствомъ овладѣваетъ третье сословіе; особенно поразительно было обѣднѣніе низшаго провинціальнаго дворянства: провинціи были наполнены обѣднѣвшими мелкопомѣстными дворянами, почти совсѣмъ лишившимися земли и существовавшими съ помощью феодальныхъ сборовъ и поземельныхъ рентъ. Результатомъ было, что во Франціи одни разночинцы наслѣдовали всѣ тѣ имущества, которыя уходили изъ рукъ дворянства.

Чѣмъ болѣе за дворяниномъ оставалось привилегій, чѣмъ болѣе по временамъ создавалось другихъ, тѣмъ съ большею ненавистью относился къ дворянамъ крестьянинъ; этому способствовало то обстоятельство, что крестьянинъ въ XVIII столѣтіи сталъ вполнѣ правоспособнымъ гражданиномъ [1]. Во Франціи въ это время крѣпостное право и прикрѣпленіе къ землѣ исчезли окончательно: крестьянинъ приходилъ и уходилъ, покупалъ и продавалъ, заключалъ договоры, когда и какъ ему было угодно. Послѣдніе слѣды крѣпостного со-

1) A. Toqueville. „L'ancien regime et revolution“.

стоянія остались только въ одной или двухъ восточныхъ провинціяхъ. Во Франціи въ то же время совершился еще другой переворотъ: крестьянинъ не только пересталъ быть крѣпостнымъ, но сдѣлался земельнымъ собственникомъ. Еще до революціи крестьяне владѣли землею на правахъ собственности, и уже къ тому времени слѣдуетъ отнести начало процесса раздробленія (le morcellement) земли; земля постоянно продается выше своей стоимости, и это указываетъ на страстное желаніе всѣхъ крестьянъ тогда, какъ и теперь, сдѣлаться собственниками. Но на землѣ тяготѣли феодальныя права, и число ихъ было велико; въ XVIII столѣтіи слѣды барщины являются наполовину изглаженными; бо̀льшая часть дорожныхъ сборовъ понижена или сбавлена, тѣмъ не менѣе въ большинствѣ провинцій они еще встрѣчаются въ значительномъ числѣ. Во всѣхъ провинціяхъ дворяне взимаютъ рыночныя и ярмарочныя пошлины, пользуются исключительнымъ правомъ охоты, правомъ заставлять обывателей молоть зерно и давить виноградъ на господскомъ дворѣ. Кромѣ того, существовали: сборъ при продажѣ имѣній крестьянъ (droit de lodees ventes), на всемъ протяженіи Франціи земля была обременена оброкомъ (cens), поземельными рентами, денежными и натуральными повинностями въ пользу помѣщика. Всѣ эти привилегіи существовали и въ прежнее время въ гораздо большей мѣрѣ, но зато дворяне вели мѣстныя общественныя дѣла, отправляли судъ, приходили на помощь слабому; когда дворяне перестали дѣлать это, бремя ихъ привилегій становится все болѣе и болѣе тяжкимъ, и самое существованіе дворянина дѣлается, наконецъ, непонятнымъ. На ряду съ этимъ, все городское, такъ называемое среднее, сословіе было тоже отрѣзано отъ народа, какъ и дворянство; при тяжеломъ феодальномъ режимѣ, буржуазія, покидая села, искала убѣжища въ городахъ. И вотъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ мы видимъ постепенный матеріальный ростъ буржуазіи, скопленіе торговыхъ капиталовъ, развитіе богатыхъ мануфактуръ, пользовавшихся покровительствомъ королей, которые надѣляли ихъ привилегіями и освобождали ихъ отъ режима корпорацій. Однако, старыя корпораціи, хотя и представляли, особенно въ это время ихъ упадка, темныя стороны, но были все-таки орга-

низованными и самоуправляемыми политическими и экономическими ячейками. Новая богатая буржуазія, которую болѣе всего подходяще назвать плутократіей, представлялась, неорганизованою массою, въ коей преобладаютъ инстинкты алчности, эгоизма и враждебнаго отношенія другъ къ другу, а преимущественно къ низшимъ классамъ. Мѣста въ городской коллегіи большею частью покупались, и хотя лица, занимающія ихъ, не получали жалованья, но пользовались податными льготами. Правительство, съ своей стороны, подъ вліяніемъ своихъ финансовыхъ затрудненій, продавало въ каждомъ городѣ извѣстнымъ лицамъ право управлять всѣми остальными гражданами; право это было въ теченіе цѣлаго XVIII столѣтія то отмѣняемо, то опять продаваемо. Въ сущности же должности городского управленія были только почетными должностями, не дающими никакихъ серьезныхъ правъ, никакого серьезнаго дѣла, часто пустыми титулами; но тогда уже появилась страсть буржуа къ чиновничьимъ мѣстамъ, которыхъ было безконечное число. Это исканіе чиновъ, титуловъ и отличій вызывалось какъ свойственнымъ всякому буржуа низменнымъ чувствомъ тщеславія, взамѣнъ законной гражданской гордости, такъ и желаніемъ пользоваться льготами, въ родѣ освобожденія отъ ополченія и прямыхъ налоговъ.

Таковы были соціальные корни до-революціонной Франціи, на которыхъ не замедлили вырости и плоды административной централизаціи. Въ центрѣ королевства, вблизи трона образовался своеобразный могущественный королевскій совѣтъ (Conseil du roi). Въ немъ соединяются: верховное судилище (кассація всѣхъ рѣшеній общихъ судовъ), законодательная власть, изданіе общихъ правилъ въ руководство правительственныхъ агентовъ, установленіе и раскладка налоговъ. Этотъ совѣтъ состоитъ не изъ вельможъ, а изъ людей средняго или низкаго происхожденія: изъ бывшихъ интендантовъ и другихъ лицъ, пріобрѣвшихъ опытность въ дѣловой практикѣ. Всѣ члены этой коллегіи могутъ быть отрѣшены отъ должности во всякое время: вся администрація направляется одною коллегіею, точно такъ же и руководство внутренними дѣлами почти всецѣло ввѣрено попеченію одного агента — генералъ-контролера. Въ каждой провинціи цент-

ральная власть имѣетъ по одному агенту—интенданта; хотя остался въ каждой провинціи губернаторъ, сохранившій за собою только почетное положеніе, но безъ дѣйствительной власти. Интендантъ — человѣкъ незнатнаго происхожденія, всегда чужой въ правинціи, молодой, только что начинающій карьеру; онъ назначается изъ младшихъ членовъ королевскаго совѣта и всегда можетъ быть отрѣшенъ отъ должности. Въ рукахъ его сосредоточиваются всѣ полномочія, какими обладалъ совѣтъ; онъ выполняетъ ихъ въ первой инстанціи. Подобно совѣту, онъ въ одно и то же время—администраторъ и судья и сносится со всѣми министрами; въ провинціи, онъ—единственный проводникъ всѣхъ желаній правительства. Ниже его стоитъ въ каждомъ округѣ чиновникъ, во всякое время подлежащій отрѣшенію отъ должности,—субделегатъ. Интендантъ обыкновенно—новопожалованный дворянинъ, субделегатъ—всегда разночинецъ; онъ подчиняется интенданту, какъ послѣдній министру. Помѣщикъ почти не встрѣчается въ роли королевскаго представителя въ приходѣ; помѣщикъ не болѣе какъ первый изъ обывателей. Ни въ приходѣ, ни въ округѣ дворяне нигдѣ не управляютъ сообща, нигдѣ не управляютъ они и порознь. Главнѣйшіе изъ дворянъ еще сохранили за собою право назначать судей въ предѣлахъ прихода и отъ времени до времени издавали еще полицейскія постановленія, но королевская власть постепенно урѣзывала, ограничивала и подчиняла юрисдикцію помѣщиковъ. Вся власть сосредоточивалась въ рукахъ интенданта и субделегатовъ.

Самою низшею областною единицею былъ приходъ; приходская община—древнее учрежденіе Франціи; она съ давнихъ поръ избирала должностныхъ лицъ и рѣшала общественныя приходскія дѣла. Изъ прежнихъ должностныхъ лицъ въ XVIII столѣтіи остался только сборщикъ (collecteur) и синдикъ (sindic). Хотя послѣдніе избираются приходскими собраніями, но они повсюду сдѣлались болѣе орудіемъ государства, чѣмъ представителями общины. Сборщикъ собираетъ только налоги подъ непосредственнымъ начальствомъ интенданта; синдикъ въ дѣйствительности—главный агентъ субделегата въ отношеніи общественнаго порядка и управленія. Какъ извѣстно, въ до-революціонной Франціи часть налоговъ отдавалась на

откупъ; остальные налоги: поземельный (taille), подушные (capitation) и 5% сборъ (les vingtièmes) устанавливались агентами центральной власти. Въ дѣйствительности интендантъ раскладывалъ поземельный налогъ между приходами, руководилъ сборщиками, наблюдалъ за ними, разрѣшалъ отсрочки и облегченія. Такими же правами интендантъ пользовался относительно подушной подати, относительно призыва къ военному ополченію и общественнымъ работамъ. Хотя приходскія собранія избирали должностныхъ лицъ, но интенданты вліяли на выборы, предлагая своего кандидата, или кассировали выборы и сами назначали ихъ. Кромѣ того, эти должностныя лица прихода были въ полной зависимости отъ интенданта и субделегата, которые имѣли даже право арестовать ихъ; крестьяне отъ этихъ должностей старались избавиться съ помощью всевозможныхъ уловокъ. Что касается власти приходскаго собранія, то она была ничтожна: оно могло высказывать всякія пожеланія, но не имѣло права ихъ осуществить; приходъ не могъ обложить себя налогомъ, ни продать, ни купить, ни заключить договора найма, ни начать иска безъ разрѣшенія королевскаго совѣта; дошло до того, что у послѣдняго надо было испросить разрѣшенія, чтобы починить, напримѣръ, кровлю церкви или стѣну въ домѣ священника.

Таково же было и положеніе муниципальной общины въ городахъ: какъ мы сказали, дѣла муниципальныя были въ большей части Франціи ввѣрены городской коллегіи; должностныя мѣста покупались. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохранилось право выбора должностныхъ лицъ, общее муниципальное собраніе состоитъ изъ нотаблей по праву личному; другіе посылаются въ это собраніе большею частью корпораціями богатыхъ горожанъ, но ремесленники исключаются. Народъ перестаетъ интересоваться общими дѣлами, замыкается въ четырехъ стѣнахъ, становится какъ бы иностранцемъ въ городѣ, и правительства городовъ становятся маленькими олигархіями. Городскія общины все болѣе и болѣе подчиняются центральному правительству: города не могутъ у себя установить пошлины на ввозъ съѣстныхъ припасовъ, ни собирать налоговъ, ни закладывать, ни продавать, ни вчинать исковъ, ни отдавать въ аренду городскихъ имуществъ, ни

управлять ими, ни производить расходовъ, ни обратить на свои нужды излишковъ своихъ поступленій безъ постановленія королевскаго совѣта, по представленію интенданта. Всѣ общественныя работы исполняются по планамъ и смѣтамъ, утвержденнымъ совѣтомъ, правительственными инженерами, по указанію интенданта и субделегата. Но и эта правительственная опека городовъ въ XVIII вѣкѣ не помѣшала большинству городовъ разориться.

Такимъ образомъ королевскій совѣтъ привлекъ въ свои руки всѣ отрасли общественной экономіи и политической организаціи и проводилъ ихъ чрезъ интендантовъ. При старомъ порядкѣ, какъ и въ наши дни, не было города, мѣстечка, села, даже самой маленькой деревушки, больницы, фабрики, монастыря, или гимназіи, которые бы смѣли имѣть свою независимую волю въ частныхъ дѣлахъ или управлять по своему собственному желанію своимъ имуществомъ. Тогда, какъ и теперь, администрація держала всѣхъ французовъ подъ опекою, интендантъ распредѣлялъ пособія неимущимъ, учреждалъ благотворительныя мастерскія, гдѣ бѣдные крестьяне могли работать за небольшую плату. Центральное правительство не довольствовалось тѣмъ, что помогало крестьянамъ въ нуждахъ: оно бралось за указаніе имъ средствъ къ обогащенію, помогало имъ въ этомъ и, въ случаѣ надобности, принуждало. Такъ, во Франціи при старомъ режимѣ угасалъ духъ самодѣятельности, а чувство законности глохло. Уже въ то время характерною чертою французской администраціи является жестокая ненависть, внушаемая ей всѣми тѣми, кто обнаруживаетъ желаніе заниматься административными дѣлами внѣ ея. Ее пугаетъ малѣйшее независимое общество, намѣревающееся организоваться безъ ея посредства; она рѣшительно не терпитъ, чтобы граждане какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивались въ обсужденіе своихъ собственныхъ дѣлъ, хотя она дозволяетъ критикѣ сомнѣваться въ разумности тѣхъ основныхъ принциповъ, на коихъ покоилось общество и даже въ существованіи Бога, лишь бы не трогали чиновниковъ, хотя бы самыхъ мелкихъ. Образовался какой-то особый классъ и даже какая-то особая раса чиновниковъ, которые одни могли все знать, всѣмъ руководить, и которые смотрѣли на остальныхъ членовъ общества какъ на

низшія, подчиненныя имъ существа. Этотъ чиновный классъ, проникнутый особымъ духомъ, имѣлъ свои преданія, свои добродѣтели, свою особую честь и гордость. Никто, наоборотъ, изъ частныхъ лицъ не считаетъ себя способнымъ привести къ благополучному концу дѣло, если въ него не вмѣшивается правительство; но само оно, это правительство, постоянно обходитъ законъ во всѣхъ направленіяхъ, сообразно обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. Вотъ почему во Франціи и не могло развиться чувство законности.

Такъ подготовлялась почва къ революціи, которая разразилась во всемъ ужасѣ, поразила тронъ и уничтожила дворянство. Въ соціальномъ отношеніи революція имѣла слѣдующіе результаты: дворяне великодушно отказались, въ знаменитую ночь 9 августа 1789 года, отъ всѣхъ феодальныхъ правъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей, которыя крестьяне обязаны были отправлять въ пользу помѣщиковъ. Но вслѣдъ за національнымъ собраніемъ законодательное собраніе, а потомъ конвентъ приступили къ конфискаціи и распродажѣ имуществъ церквей и духовенства и бѣжавшихъ дворянъ. Однако, насиліе, причиненное высшимъ классамъ, не пошло на пользу низшаго класса; хотя нѣкоторая часть крестьянъ округлила и расширила свои владѣнія, но главнымъ образомъ среднее сословіе пріобрѣло большую часть имуществъ, принадлежавшихъ прежде духовенству и дворянству. Всѣ эти насильственные захваты и конфискаціи, распродажа частныхъ и общинныхъ земель способствовали переходу земель въ болѣе производительныя руки, но масса крестьянъ осталась отъ всѣхъ этихъ переворотовъ въ сторонѣ; масса имѣній перешла къ буржуазіи. До революціи вся территорія Франціи распредѣлялась такъ: одной половиной владѣли высшіе классы (духовенство $^{3}/_{10}$ и дворянство $^{2}/_{10}$), другая половина принадлежала среднимъ и низшимъ классамъ поровну, такъ что крестьянскихъ земель было около $^{1}/_{4}$ части всѣхъ удобныхъ земель Франціи. Послѣ революціи эта общая пропорція измѣнилась только въ пользу средняго класса, между тѣмъ какъ пространство мелкихъ крестьянскихъ владѣній очень мало увеличилось [1]. Изъ этого видно, что рево-

[1] Князь А. Васильчиковъ „Землевладѣніе и Земледѣліе“, С.-ПБ., 1876 г. Стр. 47—94.

люція не способствовала переходу земель въ руки крестьянскаго населенія. Крестьяне владѣютъ, какъ до революціи, такъ и теперь, только одною четвертою частью земель, тогда какъ населеніе значительно увеличилось; умножилось только число среднихъ землевладѣльцевъ отъ 10 до 50 десятинъ; этотъ классъ до революціи имѣлъ въ своемъ владѣніи не болѣе $1/4$ части всей земельной собственности Франціи, а нынѣ имѣетъ болѣе половины. Къ французской буржуазіи перешла большая часть земель, конфискованныхъ у эмигрантовъ и духовенства и распроданныхъ крупными помѣщиками. Эти имѣнія были раскуплены быстро, мгновенно, на наличныя деньги смѣлыми спекулянтами или промышленными обществами (les bandes noires), при чемъ цѣнность земель упала соотвѣтственно упадку цѣнности ассигнацій, и имѣнія перешли въ руки капиталистовъ, подрядчиковъ и поставщиковъ армій, нажившихъ въ эти смутныя времена громадныя суммы. Всѣхъ имѣній было распродано до 20 милліоновъ гектаровъ или около $1/3$ всей территоріи. Эта операція приняла видъ биржевой игры, въ которой выиграли наиболѣе ловкіе и отважные люди; они скупали и перепродавали имѣнія, реализируя при этомъ неслыханные барыши. Большею частью эти имѣнія были скуплены лицами, уже владѣвшими недвижимымъ имуществомъ и присоединившими ихъ къ прежнимъ помѣстьямъ. Такимъ образомъ насиліе, причиненное высшимъ классамъ, не пошло на пользу низшаго земледѣльческаго сословія; оно создало только классъ среднихъ помѣщиковъ недворянскаго происхожденія, образовавшійся изъ торговцевъ, купцовъ, промышленниковъ, владѣльцевъ рентъ и богатѣйшихъ крестьянъ, составляющій главный корень французской буржуазіи.

Общепринятое мнѣніе, что Франція—страна мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, невѣрно. Число землевладѣльцевъ въ ней считается весьма различно, но надо принять, что число ихъ отъ $3^1/_2$ до $5^1/_2$ милліоновъ. Изъ нихъ нужно исключить большую часть такихъ, владѣнія коихъ не даютъ никакого чистаго дохода. Чрезмѣрная дробность владѣній вслѣдствіе раздѣловъ привела къ тому, что изъ числа землевладѣльцевъ-хозяевъ многіе переходятъ въ разрядъ бобылей, поденщиковъ или безземельныхъ рабочихъ; для нихъ владѣніе землей не есть самостоятельное занятіе, а только под-

спорное. Таковые хозяева даже увольняются отъ поземельнаго налога (à cause d'indigence); кромѣ того, освобождаются отъ налога тѣ владѣльцы, налогъ съ которыхъ менѣе 5 сантимовъ, такъ что общее число самостоятельныхъ землевладѣльцевъ отъ 2 до 3 милліоновъ домохозяевъ; прочій разрядъ сельскихъ жителей показывается подъ разными наименованіями: journalies, metayers, fermiers, serviteurs.

Распредѣленіе поземельной собственности во Франціи слѣдующее [1]):

Очень мелкой до 2 гектаровъ . .	5.200.000	гект.
Мелкой отъ 2 до 6 гект.	7.500.000	„
Средней отъ 6 до 50 гект.	19.200.000	„
Крупной отъ 50 до 200 гект. . . .	9.400.000	„
Очень крупной болѣе 200 гект. . .	8.000.000	„
Всего около . .	50.000.000	гект.

Распредѣленіе занятій земледѣльческаго населенія во Франціи по переписи 1882 года слѣдующее:

	Число индивидуумовъ.
Хозяевъ, обработывающихъ свои земли или управляющихъ ими	2.425 т.— 9.176 т.
Мелкихъ собственниковъ, работающихъ на первыхъ въ качествѣ фермеровъ, половинщиковъ, мызниковъ, поденщиковъ	772 т.— 3.552 т.
Арендаторовъ, и мызниковъ	1.010 т.— 5.032 т.
Лѣсниковъ, дровосѣковъ, угольщиковъ и пр.	132 т.— 512 т.
Итого . .	4.325 т.—18.244 т.

Итакъ земледѣльческаго класса менѣе половины всего населенія Франціи, остальное населеніе состоитъ изъ промышленнаго сословія. Къ разряду высшихъ собственниковъ принадлежатъ около 50.000 лицъ, которые имѣютъ въ своемъ владѣніи около одной трети всей территоріи. Средній классъ землевладѣльцевъ—буржуа, простирается до 500.000 лицъ;

---

1) Alfred de Foville. „Le morcellement". Paris., 1885.

этотъ классъ очень разнообразенъ по своему составу: ему принадлежитъ и большая часть городскихъ и сельскихъ торговцевъ и промышленниковъ, и многіе объднѣвшіе потомки дворянскихъ родовъ, и, наконецъ, самая значительная часть крестьянъ, уже вышедшая по своимъ оборотамъ изъ общей среды крестьянства.

Характеристической чертою французскаго землевладѣнія есть, съ одной стороны, такъ называемая мобилизація недвижимыхъ имуществъ, а съ другой—дробность владѣній. Наблюдается огромное число такъ называемыхъ mutations, т.-е. переходовъ владѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ 1826—1835 гг. такихъ перемѣнъ владѣній было на сумму 23 милліарда франковъ, такъ что въ теченіе десяти лѣтъ болѣе $^1/_3$ всѣхъ владѣній перешло къ новымъ владѣльцамъ; изъ этого числа болѣе половины по наслѣдству и почти $^2/_3$ по продажѣ и другимъ крѣпостнымъ актамъ. Съ этого времени число переходовъ все болѣе и болѣе возрастаетъ: ежегодно $^1/_{12}$ часть переходитъ изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ каждыя 12 лѣтъ личный составъ владѣльцевъ измѣняется. Большая часть этихъ продажъ относится къ категоріи продажъ мелкихъ имуществъ. Въ 1882 году совершено было продажъ и другихъ пріобрѣтеній недвижимыхъ имуществъ на слѣдующія суммы [1]):

По куплѣ-продажѣ	на	2.404	милліон.	фран.
По принудительной продажѣ . .	„	420	„	„
Дарственными способами	„	446	„	„
По наслѣдству	„	2.659	„	„
	Всего	5.929	мил.	фр.

Издержки по продажамъ падаютъ пропорціонально на мелкія имущества болѣе, чѣмъ на крупныя. Результаты изслѣдованій относительно дробленія показываютъ, что мелкіе поземельные участки ниже 6 гектаровъ все болѣе и болѣе увеличиваются, а средніе и крупные участки возрастаютъ.

Все это указываетъ на угнетенное положеніе мелкихъ французскихъ крестьянъ; но положеніе ихъ еще болѣе ухудшается вслѣдствіе страшной задолженности ихъ. Ипотечный долгъ

1) Flour de Saint Genis. Paris, 1889.

на землѣ въ 1876 г. простирался до 15 милліардовъ франковъ, по которымъ платилось процентовъ съ погашеніемъ до 600 мил. фр. Флуръ Сенъ Жени *) считаетъ, что въ средѣ мелкаго крестьянскаго владѣнія процентъ за долги, налогъ, всякаго рода потери, связанныя съ недвижимою собственностью, поглощаютъ до 50% чистаго дохода земли. Законодательство ипотечное весьма строго, процедура запутанная издержки огромныя, и только богатые собственники могутъ воспользоваться благодѣяніями кредита на долгіе сроки въ такъ называемомъ обществѣ поземельнаго кредита (La société du Credit foncier), бѣдные не могутъ имъ воспользоваться. Задолженность мелкихъ земель нерѣдко превышаетъ ихъ стоимость и замѣчается ужасное развитіе ростовщичества: множество крестьянскихъ земель уже ушло изъ рукъ ихъ, а на остающихся лежитъ еще неоплатный долгъ. Земледѣльцы мелкіе не въ состояніи выносить процентнаго бремени, ибо иногда доходъ пе покрываетъ процентовъ. Бѣдный крестьянинъ прибѣгаетъ часто къ займамъ у частныхъ лицъ и платитъ 18%, изъ которыхъ 6% нормальнаго процента, 6% за рискъ торговый и 6% за рискъ уголовный, такъ какъ извѣстно, что во Франціи опредѣленъ максимумъ законныхъ процентовъ, а излишекъ противъ нормы считается уголовно-наказуемой лихвою. Когда земледѣлецъ имѣетъ нужду купить орудія, сѣмена, скотъ и т. п., онъ не ищетъ кредита въ городахъ, куда путешествіе дорого и гдѣ его никто не знаетъ, онъ обращается обыкновенно къ деревенскому сосѣду. Когда пришла уборка сѣнокоса или хлѣба, онъ платитъ иногда, по словамъ Сенъ Жени, отъ 30 до 40% въ годъ. Ипотечный же кредитъ ограниченъ 5%, но для бѣднаго крестьянина на самомъ дѣлѣ обходится съ издержками нотаріальными, посредниками и проч. отъ 8 до 12%. Кредитоспособность мелкаго землевладѣнія уже во многомъ исчерпана. Земельный долгъ имѣетъ источникомъ: раздѣлы, покупки и займы для оборотовъ. Можно сказать, что половина Франціи принадлежитъ немногимъ крупнымъ капиталистамъ. Естественное дробленіе земель привело къ невозможному измельчанію и чрезполосности владѣній. Бываютъ случаи, что на простран-

---

[1]) Flour de Saint Genis. Paris, 1889.

ствѣ 1.500 гектаровъ земли существуютъ до 37.000 самостоятельныхъ участковъ, а многія владѣнія измѣряются сотыми долями гектара. Что касается предметовъ занятій низшаго сельскаго населенія во Франціи, то арендованіе земель чужихъ и въ особенности испольное (métayage), составляетъ главный промыселъ французскихъ крестьянъ.

Въ экономической жизни Франціи земля не составляетъ главнаго источника богатства и доходности націи, самое большее богатство націи суть капиталы; поэтому Францію, несомнѣнно, можно назвать страною буржуазною. Это видно, если бросимъ сравнительный взглядъ на отношенія недвижимой собственности и ея доходности къ движимой: во Франціи сельская собственность даетъ дохода валового $2^1/_2$ милліарда франковъ; все же національное богатство въ землѣ Франціи исчисляется въ 100 милліардовъ франковъ [1]), изъ нихъ: въ землѣ $91^1/_2$ милліарда, въ скотѣ, орудіяхъ, сѣменахъ и пр. 10 милліардовъ фр. [2]). Если принять во вниманіе, что весь національный доходъ Франціи исчисляется въ 25 милліардовъ франковъ, то слѣдуетъ, что поземельная рента составляетъ во Франціи только $^1/_{10}$ часть всего національнаго дохода. При этомъ надо имѣть въ виду, что, начиная съ 1877 года, продолжающійся непрерывно до настоящаго времени земледѣльческій кризисъ въ Старомъ Свѣтѣ, понизилъ доходность сельскихъ имуществъ, и она упала на 20—30% и даже на 40%. Слѣдовательно, главное богатство во Франціи и доходъ ея состоятъ въ ея промышленныхъ предпріятіяхъ, въ фабричномъ и заводскомъ производствѣ, въ мануфактурахъ, въ издѣліяхъ мастерскихъ, въ торговомъ капиталѣ—натуральномъ и денежномъ. Въ силу этого, число городского населенія во Франціи выше, чѣмъ сельскаго; послѣдняго, какъ мы видѣли, около 18.000.000, т.-е. менѣе чѣмъ городского, фабричнаго, заводскаго и т. п. Буржуазное населеніе состоитъ: изъ промышленниковъ, купцовъ, лавочниковъ, приказчиковъ, конторщиковъ и всевозможныхъ факторовъ, комивояжеровъ, комиссіонеровъ, парикмахеровъ и т. д., и т. д. Торговыя и промышленныя пред-

---

[1]) Paul Leroy Beaulieu. „Precis d'économie politique". Paris, 1897.

[2]) Flour de Saint Genis.

пріятія обыкновенно формируются въ акціонерныя (анонимныя) компаніи, паевыя товарищества. Владѣльцы акцій, облигацій, паевъ, сытые и пресыщенные, обыкновенно рѣжутъ съ нихъ купоны, и весь буржуазный строй Франціи есть царство биржи, банковъ, купоновъ и промышленныхъ аферъ. Не говоря уже о процентныхъ бумагахъ частныхъ предпріятій, слѣдуетъ обратить вниманіе на государственныя процентныя бумаги, ибо государственный долгъ Франціи можно исчислить въ 33—34 милліарда франковъ, изъ которыхъ 27 милліардовъ помѣщены въ государственную ренту, приносящую владѣльцамъ ея ежегодно 837 мил. фр., а остальные составляютъ временные долги государственнаго казначейства. Алчность французскихъ капиталистовъ къ сбереженіямъ видна всякому: „les epargnes, les épargnes"—вотъ главный стимулъ современнаго французскаго буржуа средняго достоянія; число сберегательныхъ кассъ и число вкладовъ въ нихъ все растетъ и растетъ: въ 1835 г. ихъ было 204, въ 1850 г.—565, въ 1869 г.—1.173, въ 1880 г.—1.405, въ 1892 г.—2.033; вклады же повышались такъ: въ 1835 г. сумма вкладовъ была 400 мил. фр., въ 1845 г.—711 мил., въ 1869 г.—1.280, въ 1880 г.—1.816 мил., наконецъ, въ 1893 г. 3 милліарда 143 милліона франковъ. Сюда надо прибавить 607 милліоновъ франковъ почтовыхъ сберегательныхъ кассъ; итого получается около 4 милліардовъ франковъ. Всѣ эти сбереженія помѣщаются правительствомъ въ государственныя процентныя бумаги. А между тѣмъ мы видѣли жалкое положеніе, задолженность и тяготу жизни французскаго земледѣльца; положеніе же городского пролетарія всѣмъ извѣстно. Съ точки зрѣнія государственнаго управленія, строй Франціи называютъ демократическимъ, но на самомъ дѣлѣ это—режимъ плутократическій. Еще Аристотель, различая формы правленія, отмѣтилъ олигархію, какъ такую форму правленія, гдѣ право на занятіе государственныхъ должностей опредѣляется цензомъ; одинъ изъ видовъ олигархіи есть тимократія (по терминологіи Платона) или плутократія. Съ точки зрѣнія формальной, во Франціи право на занятіе государственныхъ должностей принадлежитъ всѣмъ гражданамъ безъ исключенія, но по существу—къ государственнымъ должностямъ доступъ открытъ людямъ достатка и знанія, принадлежащимъ къ извѣстному классу

специалистовъ-администраторовъ. Плутократія, т.-е. господствующій богатый классъ, всему даетъ тонъ, и въ сущности сосредоточила у себя власть и въ лицѣ банкировъ, негоціантовъ и средней буржуазіи, по горло занятая своими аферами, или скучая въ праздной бездѣятельности, все управленіе Франціей вручила министрамъ. Министры, даже при вѣчной смѣнѣ министерствъ, назначаются все изъ одного и того же круга лицъ—спеціалистовъ по призванію и подготовкѣ—чиновниковъ, правящихъ и руководящихъ судьбами страны. Понятно, что при подобномъ режимѣ мѣста для самодѣятельности общественныхъ силъ, для органовъ мѣстнаго или земскаго самоуправленія остается мало. Богатые люди не хотятъ, а бѣдные не могутъ участвовать въ земскомъ самоуправленіи,—словомъ, плутократія есть почва, на которой развиваются бюрократія и административная централизація.

Мы видѣли, какъ въ до-революціонной Франціи параллельный упадокъ дворянскаго сословія и обѣднѣніе простого народа, съ одной стороны, и все болѣе и болѣе возрастающая сила средняго или третьяго сословія—съ другой—создали административную централизацію стараго порядка. Экономическая жизнь пошла своеобразно, между тѣмъ какъ провинціальная жизнь глохла и оскудѣвала, богатые города богатѣли, но главное и преимущественное вліяніе получаетъ Парижъ. Парижъ сталъ центромъ мануфактурной и торговой жизни Франціи: сюда свозились товары изъ провинціи и заграницы и развозились какъ издѣлія по всѣмъ провинціямъ и въ чужіе края; въ Парижѣ сосредоточивались центральныя предпріятія, конторы, агентства, склады. Парижское рабочее населеніе росло, голова страны лихорадочно и жарко работала, а туловище погружалось въ летаргію. То же повторяется и послѣ революціи: нервные токи автоматически проходятъ, въ виды декретовъ, ордонансовъ, передаются въ нервные центры, т.-е. въ административныя инстанціи, сначала интендантамъ, субделегатамъ, а послѣ революціи—префектамъ, супрефектамъ, мерамъ. Они проходятъ по частямъ организма, конвульсивно его двигаютъ и тревожатъ и заставляютъ переживать долгіе и мучительные опыты. Удивительно, какъ во Франціи можно наблюдать одновременное развитіе и взаимную зависимость экономической централизаціи, развитіе

капитализма, съ одной стороны, и чиновничьей іерархіи, автоматически подчиняющейся центральной монадѣ,—съ другой; эти монады сперва носили названіе короля, а потомъ національнаго и законодательныхъ собраній, конвента, директоріи, императоровъ и chambre des deputes.

Нельзя отвергать, чтобы французы не понимали зла подавленія мѣстной свободы и не дѣлали бы попытокъ къ возстановленію земскаго самоуправленія, но привычки, долголѣтній опытъ подчиненія игу бюрократіи, режиму агентовъ центральной власти и, самое главное, соціальныя условія держали ихъ въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ. Они исповѣдывали и сознавали идеи и пользу благъ мѣстнаго народоправства, но теченіе соціальной жизни брало свое и держало ихъ на уздѣ режима централизаціи, бюрократическихъ порядковъ и административной опеки. Въ 1789 году послѣдовала новая организація муниципальныхъ и провинціальныхъ управленій: по реформѣ 1789 г., муниципальныя управленія состоятъ изъ муниципальныхъ собраній, которыя изъ своей среды избираютъ мера и избирательныя коллегіи въ каждомъ департаментѣ, которыя выбираютъ отъ себя департаментскую директорію и совѣтъ (conseil general). Избирательный цензъ по первой конституціи былъ очень ограниченный; мѣстнымъ учрежденіямъ были предоставлены широкія права по дѣламъ мѣстнаго самоуправленія и раскладка мѣстныхъ налоговъ. Но уже во время преній въ національномъ собраніи обнаружилось, что главная мысль законодателей была—строгое подчиненіе муниципальныхъ и провинціальныхъ учрежденій правительству и національному собранію. Съ первыхъ же дѣйствій мѣстныхъ учрежденій обнаружились столкновенія между центральною и мѣстными властями, и открывается упорная и многолѣтняя борьба, окончившаяся пораженіемъ мѣстной свободы. При имперіи совѣты муниципальные и генеральные были отмѣнены, и правительственная власть въ департаментахъ вручена была агентамъ центральной власти—префектамъ и супрефектамъ, изъ которой первый назначаетъ въ каждой коммунѣ мера. Попытка возстановить мѣстное самоуправленіе на началахъ незначительнаго ценза повторяется и при іюльской монархіи и на началахъ всеобщей подачи голосовъ во второй республикѣ 1848 г.; но во время

второй имперіи права муниципальныхъ и генеральныхъ совѣтовъ урѣзываются; въ 1871 году опять сдѣлана реформа мѣстнаго управленія: префекты и супрефекты остались съ широкими правами, какъ агенты центральной власти, но меры избираются муниципальными совѣтами. Въ настоящее время вся Франція раздѣлена на департаменты, департаменты на округа, а округа на городскія и сельскія коммуны. Учредительная власть принадлежитъ въ департаментахъ генеральнымъ совѣтамъ, а исполнительная—префектамъ, въ округахъ—окружнымъ совѣтамъ, а исполнительная—супрефектамъ, въ коммунахъ—муниципальнымъ совѣтамъ, а исполнительная—мерамъ. Генеральный совѣтъ [1]) обсуждаетъ дѣла, касающіяся всего департамента; въ него избираются всѣ граждане всеобщею подачею голосовъ. Слѣдующія условія надо соединять въ себѣ для избранія: 25-лѣтній возрастъ, платежъ прямыхъ податей въ департаментѣ; во всякомъ случаѣ положено, чтобы $^3/_4$ членовъ были изъ мѣстныхъ жителей; никто не можетъ быть членомъ многихъ департаментовъ сразу. Функціи генеральныхъ совѣтовъ опредѣлены закономъ такъ: conseil general vote, delibere, donne desavis, emet des veux. Что касается до первой функціи, то генеральные совѣты вотируютъ налогъ самостоятельно для нуждъ департамента и опредѣляютъ максимумъ налога, который муниципальные совѣты могутъ назначить для нуждъ и пользы общины. Прямыхъ налоговъ считается: во Франціи четыре разряда: а) съ недвижимаго имущества (la contribution foncierè); б) личный налогъ и съ движимости (personelle et mobilierè); в) съ оконъ и дверей (des portes et des fenêtres), и г) патентный (des patentes). Поземельный налогъ взимается на основаніи офиціальнаго кадастра. Какъ извѣстно, кадастровыя работы предприняты были во Франціи въ 1808 г., продолжались 17 лѣтъ и стоили 200 милліоновъ франковъ. Несмотря на это, постоянно слышатся жалобы на недостатки французскаго кадастра: переоцѣнки производятся рѣдко, и вообще всѣ замѣчаютъ, что доходность земель, вслѣдствіе измѣнившихся условій и способовъ обработки, сильно расходится съ дѣйствительностью. Налогъ на землю

---

1) Batbie. „Traité de droit publique et administratif". Paris, 1885. Leroy Beaulieu. „L'administration locale et France et en Angleterre". Paris.

составляетъ 10% чистой ренты, но въ послѣднее время законодательство имѣетъ тенденцію понижать этотъ налогъ. Затѣмъ идетъ налогъ личный и на движимость: первый исчисляется по цѣнности трехъ рабочихъ дней, установленный по каждому департаменту генеральными совѣтами; второй взимается сообразно наемной платѣ за квартиру. Налогъ на двери и окна раздѣляется на 48 разрядовъ по населенію городовъ и по размѣрамъ строеній. Патентный сборъ устанавливается законодательнымъ порядкомъ и сполна поступаетъ въ казну, но общинамъ предоставляется взимать единовременно, при выдачѣ новыхъ патентовъ, 8% въ свою пользу. Итакъ всѣ прямые налоги взимаются агентами правительства по опредѣленному масштабу, при чемъ дѣятельность государственныхъ чиновниковъ состоитъ въ механическомъ подсчетѣ, напримѣръ, числа и размѣра дверей, оконъ; относительно патентнаго сбора служатъ руководствомъ опредѣленные признаки, напримѣръ: число и размѣръ станковъ, число рабочихъ въ заведеніи и пр. Прямыя подати прежде всего взимаются для государственнаго казначейства, но къ нимъ примыкаютъ такъ называемые добавочные сантимы, т.-е. налоги на расходы департаментскіе и общинные. Генеральные совѣты, имѣя въ рукахъ всѣ данныя, собранныя агентами правительства относительно кадастра, описанія размѣровъ и числа оконъ и дверей и т. п. и руководствуясь итогами, опредѣляютъ, какая пропорція приходится на каждый округъ, а окружные совѣты—сколько на каждую общину; въ этомъ и состоитъ раскладка прямыхъ налоговъ. Не болѣе широка роль генеральныхъ совѣтовъ относительно установленія налоговъ на мѣстныя нужды; въ этомъ отношеніи различаются: сантимы обыкновенные (centimes ordinaires) и сантимы спеціальные (centimes speciales), которые, въ свою очередь, раздѣляются на centimes extra-ordinaires et centimes facultatives. Сантимы обыкновенные, или обязательные расходы, устанавливаются закономъ въ государственной росписи на нужды департаментскія, и генеральные совѣты только принимаютъ эти статьи къ свѣдѣнію. Сантимы спеціально для содержанія дорогъ, школъ и т. п. идутъ на мѣстныя нужды, на нужды департаментскія, по опредѣленію генеральныхъ совѣтовъ, или на нужды общинныя, по опредѣленію муниципальныхъ совѣтовъ. Но

расходы на эти нужды обставлены слѣдующими условіями: чтобы они оставались въ предѣлахъ узаконеннаго максимума, чтобы всякій налогъ былъ утвержденъ префектомъ, чтобы всякая потребность, признанная таковою имъ, была исправлена и удовлетворена, и чтобы взиманіе сбора было разрѣшено особымъ узаконеніемъ. Изъ газетъ извѣстно, что въ нынѣшнемъ году министерство вноситъ проектъ подоходнаго налога, при чемъ доходность опредѣляется *по внѣшнимъ признакамъ*.

Помимо вотированія налоговъ, генеральные совѣты дѣлаютъ постановленія относительно дорогъ, народнаго образованія, гигіены, общественнаго призрѣнія и другихъ мѣстныхъ нуждъ; но эти постановленія центральная власть можетъ опротестовать, въ случаѣ противорѣчія ихъ съ законами, некомпетентности или превышенія власти; постановленія эти отмѣняются въ формѣ reglement d'administration publique. Другія постановленія генеральныхъ совѣтовъ, главнымъ образомъ касающіяся распоряженія департаментскимъ имуществомъ, получаютъ силу при условіи одобренія ихъ со стороны центральной власти. Кромѣ того, каждый министръ можетъ предложить вопросъ генеральнымъ совѣтамъ съ просьбою дать совѣтъ; очень часто генеральные совѣты оставляютъ эти предложенія безъ обсужденія, ссылаясь на недостатокъ данныхъ. Таковы необширныя полномочія учредительной власти въ департаментахъ генеральныхъ совѣтовъ.

Наоборотъ, власть префекта, въ рукахъ котораго находится вся исполнительная власть, очень обширна. Префектъ прежде всего—органъ государственной власти, и на немъ лежитъ обязанность по обнародованію законовъ; онъ издаетъ регламенты о сохраненіи общественныхъ имуществъ, объ охраненіи народнаго здравія, безопасности и общественнаго спокойствія. Префектъ считается официальнымъ представителемъ государственныхъ имуществъ; всѣ иски относительно ихъ вчинаются отъ его имени и предъявляются къ нему; ему принадлежитъ право назначенія на многочисленныя должности, напримѣръ: директоровъ мѣстъ заключенія, богадѣленъ, домовъ умалишенныхъ, ихъ служителей, учителей народныхъ школъ, медиковъ, смотрителей музеевъ, надсмотрщиковъ мѣръ и вѣсовъ, архиваріусовъ, сборщиковъ налоговъ, сторожей лѣсныхъ, полевыхъ, сторожей мостовъ и дорогъ, полицей-

скихъ комиссаровъ и т. п. Префектъ съ своимъ совѣтомъ префектуры (Conseil de Prefecture) составляетъ бюджетъ департамента и вноситъ его въ генеральный совѣтъ, который его разсматриваетъ и утверждаетъ.

Послѣ погрома 1870 года обнаружились всѣ недостатки административныхъ порядковъ во Франціи, такъ или иначе, но очень печально отразившихся на судьбѣ политической жизни во Франціи. Національное собраніе, созванное въ 1871 г., въ числѣ другихъ сторонъ своей дѣятельности предприняло и реформу мѣстнаго самоуправленія. Съ цѣлью заступить совѣтъ въ промежуткахъ между сессіями, по закону 1871 года, учреждена департаментская комиссія, избираемая изъ членовъ генеральнаго совѣта отъ 4 до 7, при чемъ наблюдается, чтобы каждый округъ по возможности имѣлъ своего представителя въ ней. Комиссія эта засѣдаетъ каждый мѣсяцъ, занимается дѣлами кадастра, дорожными, управленіемъ департаментскаго имущества, провѣряетъ отчеты префекта и составленный имъ отчетъ вноситъ съ своимъ заключеніемъ въ генеральный совѣтъ. Префектъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ комиссіи, можетъ давать объясненія и участвовать въ преніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ засѣданій, гдѣ разсматриваются его отчеты. Комиссія имѣетъ право требовать отъ начальниковъ мѣстной администраціи свѣдѣній и разъясненій, и генеральный совѣтъ можетъ давать комиссіи порученія, не выходя изъ сферы своей компетенціи. Но учрежденіе этой комиссіи очень сильно идетъ въ разрѣзъ съ общею житейскою мудростью и евангельскимъ совѣтомъ, запрещающимъ вливать вино новое въ старые мѣха. Вотъ картина, которую нарисовалъ извѣстный ученый Леруа Больe относительно порядковъ и засѣданій генеральныхъ совѣтовъ еще во время второй имперіи: „приготовляется префектомъ департаментскій бюджетъ и вносится имъ въ генеральный совѣтъ и тамъ дѣлается предметомъ поспѣшнаго и поверхностнаго разсмотрѣнія и обсужденія. Вся работа приготовляется въ бюро, которыя находятся въ распоряженіи префекта. Для генеральнаго совѣта остается мало времени входить въ подробное его разсмотрѣніе. Члены генеральныхъ совѣтовъ на практикѣ мало заинтересованы департаментскими отчетами; большинство изъ нихъ заботятся, чтобы заслужить благо-

расположенiе префекта и даже выказываютъ ему рабскую покорность. Такъ всегда происходитъ въ человѣческихъ дѣлахъ: тотъ, кто уполномоченъ изготовлять смѣты и отчеты, кто независимъ отъ лицъ, имѣющихъ право контролировать ихъ, будетъ всегда имѣть влiянiе на ходъ дѣлъ; несмотря на текстъ закона, послѣднее слово будетъ всегда принадлежать ему. Посмотрите, что обыкновенно происходитъ въ общихъ собранiяхъ акцiонеровъ: несмотря на постоянныя усилiя, акцiонеры не могли достигнуть дѣйствительнаго контроля надъ членами правленiя". Все, что намъ приходилось читать о мѣстныхъ дѣлахъ Францiи съ 1871 г., убѣждаетъ насъ, что порядки эти мало измѣнились. Здѣсь мы невольно должны вспомнить общiя положенiя государственнаго права: если страна сознала пользу и необходимость мѣстнаго самоуправленiя, она должна согласиться, что есть извѣстный кругъ дѣлъ, въ которомъ мѣстныя административныя единицы должны быть самостоятельными въ своей компетенцiи и имѣть органы, независимые отъ органовъ центральной власти. Поручать агентамъ центральнаго правительства исполнительную власть по веденiю земскихъ дѣлъ и заставить этого независимаго агента центральной власти, съ одной стороны, подготовлять и приводить въ исполненiе рѣшенiя мѣстныхъ собранiй и пристроить къ префекту комиссiю, не имѣющую никакихъ правъ по приведенiю въ исполненiе рѣшенiй,—значитъ не даровать странѣ права самоуправленiя, а устроить игру въ самоуправленiе. Дѣйствительнымъ вершителемъ дѣлъ былъ и останется чиновникъ: земскiе же чины могутъ составить ему антуражъ, а пожалуй и декорумъ, придавъ силу моральнаго авторитета его дѣйствiямъ, къ которымъ подписались и которыя одобрили мѣстные представители. Сами мѣстные представители не представляютъ собою дѣйствительныхъ интересовъ мѣстности, потому что интересы населенiя и богатыхъ его представителей въ большинствѣ случаевъ расходятся: депутатовъ въ генеральный совѣтъ избираютъ сплошь и рядомъ потому, что или избиратели уклоняются отъ подачи голосовъ или потому, что избиратели, не будучи въ состоянiи сами служить общественному дѣлу вслѣдствiе бѣдности и недосуга, равнодушно уступаютъ мѣсто болѣе досужимъ. Насколько во Францiи

мѣстные представители мало интересуются, мало играютъ роли въ веденіи земскихъ дѣлъ, насколько все ихъ вниманіе занято и поглощено вопросами высшей политики—видно изъ того, что члены генеральныхъ совѣтовъ различаются по принадлежности ихъ къ той или другой политической партіи—консерваторовъ, радикаловъ и т. п., тогда какъ названій, заимствованныхъ изъ направленія ихъ оригинальной земской дѣятельности, мы вовсе не встрѣчаемъ.

Не останавливаясь на территоріальномъ раздѣленіи Франціи на округа (les arrondiosements) и ихъ совѣтовъ (les conseils d'arrondissement), какъ имѣющемъ очень мало значенія и функцій, относящихся почти исключительно къ раскладкѣ налоговъ между общинами, мы остановимся на муниципальной жизни французскихъ общинъ; число коммунъ во Франціи, по исчисленію 1886 г., 36.121, почти на 38.000.000 всего французскаго населенія. Каждая община имѣетъ свой самостоятельный бюджетъ; бюджеты общинъ различаются отъ бюджетовъ департаментовъ тѣмъ, что имущество департаментское состоитъ главнымъ образомъ изъ зданій и, какъ исключеніе, изъ недвижимыхъ имѣній, имущество коммунъ, помимо зданій, заключается въ поземельныхъ владѣніяхъ, обыкновенно отдаваемыхъ внаемъ частнымъ лицамъ. Доходы съ этихъ имуществъ составляютъ значительную часть бюджетовъ коммунъ, кромѣ того, многимъ городскимъ коммунамъ предоставлено облагать особымъ сборомъ ввозимые въ городъ товары. Въ каждой коммунѣ имѣется муниципальный совѣтъ; законъ 1884 года допустилъ къ участію въ муниципальныхъ выборахъ всѣхъ живущихъ въ общинѣ гражданъ, какъ бы ни недавно началось ихъ domicile reel, или хотя не имѣющихъ жительства, но платящихъ одинъ изъ прямыхъ налоговъ и объявившихъ, что они въ этой общинѣ желаютъ пользоваться своими избирательными правами. Муниципальный совѣтъ имѣетъ четыре ординарныхъ сессіи и, кромѣ того, экстренныя. Предметы вѣдомства муниципальныхъ совѣтовъ: дорожная, учебная, медицинская часть, управленіе общиннымъ имуществомъ и распредѣленіе налоговъ между членами общины. Многія постановленія муниципальныхъ совѣтовъ подлежатъ утвержденію муниципальныхъ совѣтовъ, другія могутъ быть отсрочены приведеніемъ въ

исполненіе префектомъ. Исполнительная власть въ коммунахъ принадлежитъ меру, который съ 1871 г. есть избирательная должность, за исключеніемъ гг. Парижа и Ліона. Въ Парижѣ функціи мера раздѣлены между префектомъ Сены и префектомъ полиціи; въ Ліонѣ вмѣсто мера правительство опредѣляетъ особаго префекта Роны. Меръ служитъ безъ жалованья, но въ нѣкоторыхъ городахъ ему полагается особое вознагражденіе на представительство. Функціи мера очень многочисленны: полицейскія, административныя и хозяйственныя. Однѣ изъ этихъ функцій меръ отправляетъ по порученію и подъ вѣдѣніемъ префекта; что касается дѣлъ, относящихся къ управленію общественнымъ имуществомъ, то меръ поставленъ подъ контроль муниципальнаго совѣта и обязанъ ему давать отчетъ, но, съ другой стороны, онъ поставленъ въ зависимость отъ префекта, и рѣшенія его въ этомъ отношеніи или нуждаются въ утвержденіи центральной власти, или могутъ быть ею отмѣнены. Меръ можетъ издавать обязательныя постановленія относительно передвиженія по улицамъ и дорогамъ, относительно спокойствія, гигіены, пожаровъ и пр., но по всѣмъ этимъ предметамъ компетенція раздѣлена между меромъ и префектомъ. Полицейскіе комиссары поставлены въ зависимость отъ префектовъ и супрефектовъ, а съ другой стороны—отъ мера; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ состоятъ въ исключительномъ и непосредственномъ вѣдѣніи префектовъ и супрефектовъ.

Несмотря на то, что съ 1871 года должность мера избирательная, если принять во вниманіе сильную зависимость меровъ отъ агентовъ центральной власти—префектовъ, супрефектовъ, если вспомнить, что агенты центральной власти по учебной, строительной, инженерной, почтовой, телеграфной, фабрично-инспекторской и тому подобнымъ частямъ покрываютъ сѣтью всю Францію, переплетаясь, окутывая и и задушая всѣ ростки земскаго и муниципальнаго управленія, то надо признать, что Франція—страна по существу не страна земскаго самоуправленія, а страна бюрократіи. Сама высшая власть—палата депутатовъ—не опирается на прочный фундаментъ—на органическія группы, на корпоративныя единицы; индивидуумы собираются три раза въ годъ, чтобы положить свои избирательные бюллетени, а на остальное

время удалиться отъ дѣлъ, и даже эту нетрудную обязанность граждане исполняютъ неохотно. Характеристическимъ признакомъ и поразительнымъ недостаткомъ всеобщей подачи голосовъ является воздержаніе отъ выборовъ. Это воздержаніе отъ всеобщей подачи голосовъ проявилось съ самаго начала ея примѣненія въ Европѣ, еще во время французской революціи: выборы въ конвентъ происходили при систематическомъ воздержаніи отъ подачи голосовъ почти всѣхъ гражданъ умѣреннаго образа мыслей и при участіи лишь немногихъ гражданъ крайнихъ направленій. Этотъ недостатокъ вполнѣ проявляется и въ послѣднее время: на муниципальныхъ выборахъ въ Марселѣ въ 1895 году изъ 81.800 избирателей вотировало всего 17.809, слѣдовательно, воздержалось отъ подачи голосовъ 78%. Палата депутатовъ, избираемая всеобщею подачею голосовъ, представляетъ зрѣлище неустойчивости: въ теченіе 25 лѣтъ она то и дѣло смѣщаетъ министровъ, вынужденныхъ бороться противъ интригъ, козней и коалицій и вести избирательную политику. Политическій режимъ Франціи есть режимъ политическихъ партій или, правильнѣе сказать, политическихъ шаекъ. Такъ какъ правительству приходится создавать все новыя мѣста, то административный персоналъ становится чрезвычайно многочисленнымъ и обходится такъ дорого, какъ едва ли онъ еще обходился Франціи [1]).

ГЛАВА IV.

Земство въ Россіи.

Не слѣдуетъ думать, что земство на Руси появилось только въ 1864 году: исторія земщины русской, какъ и самая исторія Руси, насчитываетъ тысячелѣтіе. Земская реформа 1864 г. была только воскрешеніемъ старой земщины, развитіе и органическій ростъ которой были не естественно прерваны вторженіемъ чуждыхъ славянской культурѣ элементовъ, сперва татарскаго, а затѣмъ феодальнаго—нѣмецкаго, завершившихся въ XVII и XVIII вѣкахъ крѣпостнымъ правомъ. „Въ тво-

---

[1]) Пренсъ. „Организація свободы и общественный долгъ". Перев. Сементовскаго. 1897 г., С.-Петербургъ.

ихъ новизнахъ слышится старина“, писали старообрядцы императору Александру II во всеподданнѣйшемъ адресѣ, выражая этими словами великое значеніе его реформъ, какъ сочетанія традицій и прогресса. Самое слово „земство“ или земщина выражаетъ собою главный характеръ общественной организаціи Руси, заключающееся въ тѣсной и неразрывной связи народа съ землей и въ глубокомъ сліяніи двухъ коренныхъ началъ всякой гражданственности—личнаго и поземельнаго. Начиная съ 862 года и до позднѣйшихъ временъ слова: земля, земскіе чины и люди, земство, употребляются для означенія понятій, соотвѣтствующихъ понятіямъ отечество и народъ (das Vaterland, le peuple). Какъ будто бы въ Россіи, по справедливому замѣчанію князя Васильчикова, человѣкъ и земля составляютъ одну неразрывную единицу, какъ будто бы гражданинъ, обыватель, русскій подданный неразлученъ съ правомъ поземельнаго владѣнія, немыслимъ безъ недвижимаго имущества и надѣла, не полонъ безъ участія въ пользованіи русскою землею. Всѣмъ извѣстно, что въ Западной Европѣ никогда въ принципѣ не признавалось право каждаго отдѣльнаго лица на обладаніе поземельнымъ надѣломъ: въ Англіи право собственности принадлежитъ немногимъ крупнымъ собственникамъ, во Франціи—по преимуществу среднему сословію, а масса гражданъ исключена отъ пользованія поземельною собственностью. Въ Россіи даже во времена крѣпостного права во всемъ русскомъ народѣ жило сознаніе крестьянъ о правѣ на землю, на которой они жили и которую они воздѣлывали; по словамъ Гакстгаузена: „мы,—говорили крестьяне,—принадлежимъ барину, а земля—намъ“. Реформа 1861 года была громогласнымъ и, можно сказать, единственнымъ примѣромъ въ исторіи признанія этого права гражданина на обладаніе землею, въ силу самаго рожденія, въ силу самаго права на существованіе, въ силу права на трудъ. Правда, этотъ принципъ не проведенъ въ русскомъ законодательствѣ вполнѣ: многія лица—дворовые, разночинцы, многіе изъ мѣщанъ, лишены признанія за ними права на поземельный надѣлъ. Но эта непослѣдовательность законодательства, какъ всякое исключеніе не нарушаетъ общаго правила; для этого достаточно сравнить число безземельныхъ гражданъ въ Россіи съ общимъ чис-

ломъ крестьянъ - собственниковъ. Школа послѣдователей западно - европейскихъ буржазныхъ либераловъ и школа такъ называемыхъ русскихъ неомарксистовъ, осуждая современный укладъ соціальныхъ отношеній въ Россіи, въ частности нападая на русскую общину, видя въ ней архаизмъ, подавленіе индивидуальной свободы личности, тормозъ экономическаго прогресса и т. д., говорятъ объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ бы общинное землевладѣніе въ Россіи есть исключительная и господствующая форма экономическихъ отношеній. Такой взглядъ неправиленъ и противорѣчитъ тысячелѣтней исторіи общины въ Россіи: русская община не подавила индивидуализма и личной свободы въ силу того, что она не дѣлала общности имуществъ принципомъ исключительнымъ и безусловно обязательнымъ,—на ряду съ общимъ правомъ собственности, въ продолженіе всей русской исторіи, среди крестьянъ существовало и индивидуальное право собственности. Каждому крестьянину предоставлялось право пріобрѣтать движимое имущество и на ряду съ обладаніемъ долею общиннаго имущества пріобрѣтать землю въ индивидуальную собственность разными путями—покупкою у крупныхъ землевладѣльцевъ, заимкою или расчисткою лѣсовъ. Хотя это послѣднее право стѣснено въ настоящее время закономъ, но государство до послѣдняго времени въ принципѣ не отказывается отъ своего коренного начала—надѣлять переселенцевъ земельными участками изъ казенныхъ земель. Въ такомъ міровоззрѣніи народа, хотя не вполнѣ, но только отчасти проявляющемся и въ русскомъ законодательствѣ, сказывается широта воззрѣній русскаго народа на правовыя отношенія: общество даетъ, съ одной стороны, каждому своему члену возможность трудиться и снискивать себѣ средства существованія, а, съ другой стороны, лица, по своей предпріимчивости и способностямъ, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ, могли находить выходъ и приложеніе своимъ силамъ въ пріобрѣтеніи и расширеніи личной собственности. Въ теченіе всей русской исторіи замѣчалось параллельное существованіе двухъ формъ владѣнія: древнія и новыя русскія общины по идеѣ своей далеки отъ коммунистическаго принципа, проникнутаго началами принудительности и придавленія человѣческой личности и ея свободы. Но разъ за-

конодательство русское признало въ принципѣ право каждаго обывателя на земельный надѣлъ, изъ этого начала вытекаетъ логически и неизбѣжно и общинное владѣніе извѣстной части земельной территоріи и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ; иначе послѣдуетъ обезземеленіе и концентрація поземельнаго владѣнія въ немногихъ рукахъ, развитіе пролетаріата и пауперизма. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы мы защищали форму общиннаго владѣнія въ Россіи въ ея существующемъ видѣ: круговая порука и возможность произвольныхъ общинныхъ передѣловъ, это—такія стороны общиннаго землевладѣнія, которыхъ мы вовсе не защищаемъ и не оспариваемъ ихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для экономическаго благосостоянія страны. Относительно передѣловъ самая дурная сторона—это неопредѣленность, необезпеченность обладанія извѣстнымъ индивидуальнымъ поземельнымъ участкомъ, въ который хозяинъ вкладывалъ свой трудъ и капиталъ. Впрочемъ, доказано, что передѣлы совершаются не часто, а чрезъ нѣсколько сѣвооборотовъ, въ теченіе которыхъ трудъ и капиталъ общинника, вложенные въ землю, могутъ быть возвращены, что общины чаще передѣляютъ землю неудобряемую, нежели унавоживаемую, что передѣлы примѣняются съ особою осторожностью къ приусадебнымъ землямъ, на которыя положено наиболѣе труда, что, наконецъ, хозяева, интересы которыхъ страдаютъ вслѣдствіе передѣловъ, получаютъ вознагражденіе въ денежной и натуральной формѣ. Такіе обычаи установились, какъ доказываютъ защитники общиннаго владѣнія, среди крестьянъ и примѣняются въ формѣ сельскихъ приговоровъ; по закону же 1893 г., сроки мірскихъ передѣловъ ограничены 12 годами. Но, чтобы гарантировать отдѣльнаго хозяина отъ произвола мірского схода, мы думаемъ, что вмѣстѣ съ отмѣною круговой поруки, несомнѣнно, слѣдуетъ произвести реформу крестьянскаго законодательства и на ряду съ допущеніемъ урѣзки надѣла въ виду уравнительности надѣловъ признать за отдѣльнымъ домохозяиномъ право оставленія за собою минимума надѣла на вѣчное время, а за отошедшую вслѣдствіе урѣзки надѣла землю, въ которую вложены особый трудъ и капиталъ, требовать вознагражденія. Уничтоженіе же въ корнѣ общиннаго владѣнія было бы отказомъ отъ тысяче-

лѣтнихъ коренныхъ началъ русской исторіи и отъ историческoй миссіи Россіи—обезпечить и дать сносное существованіе отдѣльному члену общества, а не обездоливать его и не бросать на произволъ судьбы.

Съ другой стороны, мы убѣждены, что коммунистическій принципъ общности имуществъ совершенно чуждъ какъ природѣ человѣка вообще, такъ и всѣмъ свойствамъ русскаго человѣка. Многіе изъ противниковъ реформъ 1861 года, къ счастью, сильно уже вымершіе и порѣдѣвшіе, указывали на ту сторону этого законодательнаго акта, что она пошатнула въ сознаніи народа святость историческихъ и пріобрѣтенныхъ правъ и открыла дорогу къ аграрному соціализму. Исторія, однако, говоритъ иное; она говоритъ, что въ Великороссіи до Петра I земли были обработываемы крестьянами съ платежомъ землевладѣльцу, въ силу обычнаго права, а отчасти закона [1]), опредѣленнаго оброка или повинности, а въ Малороссіи были обработываемы на правахъ полной собственности, и что только законодательства Бирона и послѣдующія нарушили это историческое право крестьянъ. Такимъ образомъ законодательный актъ 1861 г. былъ признаніемъ за гражданами ихъ естественныхъ и историческихъ правъ.

Вслѣдъ за реформой 1861 года послѣдовала земская реформа 1864 года, которая была естественнымъ развитіемъ и дополненіемъ крестьянской. При введеніи земской реформы отношеніе крестьянскихъ земель къ владѣльцамъ другихъ сословій представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ коренной Россіи, гдѣ введены земскія учрежденія, а именно въ 30 губерніяхъ, по даннымъ 1872 года, считалось земли, принадлежащей крестьянамъ помѣщичьимъ и государственнымъ 70.285 тысячъ десятинъ, а земли, принадлежащей помѣщикамъ, вмѣстѣ съ казною и удѣлами, 73.157 тысячъ десятинъ. Эти цифры относятся къ землѣ удобной, обложенной земскимъ сборомъ [2]). Такимъ образомъ въ тѣхъ губеніяхъ, гдѣ введено земское положеніе, крестьянскія владѣнія и по количеству земли и по ея цѣнности и доходности составляютъ часть, равную владѣніямъ другихъ сословій. Впрочемъ, если мы

[1]) Бѣляевъ. „Крестьяне на Руси", стр. 96—107.

[2]) Князь А. Васильчиковъ. „Землевладѣніе и земледѣліе", гл. IX, стр. 489—497.

примемъ во вниманіе всѣ окраины Европейской Россіи,—тѣ губерніи, гдѣ не введены земскія учрежденія, то это отношеніе значительно измѣняется въ пользу крестьянскаго и вообще мелкаго землевладѣнія. По другимъ даннымъ 1872 года, считалось во всей Европейской Россіи:

Земель помѣщичьихъ, оставшихся за надѣломъ . .	63.734 д.
Удѣльныхъ	5.500 „
Прочихъ владѣльцевъ и городовъ (1.700 д.) . . .	24.654 „
Земель крестьянскихъ всѣхъ наименованій . . .	146.000 „
Кромѣ того, земель казацкихъ	40 000 „
Колонистовъ	2.000 „

Такимъ образомъ количество десятинъ мелкаго землевладѣнія значительно превышаетъ количество десятинъ крупнаго и средняго землевладѣнія. Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду губерніи коренной и центральной Россіи, гдѣ были введены земскія учрежденія 1864 года, то надо признать, что отношенія крестьянскаго землевладѣнія къ крупному и среднему почти одинаковы. Сообразно съ этимъ въ земскомъ положеніи 1864 года представительство интересовъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ было распредѣлено такимъ образомъ, что представители отъ крупнаго землевладѣнія почти равнялись числу представителей отъ крестьянскаго и городского землевладѣнія. Правда, число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ (крупныхъ и мелкихъ, но не крестьянъ) большею частью приближалось къ числу гласныхъ отъ крестьянъ и городскихъ обывателей, но, принимая во вниманіе, что число гласныхъ отъ городскихъ обывателей было незначительно въ сравненіи съ числомъ гласныхъ отъ крестьянъ, надо признать, что, по земскому положенію 1864 года, земское представительство болѣе или менѣе выражало собою представительство всей земли, т. е. недвижимаго имущества совокупно съ его принадлежностью—движимымъ имуществомъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ дореформенной Россіи главная имущественная цѣнность лицъ заключалась въ поземельныхъ владѣніяхъ, что капиталы торговые и промышленные тогда еще не получили такого развитія и роста, какъ въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, земское положеніе 1864 года при распредѣленіи земскаго предста-

вительства удѣляетъ мѣсто и представительству городскихъ обывателей. (Такъ, были допущены особые представители отъ столицъ непосредственно въ губернскія земскія собранія; въ уѣздныя же земскія собранія могли быть избираемы лица, владѣющія фабриками и другими промышленными и торговыми заведеніями, годовой оборотъ производства которыхъ былъ не менѣе 6.000 рублей (ст. 16 и 28 зем. полож. 1869 г.)

По положенію 1864 года, существовали три рода избирателей, составляющихъ три избирательныхъ съѣзда въ каждомъ уѣздѣ. Въ первомъ избирательномъ съѣздѣ участвовали въ качествѣ непосредственныхъ избирателей „лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности опредѣленнымъ пространствомъ земли (въ среднемъ отъ 200 до 300 десятинъ) или другимъ недвижимымъ имуществомъ не ниже 15.000 руб., а также владѣющіе въ уѣздѣ промышленнымъ или хозяйственнымъ заведеніемъ не ниже той же капитальной цѣнности или имѣющимъ годовой оборотъ производства не менѣе 6.000 рублей (ст. 23 зем. полож.). Съ этимъ же цензомъ допускались въ первый избирательный съѣздъ представители акціонерныхъ обществъ, компаній, товариществъ въ уѣздахъ. Въ этомъ же съѣздѣ участвовали уполномоченные отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, а также отъ разныхъ учрежденій, обществъ, компаній и товариществъ, владѣвшіе пространствомъ земли не менѣе одной двадцатой части положеннаго размѣра.

Означенные уполномоченные отъ землевладѣльцевъ, учрежденій, обществъ, компаній, товариществъ, а также уполномоченные отъ священнослужителей, избирались на особыхъ предварительныхъ съѣздахъ по такому расчету, чтобы на одного уполномоченнаго приходилось пространство земли, равное полному цензу (ст. 24 и 25). На ряду съ собственниками въ избирательныхъ съѣздахъ имѣли право участія и лица, арендующія землю по законнымъ контрактамъ на извѣстные сроки; а также было предоставлено право участія въ избирательныхъ съѣздахъ тѣмъ крестьянамъ, которые пріобрѣли въ собственность, внѣ предѣловъ крестьянскаго надѣла, участки земли въ указанныхъ выше размѣрахъ. Въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ участвовали лица,

имѣвшія купеческія свидѣтельства, владѣльцы находящихся на городской землѣ фабрикъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ помѣщеній, годовой оборотъ производства которыхъ не менѣе 6 тысячъ рублей, и лица, владѣвшія въ городахъ недвижимою собственностью въ опредѣленномъ размѣрѣ отъ 500 руб. до 3.000 руб. для разныхъ городовъ. Съѣзды для избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ образовывались изъ выборщиковъ, назначаемыхъ волостными сходами изъ своей среды; эти съѣзды раздѣлялись по мировымъ участкамъ, а въ случаѣ неудобства такого раздѣленія—по станамъ. Каждый изъ сихъ съѣздовъ, составленныхъ изъ выборщиковъ отъ волостныхъ сходовъ, избирался сообща, безъ различія вѣдомствъ, всѣхъ гласныхъ, причитающихся на участокъ. Такимъ образомъ, по земскому положенію 1864 года, земство было представительствомъ всѣхъ сословій на основаніи и соотвѣтственно ихъ имущественному положенію. Вслѣдъ за земскимъ положеніемъ 1864 года введено было городовое положеніе 1870 года. Въ городскія думы выборы производились по слѣдующей системѣ: избирателями считались всѣ плательщики городскихъ налоговъ—налоговъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, гильдейскихъ, промысловыхъ, билетовъ за право торговли, патентовъ. Сумма всѣхъ городскихъ налоговъ раздѣлялась на три части, соотвѣтственно которымъ избиратели дѣлились на три разряда; въ первый разрядъ входили плательщики самыхъ высокихъ городскихъ сборовъ, во второй разрядъ—плательщики менѣе высокихъ сборовъ сравнительно съ первымъ разрядомъ и болѣе высокихъ сборовъ сравнительно съ третьимъ разрядомъ и въ третій разрядъ входили остальные плательщики городскихъ налоговъ. Избиратели призывались по разрядамъ; первый разрядъ выбиралъ одну треть гласныхъ, второй другую треть и, наконецъ, третій разрядъ остальную треть гласныхъ. Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ при уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ были уѣздныя земскія управы, а при думахъ городскія управы. Въ губернскія земскія собранія гласные избирались уѣздными земскими собраніями изъ числа уѣздныхъ гласныхъ; исполнительнымъ органомъ губернскихъ земскихъ собраній были губернскія земскія управы.

Въ такомъ видѣ созданы были земскія учрежденія: можно было надѣяться, что земское представительство будетъ точнымъ выраженіемъ имущественнаго положенія всѣхъ классовъ и сословій въ Россіи, что крестьяне, гарантированные болѣе или менѣе сноснымъ поземельнымъ надѣломъ, обезпечивающимъ имъ въ большинствѣ случаевъ минимумъ средствъ существованія, при наличности заработковъ отъ обработывающей промышленности, будутъ экономически, нравственно и умственно развиваться и пополнять ряды земскихъ представительствъ защитниками и выразителями ихъ собственныхъ интересовъ. Однако, этого не случилось: земскія учрежденія искренно и усердно принялись за предстоящія имъ задачи, въ томъ числѣ за распространеніе среди крестьянъ образованія. Открывались земскія школы, но, нужно сознаться — при всемъ нашемъ сочувствіи къ дѣлу народнаго образованія,—что реальнаго результата въ дѣлѣ поднятія общагό и экономическаго благосостоянія крестьянъ не замѣчалось. Образовался особый типъ среди крестьянской среды, типъ грамотеевъ: волостныхъ писарей, сельскихъ барышниковъ, грамотныхъ кулаковъ, которые, эксплуатируя своихъ собратовъ-крестьянъ, пробивались въ гласные, иногда подъ эгидою крупныхъ собственниковъ и вообще состоятельныхъ людей; фактически же крестьяне оставались безъ истинныхъ представителей своихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что параллельно попыткамъ многихъ благородныхъ интеллигентныхъ земскихъ дѣятелей къ поднятію умственнаго и экономическаго благосостоянія въ 60, 70 и 80 годахъ въ общемъ замѣчался въ Россіи экономическій застой и иногда экономическій регрессъ даже сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ. Конечно, причина этого регресса лежала не въ отмѣнѣ крѣпостного права, не въ созданіи земскихъ учрежденій, а въ той экономической эволюціи, совершившейся за это время въ экономической жизни страны, которая лишала крестьянъ даже удовлетворенія ихъ естественныхъ потребностей, а тѣмъ болѣе отнимала у нихъ возможность здоровой общественной жизни вообще и въ частности въ сферѣ земской дѣятельности.

На основаніи положенія 1864 года и послѣдующихъ дополненій, только нѣкоторые изъ крестьянъ, но преимуществен-

но изъ государственныхъ, были надѣлены такимъ надѣломъ, который обезпечивалъ ихъ бытъ и благосостояніе изъ занятій земледѣльческими промыслами. Большинство же земельныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ, крестьянъ получило надѣлы недостаточные для обезпеченія ихъ быта отъ занятій сельскохозяйственныхъ промысловъ [1]), а между тѣмъ подспорные промыслы въ обработывающей промышленности начали, съ развитіемъ крупной промышленности, исчезать и въ большинствѣ случаевъ исчезли окончательно. Причины этого упадка благосостоянія крестьянъ достаточно изслѣдованы въ русской литературѣ. Какъ извѣстно, въ до-реформенную эпоху крестьяне сами обработывали хлѣбъ и приготовляли себѣ издѣлія для одежды, обувь, посуду, орудія и т. п. такъ называемымъ кустарнымъ способомъ. Кустарный способъ вслѣдствіе слабаго раздѣленія труда и обмѣна, отсутствія машинъ и усовершенствованныхъ инструментовъ, былъ малопроизводителенъ, доставлялъ издѣлія невысокаго сорта и въ небольшомъ количествѣ, но при наличности ихъ сохраненія обезпечивалъ крестьянское благосостояніе, а при развитіи этихъ промысловъ и могъ бы, казалось, подлежать прогрессу. Казалось бы также, что разъ обработывающая промышленность перешла изъ избъ на фабрики и заводы, когда издѣлій при затратѣ даннаго количества труда сравнительно съ кустарными промыслами получается гораздо больше и лучшаго качества, издѣлія эти должны были получаться въ большемъ количествѣ и стать дешевле. Если бы было такъ, тогда рабочій классъ, пріобрѣтая фабричные и заводскіе продукты по болѣе дешевой цѣнѣ, освобождая часть своихъ покупныхъ средствъ, предъявилъ бы спросъ на новые фабрикаты, удовлетворяя другимъ своимъ потребностямъ; это должно было бы вызвать развитіе новыхъ отраслей промышленности, дать новые заработки рабочему классу, при которыхъ онъ предъявилъ бы опять спросъ на новыя потребности, что вызвало бы новую производительность, и т. д. Фабрики и заводы должны были бы расти, число занятыхъ въ нихъ рабочихъ увеличиваться и рабочая плата какъ въ обработываю-

---

[1]) Ю. Янсонъ. „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. С.-Петербургъ, 1882 г.

щей повинности, такъ и въ земледѣльческой—подниматься. Словомъ, мы могли бы расчитывать на поднятіе общаго экономическаго благосостоянія, за которымъ бы, несомнѣнно, послѣдовало и поднятіе умственнаго развитія крестьянъ, а это дало бы, несомнѣнно, контингентъ добрыхъ земскихъ дѣятелей и въ этомъ классѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ данныя, что число рабочихъ на фабрикахъ, на заводахъ и горныхъ промыслахъ слабо увеличивалось и до послѣдняго времени не достигало и 2.000.000, а заработки фабричныхъ рабочихъ скудны, тогда какъ масса крестьянъ-рабочихъ не находитъ заработковъ.

Въ Россіи повторился общій законъ, по которому крупная промышленность убиваетъ мелкую: нашей крупной промышленности не приходилось бороться съ иностранною конкуренціею; съ этой стороны она была обезпечена и защищена покровительственными пошлинами. Но, кромѣ того, ей пришлось бороться съ мелкими независимыми промыслами кустарей. Завязалась неравная борьба, въ которой кустарное производство въ большинствѣ отраслей погибло и главнымъ образомъ въ областяхъ обработки волокнистыхъ веществъ. Со вступленіемъ Россіи въ новый фазисъ экономическаго развитія, все то гигантское развитіе техники, котораго съ такимъ трудомъ достигла Западная Европа, нашимъ фабрикантамъ досталось даромъ. Умѣлые рабочіе также находились налицо изъ среды тѣхъ же кустарей, давно уже занимавшихся въ Россіи пряденьемъ и ткачествомъ на ручныхъ станкахъ. Приходилось только воспользоваться наличными благопріятными условіями для развитія новѣйшей организаціи фабричнаго дѣла, а именно механическаго пряденія и ткачества. Капитализмъ этимъ условіемъ и воспользовался: въ мѣстностяхъ, гдѣ заводились прядильныя и ткацкія фабрики, постепенно исчезали кустарные промыслы. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе важное обстоятельство: въ до-реформенной Россіи сырьемъ для обработывающей промышленности служили пенька и ленъ; въ по-реформенное время начала развиваться обработка чужеземнаго сырья—хлопка, производство же льна и пеньки пришло въ совершенный упадокъ, что крайне невыгодно отразилось на сельскомъ хозяйствѣ.

Капитализація охватывала въ Россіи все большее и большее число промысловъ, не говоря уже объ обработкѣ волокнистыхъ веществъ; а вмѣстѣ съ капитализаціей явилось освобожденіе рабочихъ силъ, освобожденіе труда во всѣхъ его отрасляхъ, увеличеніе количества рабочаго времени, совершенно незанятаго и пропадающаго даромъ для крестьянъ. При постепенномъ ростѣ населенія, при невозможности заниматься внѣземледѣльческими промыслами, единственнымъ средствомъ явилось одно земледѣліе, самою обыкновенною формою хозяйственнаго занятія стало арендованіе участковъ земель у помѣщиковъ: арендныя цѣны возросли сильно и параллельно этому поднималась цѣнность земли вмѣстѣ съ задолженностью помѣщичьихъ хозяйствъ. Крестьянамъ же для того, чтобы существовать, приходилось расширять пашни на счетъ выгоновъ и луговъ, уменьшать количество скота, хищнически истощать почву. Но земля не можетъ при такихъ условіяхъ прокормить всѣхъ, а другія насущныя потребности требовали денегъ; для добыванія ихъ одни, не разрывая связи съ землей, но проводя въ праздности большую часть зимняго времени, находятъ кое-какія случайныя занятія, другіе, бросая деревню навсегда, идутъ въ города, переполняютъ рабочіе рынки, страдая отъ нужды и безработицы. Въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи мы не пишемъ политико-экономическаго трактата о народномъ хозяйствѣ въ Россіи, такъ какъ по этому вопросу имѣются уже многія изслѣдованія [1]), не изслѣдуемъ причинъ упадка народнаго благосостоянія въ Россіи, а касаемся этихъ вопросовъ постольку, поскольку они необходимы намъ для уясненія основъ и исторіи земскаго дѣла въ Россіи.

Для насъ важно, насколько на составѣ земскаго представительства отразилось это экомическое теченіе жизни, насколько оно повліяло на составъ уѣздныхъ земскихъ собраній и даже иногда на составъ губернскихъ собраній. Въ этомъ составѣ были и гласные изъ крестьянъ, но представителями интересовъ крестьянъ этихъ гласныхъ назвать нельзя. Настоящіе крестьяне, т.-е. люди, существующіе отъ земледѣлія

---

[1]) См. нашу книгу „Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства". Москва, 1897 г.

и рабочаго кустарнаго промысла, были угнетены матеріально, и вслѣдствіе этого не могли воспользоваться и тѣми немногими средствами просвѣщенія, которыя доставляла земская школа. Въ теоріи крестьянинъ всегда понималъ, что „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“, но на практикѣ при всемъ желаніи не могъ примѣнить этой мудрой поговорки и избѣгалъ школы, иногда вслѣдствіе неимѣнія у дѣтей теплой обуви и одежды въ зимнее время, иногда вслѣдствіе того, что трудъ ребятишекъ представлялся важнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, особенно въ лѣтнее время. Взрослые же крестьяне оставались во тьмѣ и, занятые своими безконечными тяжбами и спорами по разверстанію и отграниченію своихъ земельныхъ надѣловъ, имѣли своими руководителями и представителями своихъ общинныхъ интересовъ въ лицѣ ходаковъ и сельскихъ повѣренныхъ, иногда искренно преданныхъ интересамъ своего общества, но темныхъ и безграмотныхъ, какъ и сами ихъ довѣрители. Подрастающее поколѣніе получало мало образованія въ земскихъ школахъ вслѣдствіе ограниченности школьныхъ средствъ: по общепринятому правилу школы большею частью открывались въ селахъ и деревняхъ по желанію и почину самого крестьянскаго общества, а земство приходило обществамъ на помощь въ видѣ субсидій; крестьянскія же общества, вслѣдствіе угнетенности и скудости матеріальныхъ средствъ, избѣгали открытія школъ. Кромѣ того, при угнетенности крестьянства, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ школы были открыты, онѣ, вслѣдствіе отсутствія библіотекъ и всѣхъ средствъ примѣненія образованія къ жизни, были безплодною мѣрою; нерѣдко были случаи рецидивизма безграмотности.

Въ общемъ крестьянинъ сторонился отъ участія въ земскомъ представительствѣ, не понимая его пользы и значенія и самое главное—по неимѣнію средствъ участвовать активно въ земской общественной жизни. Какъ мы говорили, по земскому положенію 1864 года, учреждены были съѣзды для избранія уѣздныхъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ изъ выборщиковъ, назначаемыхъ волостными сходами изъ своей среды. Намъ приходилось наблюдать картины съѣздовъ этихъ выборщиковъ-крестьянъ, которыхъ собиралось огромное количество по приказанію волостного и полицейскаго началь-

ства, исполненіе котораго русскій крестьянинъ считаетъ для себя всегда обязательнымъ. Часто за цѣлые десятки верстъ бредутъ эти убогіе крестьяне въ мѣстожительство мирового судьи или станового пристава, само собою пѣшкомъ, такъ какъ крестьянинъ считалъ непозволительною роскошью употреблять лошадь на безполезную для его крестьянскаго хозяйства цѣль. Иногда эти выборщики оставались безъ дѣла отъ ранняго утра до поздняго вечера, сплошь и рядомъ проголодавшіеся; предъ этою толпою выступаютъ депутаты съ предложеніями быть избранными въ гласные. Какъ мы сказали, по положенію 1864 года, крестьяне избирали своихъ гласныхъ сообща, безъ различія сословій; кандидатами же въ гласные отъ крестьянъ обыкновенно выступали разночинцы, кулаки, подрядчики, мѣстные торговцы, которые въ своемъ желаніи попасть въ гласные руководились низменными интересами — получить, напримѣръ, подрядъ на содержаніе земской почты, на сооруженіе земскихъ мостовъ и плотинъ, или изъ желанія получить мѣсто въ земской управѣ секретаря или агента по страхованію и т. п. Мы не встрѣчали случаевъ прямого подкупа крестьянъ со стороны подобныхъ депутатовъ въ гласные, но случаи дарового угощенія хлѣбомъ и водкою были сплошь и рядомъ. Иногда депутаты, вынимая кредитные билеты, указывали на близлежащее питейное заведеніе, приглашали жестомъ прекратить томленіе самихъ себя и ихъ, депутатовъ, и поскорѣе оканчивать выборы. Повторялась ветхозавѣтная исторія объ Исавѣ, продавшемъ свое первенство брату Іакову за чечевичную похлебку. Иногда крестьяне избирали въ гласные по рекомендаціи и негласному указанію вліятельнаго дворянина — крупнаго землевладѣльца, занимавшаго высокій постъ въ земскомъ самоуправленіи,—иногда волостныхъ старшинъ и писарей. Контингентъ гласныхъ изъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ состоялъ, въ большинствѣ изъ разночинцевъ и барышниковъ, хотя въ общемъ большинство гласныхъ состояло изъ дворянъ. Среди гласныхъ на первыхъ же порахъ дѣятельности земскихъ учрежденій обнаружились два теченія: теченіе крѣпостниковъ, которые были недовольны настоящимъ, жалѣли о прошедшемъ и мечтали, какъ бы поправить въ будущемъ свое дѣло съ помощью экономическаго закабаленія крестьянъ

и ихъ эксплуатаціи. Но къ чести дворянъ-землевладѣльцевъ нужно сказать, что подобное теченіе было далеко не господствующимъ,—было и другое теченіе: многіе земскіе дѣятели изъ высшаго сословія начали сознавать законъ безусловной солидарности крупнаго и мелкаго землевладѣнія, сознавать, поднятіе экономическаго благосостоянія крестьянъ, помимо своей нравственной стороны, не только выгодно, но и необходимо для общаго поднятія экономическаго благосостоянія, а въ томъ числѣ и для самихъ дворянъ. Земскія учрежденія сознали цѣлесообразность и полезность закона, возлагающаго на земства обязанность попеченія о развитіи мѣстной торговли и промышленности (ст. 2 п. 6 зем. пол. 1864 года). Стали раздаваться на земскихъ собраніяхъ голоса и предлагаться мѣры къ поднятію экономическаго благосостоянія края вообще и въ частности крестьянъ. Земства начали поддерживать и спасать упадающіе кустарные промыслы, доказывая, что крупная промышленность не въ состояніи вытѣснить мелкой домашней, что и на сторонѣ послѣдней имѣются свои особыя преимущества. Съ этою цѣлью земства уже въ 80 годахъ стали поощрять развитіе кустарной промышленности посредствомъ кредита, субсидіи, обученія мастеровъ, учрежденія кустарныхъ музеевъ и выставокъ. Извѣстна также дѣятельность земствъ по распространенію среди населенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, удобрительныхъ туковъ и улучшенныхъ породъ скота, по устройству земскихъ мастерскихъ для изготовленія сельскохозяйственныхъ орудій, по пріобрѣтенію на земскій счетъ, минуя оптовыхъ торговцевъ и мелкихъ барышниковъ, предметовъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наконецъ, извѣстны работы по организаціи народныхъ кредитовъ на покупку скота и подъ залогъ хлѣба и вообще объ организаціи кредита сельскому населенію (сумской сельскохозяйственный банкъ).

Въ то время, пока земства дѣлали посильно и медленно свое дѣло, произошло важное событіе: изданіе земскаго положенія 1890 года. Отличительною и характерною чертою земскаго положенія 1890 года является возвращеніе отъ всесословнаго земскаго начала 1864 года къ началамъ сословнымъ и преобладаніе дворянскаго элемента въ составѣ земскихъ гласныхъ. По новому положенію образованы два рода

земскихъ избирателей: 1) отъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ; 2) отъ разночинцевъ, купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ; эти избиратели составляютъ два избирательныхъ собранія. По положенію 1890 года, крестьяне избираютъ своихъ гласныхъ отъ крестьянъ, независимо отъ другихъ сословій, и избраніе лицъ изъ другихъ сословій не допускается. Гласные отъ сельскихъ обществъ избираются волостными сходами: каждый сходъ избираетъ одного или двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ губернаторы утверждаютъ въ званіи гласнаго одно лицо, а остальные избранные кандидаты заступаютъ утвержденныхъ въ случаѣ выбытія послѣднихъ до окончанія трехлѣтней службы (ст. 31); въ земскихъ выборахъ по второму избирательному собранію также не участвуютъ крестьяне, принадлежащіе къ составу сельскаго общества уѣзда (ст. 26), т.-е. крестьяне, имѣющіе свои собственные участки. По новому положенію, земельный цензъ по количеству десятинъ нѣсколько пониженъ сравнительно съ положеніемъ 1864 года, цензъ для другого недвижимаго имущества остался прежній: въ 15.000 р., а цензъ по количеству торговыхъ оборотовъ вовсе исключенъ. Цензъ для мелкихъ землевладѣльцевъ и собственниковъ другого недвижимаго имущества, участвующихъ въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ не лично, а чрезъ уполномоченныхъ, повышенъ съ одной двадцатой части полнаго ценза, какъ было по положенію 1864 года, до одной десятой. Цензъ по купеческому свидѣтельству, по годовому торговому обороту, какъ это было по положенію 1864 года, по положенію 1890 года игнорируется, т.-е. замѣтно стремленіе парализовать въ земскихъ собраніяхъ участіе мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, къ сожалѣнію, на дѣлѣ оказавшихся въ этихъ собраніяхъ элементомъ мало симпатичнымъ. Число гласныхъ отъ дворянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, по закону 1890 года, опредѣлено всегда больше, чѣмъ число гласныхъ отъ другихъ сословій; такъ, напримѣръ, для Московской губерніи, для Подольскаго уѣзда, число гласныхъ отъ дворянъ опредѣлено 18, а отъ другихъ сословій 13; по Коломенскому и Серпуховскому уѣздамъ число гласныхъ отъ дворянъ 20, а отъ другихъ сословій 15. Такая пропорція соблюдена относительно всѣхъ губерній, въ которыхъ введены земскія

учрежденія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Вятской и Вологодской губерній, въ которыхъ вовсе нѣтъ дворянъ. Что касается сферы дѣятельности земскихъ учрежденій, то таковая по новому положенію не была сужена, а даже выражена болѣе опредѣлительно, ибо къ компетенціи земскихъ учрежденій отнесено „воспособленіе зависящими отъ земства средствами мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширена власть губернаторовъ и состоящихъ при нихъ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, члены которыхъ состоятъ въ большинствѣ изъ лицъ, назначенныхъ отъ короны; расширено право протестовъ губернаторовъ противъ постановленій земскихъ собраній, право отмѣны и видоизмѣненія ихъ, право контроля и ревизіи должностныхъ лицъ, избираемыхъ земскими собраніями. Вслѣдъ за закономъ 1890 года послѣдовалъ новый законъ о городскомъ самоуправленіи и 11 іюня 1892 года издано было новое городовое положеніе. По этому положенію значительно было сужено право участія въ выборахъ гласныхъ въ городскую думу лицъ, не обладающихъ достаточнымъ цензомъ.

Такимъ образомъ законодательство о земскихъ учрежденіяхъ въ 1890 году возвратилось къ сословному началу и дало преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ высшему, дворянскому, сословію. Чтобы понять и уяснить себѣ значеніе сословнаго элемента въ исторіи земщины на Руси, мы должны отвлечься нѣсколько въ сторону и бросить ретроспективный взглядъ на всю русскую исторію и на отношенія земскаго къ сословному началу. Древняя до-московская Русь не знала сословій; въ ней не было юридически организованныхъ состояній, съ различными правами и обязанностями. „Въ княжескую эпоху,—говоритъ Сергѣевичъ [1],—все населеніе представляетъ разнообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами. Различіе по занятіямъ существуетъ; но отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлею и промыслами. Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше,

[1]) Сергѣевичъ. „Вѣче и Князь“. А. Градовскій. „Начала русскаго государственнаго права“. Т. I, стр. 210—284.

чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлился, какъ человѣкъ лучшій; кто остался позади всѣхъ, характеризуется эпитетомъ меньшого человѣка. Такимъ образомъ возникла цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того же рода людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимался на слѣдующую ступень и наоборотъ". Правда, въ Россіи еще въ древнюю эпоху былъ классъ холоповъ, впрочемъ, очень немногочисленный, и классъ „закуповъ", но эти несвободныя независимыя состоянія были институтомъ частнаго, а не государственнаго права. Исторія образованія нашихъ сословій тѣсно связана съ исторіею закрѣпощенія народа, которое началось въ московскомъ государствѣ. Московскіе князья для достиженія цѣлей сверженія татарскаго ига и объединенія Руси, для достиженія естественныхъ границъ государства нуждались въ безсмѣнной службѣ бояръ и въ исправномъ отбываніи плательщиками податей и повинностей. Великіе князья, а потомъ цари, на содержаніе служилыхъ людей отдавали извѣстную часть земель, такъ называемыя помѣстья: тогда образовалась обязанность служить съ помѣстья, которая впослѣдствіи перешла въ обязанность служить со всякаго недвижимаго имущества. Такъ постепенно организовалось служебное сословіе, которое несло служебное тягло. Этому сословію были противоположны другія сословія, несшія другія тягла, т.-е. подати и повинности съ земли, торговъ и промысловъ. Это, во-первыхъ, черные дворы, сотни или черныя сохи, которые отбывали повинности государству, при чемъ правительство заботилось о томъ, чтобы эти земли и дворы не пустѣли, и чтобы на каждомъ участкѣ былъ свой плательщикъ. Городскіе обыватели несли повинности съ тяглыхъ городскихъ дворовъ и съ торговыхъ промысловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство должно было принять мѣры къ тому, чтобы, какъ мы сказали, владѣльческія помѣстья не пустѣли: иначе помѣщику не съ чего будетъ служить службу, а государству брать налоги, такъ что рядомъ съ установленіемъ государственнаго крѣпостного права устанавливалось крѣпостное право частное; но это послѣднее вплоть до XVIII вѣка не имѣло характера прикрѣпленія къ личности владѣльца и потери личной гражданской

свободы по отношенію крестьянъ къ владѣльцу, а скорѣе имѣло характеръ прикрѣпленія ихъ къ землѣ, къ извѣстной территоріи. Въ XVIII вѣкѣ начинается процессъ закрѣпощенія крестьянъ къ личности владѣльца, потеря личной свободы крестьянъ,—словомъ, его рабство. Этотъ переворотъ былъ произведенъ указами Петра I о ревизіи и законодательствами Анны Іоанновны, Петра III и Екатерины II. Рѣшительное вліяніе на образованіе сословій въ Россіи имѣло законодательство Екатерины II; впрочемъ, въ дѣлѣ организаціи дворянскаго сословія императрица фактически была предупреждена Петромъ III, издавшимъ 18 февраля 1762 года жалованную грамоту дворянству, освобождавшую дворянъ отъ обязательной службы. Екатерина II смотрѣла на дворянское званіе, какъ на особое нарицаніе въ чести (un titre d'honneur), отличавшее простыхъ людей отъ тѣхъ, кои онымъ украшены. Поэтому императрица, по образцу западно-европейскихъ континентальныхъ понятій заботилась о созданіи особой дворянской корпораціи, надѣляя дворянъ особыми привилегіями. Но однѣ изъ этихъ привилегій имѣли характеръ признанія за дворяниномъ общихъ человѣческихъ правъ, напримѣръ, запрещеніе подвергать дворянина тѣлесному наказанію, другія изъ нихъ имѣли характеръ нарушенія общаго начала равенства всѣхъ подданныхъ предъ закономъ, напримѣръ, изъятіе отъ прямыхъ податей, отъ обязательной военной службы, каковыя привилегіи были отмѣнены всѣ до единой реформами Александра II. Точно такъ же если Петръ Великій думалъ поднять города чрезъ лучшую организацію торговаго сословія, заимствованную имъ изъ Западной Европы, то Екатерина II хотѣла провести самую идею западно-европейскаго средняго сословія, которое она отождествляла съ сословіемъ городскихъ обывателей. По ея мнѣнію, среднее сословіе или, какъ она называла его, средній родъ людей, есть классъ лицъ, выдвинувшихся изъ остальной массы разными достоинствами; основаніемъ средняго сословія должны быть „добронравіе и трудолюбіе, проявленныя въ занятіяхъ городскими промыслами“. Съ этою цѣлью императрица учредила разныя корпораціи и сословія, надѣляя ихъ титулами и привилегіями: сословія потомственныхъ почетныхъ гражданъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ, цеховыхъ, мѣщанъ. Но корпораціи эти

на практикѣ въ Россіи оказались мертво-рожденными дѣтищами и держались до тѣхъ поръ, пока держались неравномѣрныя сословныя льготы и привилегіи; а съ отмѣною ихъ реформами Александра II, онѣ превратились въ почетные звуки. Вообще надо признать, что съ отмѣною крѣпостного права и съ проведеніемъ принципа равенства всѣхъ предъ судомъ, налогами и повинностями, принятыми въ русскомъ законодательствѣ съ 1861 года, въ Россіи открывается мѣсто къ преобразованію сословій. Сословія, въ смыслѣ свободныхъ корпорацій, въ которыя могли бы вступать лица по заслугамъ, а не въ смыслѣ замкнутыхъ кастъ, опредѣляемыхъ рожденіемъ, могутъ и должны существовать въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть и расширено понятіе дворянства; страннымъ архаизмомъ звучитъ титулъ „личнаго дворянина“, пріобрѣтенный на коронной службѣ чиномъ девятаго класса и оставляемый за лицомъ, пока оно состоитъ на службѣ, и чиномъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника, даваемымъ при выходѣ въ отставку. Несомнѣнно, что если отождествлять понятіе дворянина съ отличіемъ благороднаго человѣка, руководствующагося въ своей дѣятельности мотивами общественной пользы, безкорыстнаго служенія отечеству, то къ этому классу слѣдовало бы причислить также отличившихся достоинствами въ наукѣ, искусствѣ и въ разныхъ родахъ общественной дѣятельности. Наше мнѣніе, что, какъ и прежде, такъ и долгое время въ будущемъ, а можетъ-быть и всегда, будетъ существовать естественное раздѣленіе людей на классы по занятіямъ; эти классы должны означаться не унизительными названіями „неблагородныхъ“, въ противоположность „благороднымъ“, а добрыми наименованіями изъ терминологіи древней, свободной Руси, „людей лучшихъ, среднихъ и молодшихъ“. Всегда будетъ существовать, вслѣдствіе естественнаго раздѣленія людей по занятіямъ на классы, стремленіе общественныхъ единицъ группироваться въ корпораціи, товарищества, рабочія братства, артели, какъ то было въ старой Руси. Дворянство, въ смыслѣ высшаго наименованія, по существу, пріобрѣтаемое достоинствами главнымъ образомъ моральнаго и общественнаго характера, было и будетъ высшимъ сословіемъ, но это не противорѣчитъ идеѣ участія въ земскомъ пред-

ставительствѣ дворянина наравнѣ съ другими земскими классами. Всякій благородный членъ высшей корпораціи, не потерявшій своего достоинства и имущественнаго положенія, вслѣдствіе пороковъ и расточительности, всегда буретъ обладать извѣстнымъ имущественнымъ положеніемъ, чтобы искать и занять мѣсто въ земскомъ представительствѣ, при охотѣ и желаніи потрудиться для общественнаго блага, а авторитетъ его въ земскихъ собраніяхъ будетъ создаваться его внутреннею силою. Задача же организаціи земскаго представительства та, чтобы распредѣлить общественныя силы такъ, чтобъ каждому дать возможность высказаться и послужить общему дѣлу, и голосъ того, кто достойнѣе, будетъ услышанъ, ибо „зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ и свѣтитъ всѣмъ“ (Матѳея V, 15).

Кто станетъ отрицать фактъ, что реформы 1861 и 1864 годовъ не дали тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нихъ ожидали? Крестьянская реформа поставила задачею создать для крестьянина минимумъ матеріальнаго земельнаго обезпеченія посредствомъ земельнаго надѣла, но при этомъ не найдено было тѣхъ условій, при которыхъ крестьянинъ могъ бы развиваться и прогрессировать матеріально и духовно. Основной принципъ земскихъ учрежденій 1864 года былъ тотъ, что земскія собранія должны „наиболѣе правильно и полно служить представителями всей мѣстности и ея интересовъ“. Въ объяснительной запискѣ къ проектамъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ вполнѣ опредѣленно говорится, что правильное и полное представительство въ земскихъ собраніяхъ возможно только при томъ условіи, когда число гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ будетъ довольно велико для того, чтобы учрежденія въ своемъ составѣ могли имѣть представителей всѣхъ существенныхъ интересовъ мѣстности, и чтобы въ немъ могло самостоятельно и правильно формироваться общественное мнѣніе. Эти начала двухъ законодательныхъ актовъ въ самыхъ своихъ основаніяхъ глубоки и широки, ими намѣчалось имѣющее совершиться общественное устроеніе земли. Русское законодательство не предоставляло на волю судебъ обездоленныхъ общественныхъ классовъ, какъ это было въ законодательствѣ Англіи, и не надѣляло званіемъ земскаго представителя лицъ,

лишенныхъ всякаго самостоятельнаго имущественнаго положенія, какъ это во Франціи. По идеѣ русское законодательство желало создать самостоятельное имущественное положеніе каждому гражданину и даровать ему представительство въ земствѣ. Медленно и мучительно двигается исторія вообще и исторія русскаго земства въ частности: русское земство шло, можно сказать, впотьмахъ, ощупью. Оно должно было идти ощупью при самыхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, при глухомъ противодѣйствіи со стороны нѣкоторыхъ элементовъ самимъ кореннымъ началамъ земской реформы, и, наконецъ, нашло путь, по нашему глубокому убѣжденію, къ поднятію общаго экономическаго благосостоянія. Земство и въ прежнемъ своемъ и въ измѣненномъ реформою 1890 года видѣ можетъ и должно надѣяться, что оно рано или поздно исполнитъ свою задачу—поднять экономическое благосостояніе крестьянъ, и тѣмъ самымъ дать имъ возможность быть истинными выразителями интересовъ ихъ среды, а въ будущемъ—повести общество къ дальнѣйшему матеріальному и духовному развитію. Но и самый вопросъ о правильной организаціи земскаго представительства есть вопросъ, заслуживающій большаго вниманія. Вопросъ этотъ возбужденъ между прочимъ циркуляромъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ отъ 9 іюля 1897 года за № 24—6683. Московская губернская земская управа въ докладѣ своемъ касается всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ Министерствомъ, въ томъ числѣ и устраненія недостатковъ земскаго представительства отъ крестьянъ. „Слѣдуетъ замѣтить,—говоритъ московская губернская управа,—что организація крестьянскаго представительства принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ сторонъ земскаго положенія 1890 года. Самый существенный недостатокъ заключается въ томъ, что число гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ отъ сельскихъ обществъ не соотвѣтствуетъ размѣрамъ и цѣнности крестьянскаго землевладѣнія. Въ Московской губерніи, напримѣръ, изъ 328 уѣздныхъ гласныхъ представители отъ сельскихъ обществъ составляютъ группу всего въ 106, т.-е. 28% общаго числа гласныхъ. Если принять во вниманіе, что каждый гласный отъ крестьянъ является представителемъ волости, то, слѣдовательно, изъ 166 волостей губерніи почти $1/3$, т.-е. 60 воло-

стей, остается совсѣмъ безъ крестьянскаго представительства въ земскихъ собраніяхъ. Явленіе это представляется въ высшей степени ненормальнымъ. Организація земскаго представительства отъ крестьянъ имѣетъ еще одинъ существенный недостатокъ, заключающійся въ дѣйствующемъ порядкѣ утвержденія губернаторомъ гласныхъ отъ крестьянъ. По расписанію, число крестьянскихъ гласныхъ бываетъ меньше числа волостей въ уѣздѣ, а между тѣмъ выборы гласныхъ происходятъ по волостямъ. Вслѣдствіе этого, число избранныхъ крестьянами кандидатовъ въ гласные всегда превышаетъ число крестьянскихъ гласныхъ по расписанію, и законъ предоставляетъ губернатору опредѣлять, кто изъ избранныхъ вступаетъ въ гласные и кто остается кандидатомъ; кандидатъ можетъ занять тоже мѣсто гласнаго, если въ теченіе трехъ лѣтъ освободится мѣсто крестьянскаго гласнаго въ земскомъ собраніи. Но такое вступленіе въ гласные кандидатовъ случается сравнительно рѣдко, и такимъ образомъ на дѣлѣ оказывается, что многіе изъ крестьянъ, и по своимъ личнымъ качествамъ и по своему знанію мѣстной жизни вполнѣ достойные быть гласными, остаются цѣлое трехлѣтіе въ числѣ кандидатовъ. Остается, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, одинъ выходъ, это — увеличеніе числа гласныхъ, по крайней мѣрѣ, до такой цифры, чтобы каждая волость имѣла въ земскомъ собраніи своего представителя".

Далѣе, губернская земская управа обращаетъ вниманіе, что принципъ полнаго и правильнаго земскаго представительства не соблюденъ не только по отношенію къ крестьянамъ, но и по отношенію къ другимъ группамъ населенія, такъ какъ, по расписанію, число гласныхъ изъ недворянъ значительно меньше числа гласныхъ отъ дворянъ. „Сословное дѣленіе, доселѣ признаваемое и принятое закономъ, неудобно въ приложеніи къ земскимъ учрежденіямъ, имѣющимъ въ принципѣ не сословные, но общіе хозяйственные интересы извѣстной мѣстности". При существующемъ дѣленіи уѣзда на избирательныя собранія, число гласныхъ, которое опредѣлено для второго избирательнаго собранія (недворянскаго), далеко не соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ интересамъ частной земельной собственности (недворянской), фабрично-заводской промышленности и недвижимыхъ городскихъ имуществъ. „Въ

то время какъ на одного гласнаго по первому собранію (дворянскому) въ среднемъ по губерніи приходится 10.600 рублей имущественной доходности, по второму избирательному собранію такой доходности приходится 173.100 руб., т.-е. въ 16 разъ больше; слѣдовательно, представительство въ земскихъ собраніяхъ недворянскихъ классовъ крайне ничтожно сравнительно съ цѣнностью имуществъ".

Такимъ образомъ московская губернская земская управа высказываетъ симпатіи къ началамъ земскаго представительства по закону 1864 года. Мы съ своей стороны раздѣляемъ этотъ взглядъ управы, и на вопросъ, какъ избѣжать тѣхъ дурныхъ сторонъ земскаго представительства отъ крестьянъ, которыхъ мы были свидѣтелями до 1890 года, думаемъ, что единственное средство избѣжать ихъ, это поднятіе экономическаго и умственнаго уровня крестьянъ. Тогда крестьяне будутъ въ состояніи избирать самостоятельно, свободно и разумно представителей ихъ интересовъ. Этой цѣли можно между прочимъ достигнуть мѣрами, проектируемыми тою же земскою управою объ организаціи мелкой земской единицы, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

ГЛАВА V.

Земская волость и приходъ.

По земскому положенію 1864 года, земскія учрежденія въ своихъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ не могутъ выходить изъ круга указанныхъ имъ дѣлъ: посему они не вмѣшиваются въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій. Всякое опредѣленіе ихъ, въ противность сему постановленное, признается недѣйствительнымъ. Хотя законъ, изображенный въ этой статьѣ стараго земскаго положенія, не повторенъ буквально въ новомъ земскомъ положеніи 1890 года, но и въ семъ послѣднемъ, въ статьѣ 87, имѣется правило, по которому губернаторъ останавливаетъ постановленіе земскаго собранія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ усмотритъ, что оно несогласно съ закономъ или постановлено съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти, либо порядка дѣйствій земскихъ учрежденій. Слѣдовательно, земскія учре-

жденія не могутъ вмѣшиваться въ кругъ вѣдомства общественныхъ крестьянскихъ учрежденій, образованныхъ по положенію 19 февраля 1861 года, ни предписывать что-либо этимъ крестьянскимъ учрежденіямъ, ни предъявлять къ нимъ какія-либо требованія. Но на дѣлѣ выходитъ иначе: силою вещей, съ самаго начала введенія земскихъ учрежденій волость постепенно превращается въ общую исполнительную инстанцію, гдѣ стекаются дѣла всѣхъ вѣдомствъ: судебныхъ, земскихъ и административныхъ; всякія распоряженія, откуда бы они ни исходили, пройдя чрезъ многочисленное письменное и канцелярское производства, сходятся въ волости: дѣла раскладки повинностей, расписанія дорогъ, взысканія податей, производства работъ и расходовъ сосредоточиваются въ волости. Несмотря на запрещеніе закона, земскія управы во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ обращаются къ этимъ общественнымъ властямъ по неимѣнію другихъ мѣстныхъ органовъ. Волость, содержимая на средства однихъ крестьянъ, становится въ сущности низшею инстанціею, завѣдующею всѣми дѣлами внутренняго управленія. Частные землевладѣльцы, торговые люди, всѣ разночинцы въ составъ волости не входятъ. Это и составляетъ главное недоразумѣніе нашего общественнаго быта, и это недоразумѣніе можетъ быть разрѣшено сліяніемъ всѣхъ сословій въ общей земской волости. Существованіе отдѣльной крестьянской волости представляется мало того, что неудобнымъ, но во многомъ отношеніи явно несправедливымъ, такъ какъ, какъ это мы увидимъ ниже, многія стороны общественнаго хозяйства, носящія, по своему существу, характеръ общаго земскаго дѣла и хозяйства, падаютъ на одно сословіе мѣстныхъ обывателей, именно на крестьянъ [1]. Въ виду этого мы убѣждены, что сліяніе сословій, провозглашенное въ земскихъ учрежденіяхъ 1864 и 1890 гг., останется мертвою буквою и pium desiderium, пока общественное управленіе и волость будутъ считаться особымъ сословнымъ крестьянскимъ учрежденіемъ.

Прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе и разовьемъ свои мысли въ этомъ отношеніи, мы считаемъ необходимымъ коснуться современнаго устройства и состава нынѣшнихъ крестьян-

---

[1]) Князь А. Васильчиковъ. „О самоуправленіи“. Т. I, стр. 276—300.

скихъ учрежденій по положенію 19 февраля 1861 года. Крестьянскія учрежденія состоятъ изъ сельскаго общества или сельскаго схода, имѣющихъ своимъ исполнительнымъ органомъ сельскаго старосту, и изъ волостного схода, имѣющаго своимъ исполнительнымъ органомъ волостное правленіе и волостного старшину. Во всѣхъ великороссійскихъ, а отчасти и въ малороссійскихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, существуетъ общинное владѣніе крестьянскою землею. Община въ частномъ или гражданскомъ правѣ занимаетъ особое мѣсто: она составляетъ особый родъ собственности, особый видъ владѣнія, точно такъ, какъ акціонерныя общества или акціонерныя компаніи, владѣющія недвижимыми имуществами, которымъ и принадлежитъ безспорное право пользоваться самостоятельностью въ предѣлахъ своего владѣнія. Какъ юридическое лицо, сельское общество, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, имѣетъ мѣсто въ ряду прочихъ собственниковъ, и съ этой точки зрѣнія крестьяне-общинники имѣютъ свои своеобразные интересы, независимые отъ прочихъ обывателей изъ другихъ сословій, живущихъ и владѣющихъ землею въ той деревнѣ или селѣ, куда примыкаетъ мірское поземельное владѣніе извѣстнаго сельскаго общества. Поэтому вполнѣ естественными и понятными становятся нѣкоторыя постановленія общаго положенія объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостныхъ и ихъ общественное управленіе. Сюда относятся пункты 6 и 11 статьи 51, по которой вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ дѣла относящіяся къ общинному пользованію мірскою землею какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки и т. п. Сюда, далѣе, слѣдуетъ отнести раскладку всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей и порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ податямъ и сборамъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что „общее о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, положеніе“ имѣло, въ большинствѣ случаевъ, характеръ мѣры чрезвычайной, а поэтому и временной: надо было во что бы то ни стало, и притомъ сразу и скоро, устроить бытъ крестьянъ помѣщичьихъ и надѣлить ихъ общественныя

учрежденія извѣстными правами и обязанностями. Вотъ почему въ положеніи о крестьянахъ помѣщены были многія статьи закона, по своему существу относящіяся къ кругу вѣдомства дѣлъ общеполицейскихъ или общихъ земскихъ. Несомнѣнно, что съ самаго начала освобожденія крестьянъ и потомъ съ изданіемъ положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ въ селахъ и деревняхъ обитали и лица прочихъ, помимо крестьянъ, сословій и состояній: дворовые, не приписанные къ сельскимъ обществамъ, а къ волостямъ, старые отставные солдаты, мѣщане, цеховые, разночинцы, купцы, почетные граждане и, наконецъ, личные и потомственные дворяне. Всѣ эти лица, живущія на извѣстной сельской или деревенской территоріи, въ большинствѣ случаевъ, какъ и сосѣди ихъ, крестьяне, нуждаются въ охраненіи ихъ безопасности, въ продовольствіи во время голода, въ обученіи ихъ дѣтей грамотѣ, въ общественномъ призрѣніи и т. п. Между тѣмъ, по общему положенію о крестьянахъ, сельскій староста, избираемый исключительно крестьянами, приписанными къ извѣстному сельскому обществу и владѣющими мірскою землею,—этотъ сельскій староста обязанъ принимать мѣры въ территоріи, прилегающей къ извѣстной деревнѣ или селу, для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ и ихъ имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, для предупрежденія потравъ, пожаровъ, обязанъ распоряжаться подачею помощи въ случаѣ пожаровъ, наводненій, повальныхъ болѣзней и т. п. (ст. 60). Неужели этотъ законъ надо было понимать такъ, что лица некрестьянскаго сословія, не принадлежащія къ составу извѣстнаго общества, а только живущія въ территоріи извѣстнаго села или деревни, не пользуются покровительствомъ и защитою сельской полиціи? Несомнѣнно, что съ самаго начала никто и не понималъ такъ этого закона, и что сельскій староста охранялъ безопасность и благочиніе лицъ не только другихъ сословій, но и крестьянъ, принадлежащихъ къ другому сельскому обществу, но временно и даже постоянно живущихъ въ селѣ или деревнѣ. Но матеріальное содержаніе сельскаго старосты и другіе расходы, напримѣръ: по предупрежденію и тушенію пожаровъ, при появленіи повальныхъ болѣзней, падаютъ на

то сельское общество, представителемъ котораго является этотъ сельскій староста.

Это сторона, невыгодная для лицъ, принадлежащихъ къ сословію крестьянъ вообще и въ частности къ данному сельскому обществу крестьянъ. Но есть въ нынѣшнемъ строѣ общественнаго крестьянскаго управленія и стороны, невыгодныя для лицъ, не принадлежащихъ къ сословію крестьянъ вообще или хотя и принадлежащихъ къ этому сословію, но живущихъ внѣ территоріи ихъ сельскаго общества, а на территоріи чужого сельскаго общества. На основаніи пунктовъ 8, 10, 16 статьи 51 общаго положенія, вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ, назначеніе сборовъ на мірскіе расходы, назначеніе ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованій. На основаніи же 177, 178 и 179 ст. общаго положенія, къ мірскимъ повинностямъ относятся тѣ повинности, которыя отправляются каждымъ сельскимъ обществомъ особо для удовлетворенія ихъ внутреннихъ потребностей. Крестьянскія общества могутъ, смотря по надобности и по своимъ средствамъ, устанавливать мірскіе сборы на устройство и поддержаніе церквей, заведеніе сельскихъ училищъ, содержаніе учителей и на удовлетвореніе другихъ общественныхъ и хозяйственныхъ потребностей крестьянъ, при чемъ на нихъ возлагается обязательное отправленіе слѣдующихъ мірскихъ повинностей: содержаніе общественнаго управленія, устройство и поддержаніе сельскихъ запасныхъ магазиновъ, содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ на земляхъ, принадлежащихъ мірскимъ обществамъ, призрѣніе членовъ общества, нуждающихся въ таковомъ, принятіе мѣръ въ случаѣ пожаровъ, наводненій и т. п. Разсматривая эти постановленія относительно компетенціи сельскихъ обществъ и ихъ органовъ—сельскихъ сходовъ и старостъ, мы видимъ, что эти постановленія составлены въ выгодномъ смыслѣ для крестьянъ, принадлежащихъ къ данному сельскому обществу, и невыгодныхъ для постороннихъ лицъ. Напримѣръ, обученіе дѣтей грамотѣ является обязанностью всего государства и общества настолько насущною, что во многихъ

европейскихъ государствахъ это обученіе провозглашено обязательнымъ. Между тѣмъ у насъ открытіе школъ зависитъ большею частью отъ желанія и средствъ даннаго сельскаго общества, и, какъ мы уже говорили, земскія учрежденія только приходятъ на помощь тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя открываютъ у себя школы. Нигдѣ также въ законѣ не сказано: обязателенъ ли для сельскихъ сходовъ и вообще для сельскаго начальства пріемъ въ школы лицъ, не принадлежащихъ къ составу даннаго сельскаго общества, для дворовыхъ, для крестьянъ, поселившихся внѣ предѣловъ даннаго сельскаго общества, для мѣщанъ, цеховыхъ и т. п. Зная доброту русскаго человѣка, мы не удивляемся, что сельскія власти не отказываютъ этимъ постороннимъ лицамъ въ дозволеніи посѣщать ихъ школы, но нельзя не согласиться, что въ принципѣ такое положеніе неудобно, ненормально и несправедливо. Эти же постороннія лица не имѣютъ права разсчитывать на выдачу имъ ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ, на принятіе немощныхъ членовъ ихъ семьи въ сельскія богадѣльни. Крестьянскія общества, иногда сами задавленныя нуждой, сами не будучи въ состояніи содержать лицъ, нуждающихся въ продовольственной помощи, въ общественномъ призрѣніи и т. п., просто отказываютъ въ нихъ членамъ, не принадлежащимъ къ составу ихъ общества, предлагая имъ обращаться къ другимъ обществамъ, крестьянскимъ или мѣщанскимъ, отстоящимъ иногда отъ данной деревни на десятки и сотни верстъ. Съ другой стороны, также на сельскія общества отнесено содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, проточныхъ водъ; содержаніе ихъ стоитъ иногда обществамъ большихъ издержекъ, а между тѣмъ по этимъ дорогамъ ѣздятъ, пользуются водопоемъ и лица, не принадлежащія къ составу даннаго сельскаго общества,—однимъ словомъ, нельзя перечислить всѣхъ случаевъ, неудобствъ и несправедливостей, проистекающихъ отъ безпорядочности и неустройства нашего общественнаго сельскаго быта.

Болѣе обширною территоріальною единицею, чѣмъ сельское общество, является волость, имѣющая своимъ органомъ волостное правленіе. Волостное правленіе есть органъ крестьянскаго управленія и отличается такъ же, какъ и упра-

вленіе сельскаго общества, характеромъ сословной исключительности и полной замкнутости для членовъ прочихъ сословій; волость есть соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ въ одну автономную единицу, безъ какихъ-либо особыхъ правъ и обязанностей, отличныхъ отъ тѣхъ, которыми пользуются сами сельскія общества. Правда, кругъ вѣдомства волостного правленія болѣе обширенъ уже потому, что волость объемлетъ нѣсколько сельскихъ обществъ, и потому, что постановленія волостного правленія обязательны въ нѣкоторыхъ случаяхъ для сельскихъ властей и сельскихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ вниманіе одна особенность: есть извѣстный разрядъ гражданъ—крестьянъ, не входящихъ ни въ какія изъ сельскихъ обществъ; это — дворовые, которые приписаны прямо къ волости и платящіе сборы непосредственно въ волостное правленіе. Разсматривая компетенцію волостного схода (ст. 78 общаго положенія), мы видимъ, что многіе предметы вѣдомства его суть предметы факультативные, т.-е. такіе, которые зависятъ отъ желанія самихъ сельскихъ обществъ или выборщиковъ отъ нихъ, составляющихъ волостной сходъ, включать эти предметы въ число дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію волостного схода, или нѣтъ. Такимъ образомъ вѣдѣнію волостного схода подлежатъ: мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, распоряженіе волостными запасными магазинами, г д ѣ о н и е с т ь, назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей, къ цѣлямъ волости относящихся, и вообще постановленія о всѣхъ предметахъ, относящихся къ хозяйственнымъ и общественнымъ дѣламъ цѣлой волости. Но при этомъ въ законѣ мы не имѣемъ никакихъ правилъ, по которымъ извѣстные предметы отнесены были бы къ числу предметовъ, обязательно подлежащихъ вѣдѣнію волостныхъ сходовъ, за исключеніемъ выборовъ должностныхъ лицъ и судей волостного суда. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ зависитъ отъ рѣшенія депутатовъ, составляющихъ волостной сходъ, принять или не принять ту или другую мѣру, напримѣръ: открыть ли при волости волостное училище, учредить ли ссудосберегательную кассу, построить ли волостную богадѣльню, или нѣтъ. Отсутствіе дѣлъ, обязательно подлежащихъ вѣдѣнію цѣлой волости,

есть характерная черта волостныхъ учрежденій; правда, если волостной сходъ постановилъ открыть, напримѣръ, волостное училище или богадѣльню или кассу, то дѣлами ихъ вѣдаетъ и распоряжается волостное правленіе, но самое предложеніе объ открытіи этихъ учрежденій зависитъ отъ доброй воли волостного схода, который во всякое время можетъ сдѣлать постановленіе о закрытіи училища, богадѣльни или волостной ссудной кассы. Вторая характерная черта волостныхъ властей, какъ мы сказали, это—исключеніе изъ числа дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, — дѣлъ, касающихся лицъ другихъ сословій. Что касается состава волостныхъ учрежденій, то волостное правленіе состоитъ изъ: волостного схода, волостного старшины съ волостнымъ правленіемъ и волостного крестьянскаго суда. Мѣстомъ сбора волостного схода и пребыванія волостного правленія и суда назначаются: когда волость состоитъ изъ одного прихода—преимущественно то селеніе, въ которомъ находится приходская церковь, въ другихъ же случаяхъ—селеніе, находящееся въ срединѣ волости, либо отличающееся многолюдностью, или особымъ торговымъ значеніемъ. Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, т.-е. изъ старшины, сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и засѣдателей волостныхъ правленій въ тѣхъ обществахъ и волостяхъ, которыя признаютъ нужнымъ имѣть особыхъ сборщиковъ и засѣдателей, и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія или поселка, къ волости принадлежащаго, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что при такомъ выборѣ можетъ произойти иногда соединеніе въ одинъ десятокъ дворовъ и тѣхъ домохозяевъ, которые принадлежатъ къ разнымъ поземельнымъ общинамъ. Дѣла на сходѣ рѣшаются по общему согласію или простымъ большинствомъ голосовъ; приговоры считаются дѣйствительными, когда на волостномъ сходѣ присутствовало не менѣе двухъ третей крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ. Волостной старшина, избираемый на этомъ сходѣ, вѣдаетъ дѣла по полицейскому вѣдомству, дѣла общественнаго спокойствія и безопасности, а по дѣламъ хозяйственнымъ старшина обязанъ приводить въ исполненіе приговоры волостного схода, наблюдать за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ, мо-

стовъ, гатей, перевозовъ и пр., наблюдать за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и всякаго рода общественныхъ заведеніяхъ, если онѣ учреждены волостнымъ обществомъ на свой собственный счетъ (ст. 83 и 84 общ. пол.). Какъ мы сказали, компетенція волостного правленія въ большинствѣ случаевъ факультативна, т.-е. отъ волостного схода зависитъ—принимать или не принимать часть мірскихъ, т.-е. лежащихъ на сельскихъ обществахъ, повинностей и обязанностей и переводить ихъ изъ разряда мірскихъ въ разрядъ волостныхъ. Но является сомнительнымъ, чтобы волость и крестьянскій міръ могли исполнить всѣ многоразличныя обязанности, на нихъ возложенныя. Этотъ широкій кругъ дѣйствій былъ приписанъ крестьянскимъ учрежденіямъ по неимѣнію въ то время, когда составлялось положеніе 19 февраля, никакихъ другихъ органовъ общественнаго управленія. Съ введеніемъ же земскихъ учрежденій большая часть этихъ предметовъ должна была отойти и въ дѣйствительности отошла въ вѣдѣніе земскихъ управъ. При этомъ поражаетъ насъ, что въ законахъ о земскомъ и крестьянскомъ самоуправленіяхъ не разграничены сферы перваго и послѣдняго, гдѣ кончается сфера земскихъ учрежденій и начинается сфера крестьянскаго. Кромѣ того, многія изъ задачъ, возложенныхъ по закону на земскія учрежденія, вполнѣ удобно и цѣлесообразно могли бы быть исполнены, если бы земскимъ учрежденіямъ предоставлено было право издавать общія положенія, а приведеніе ихъ на практикѣ на мѣстахъ предоставлено было бы низшимъ территоріальнымъ единицамъ и ихъ органамъ—волостямъ и сельскимъ обществамъ. Нѣчто подобное и установилось на практикѣ въ силу обычая, но смутно и неопредѣленно и, можно сказать, незаконно; въ сущности же земскія учрежденія не имѣютъ права ни предписывать низшимъ органамъ крестьянскаго самоуправленія, ни требовать исполненія ихъ предписаній и не облечены властью исполнять эти требованія за свой счетъ, какъ это мы, напримѣръ, видѣли въ Англіи, гдѣ если власти сельскаго округа не исполняютъ обязательныхъ постановленій, возлагаемыхъ на нихъ совѣтомъ графства, то послѣдній облеченъ властью исполнить извѣстную повинность за счетъ сельскаго округа.

Съ точки зрѣнія этой неопредѣленности мы намѣрены разсмотрѣть главные виды земской дѣятельности — дорожную, общественнаго призрѣнія, медицинскую часть и народное образованіе. Раздѣленіе путей на губернскіе, уѣздные и проселочные поручается земскимъ собраніямъ по ихъ усмотрѣнію. Въ настоящее время всѣ грунтовыя дороги, начиная отъ почтовыхъ трактовъ до проселочныхъ, лежатъ на повинности сельскихъ обществъ; на города приходятся самые незначительные участки, пролегающіе чрезъ городскія и пригородныя земли. Главный недостатокъ всего дорожнаго управленія есть его неопредѣленность: ни разряды дорогъ, ни предѣлы власти многоразличныхъ вѣдомствъ, ихъ исправляющихъ и надзирающихъ за ними, не различены ясными чертами. При этомъ надо замѣтить, что землевладѣльцы въ раскладкѣ дорожной повинности почти не участвуютъ. Эта ненормальность и даже несправедливость не устранена и вновь изданнымъ въ 1899 году уставомъ о земскихъ повинностяхъ. Дорожныя земскія повинности раздѣляются на денежныя и натуральныя. Земскія собранія опредѣляютъ, какія дорожныя сооруженія слѣдуетъ отнести на счетъ денежныхъ повинностей и какія—на счетъ натуральныхъ. Къ первымъ земства обыкновенно относятъ: постройку и ремонтъ шоссейныхъ дорогъ, мостовъ, дамбъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ плотинъ и гатей; расходы на эти предметы поступаютъ изъ земскаго сбора и удовлетворяются по раскладкѣ между всѣми земскими плательщиками, а иногда особыми сборами за проѣздъ. За исключеніемъ этихъ предметовъ, всѣ грунтовыя дороги содержатся и исправляются путемъ натуральныхъ повинностей: раскладка и мѣры исполненія натуральныхъ земскихъ повинностей, а равно общій надзоръ за оными, возлагаются на губернскія и уѣздныя земскія собранія. Усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній предоставляется раздѣленіе уѣзда на участки съ припискою къ каждому опредѣленнаго пространства дороги и опредѣленнаго числа подводъ и рабочихъ рукъ. Къ каждому изъ сихъ участковъ, по соображенію количества потребныхъ для устройства онаго и содержанія въ исправности работъ, приписывается часть окрестныхъ селеній. Приписаннымъ къ участку селеніямъ предоставляется устраивать и содержать его лич-

но своею работою, по нарядамъ и очередямъ, или же посредствомъ найма, добровольно и по собственному ихъ усмотрѣнію дѣлаемаго. Установленіе нарядовъ и очереди принадлежитъ къ внутреннимъ распоряженіямъ каждаго сельскаго общества, приписаннаго къ участку. Отпускъ же лѣса, необходимаго на содержаніе земскихъ дорогъ и состоящихъ на нихъ сооруженій, относится къ обязанности всѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнія коихъ приписаны къ участку съ замѣною натуральнаго отпуска лѣса денежными взносами. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что лѣсъ можетъ понадобиться на сооруженіе мостовъ, шлагбаумовъ, плотинъ, расходы на которые причисляются къ денежнымъ повинностямъ, то оказывается, что въ содержаніи грунтовыхъ большихъ дорогъ землевладѣльцы натуральными повинностями почти не участвуютъ. Проселочныя и полевыя дороги устраиваются и содержатся селеніями и владѣльцами, чрезъ дачи коихъ онѣ пролегаютъ (ст. 261—295 уст. о земск. пов.). Такая же неуравнительность замѣчается и въ отправленіи подводной повинности для разъѣздовъ чиновниковъ и разсыльныхъ и почты по уѣзду: разъѣзды ихъ не далѣе 30 верстъ отправляются на счетъ денежнаго земскаго сбора, а далѣе этого отправляются обывателями сельскихъ обществъ натуральною повинностью (ст. 396—320). Точно такъ же снабженіе квартирами нѣкоторыхъ чиновъ по гражданскому вѣдомству ложится на сельскихъ обывателей (ст. 321—325).

Переходя къ другимъ видамъ земскихъ повинностей, мы должны упомянуть о повинностяхъ по общественному призрѣнію, одинъ изъ видовъ которой есть народное продовольствіе. Въ Россіи образованъ при каждомъ губернскомъ земствѣ продовольственный капиталъ, изъ котораго и выдаются ссуды; кромѣ того, по пункту 16 ст. 51 общ. пол., къ мірскимъ повинностямъ относятся: назначеніе ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованій. Земства выдаютъ хлѣбныя и денежныя пособія цѣлымъ обществамъ по уравнительной душевой раскладкѣ, но замѣчено, что эти пособія достаются такимъ домохозяевамъ, которые торгуютъ хлѣбомъ и наживаются отъ своихъ сосѣдей-бѣдняковъ. Все это указываетъ, какъ настоятельно необходима реорганизація крестьянскихъ учрежденій и образованіе

мелкихъ земскихъ единицъ. Мѣры народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія могутъ быть двухъ родовъ: мѣры предупредительныя и вспомогательныя. Къ первой категоріи нужно причислить: ссудныя товарищества, рабочія ассоціаціи, взаимное страхованіе, учрежденія, открывающія на основаніи взаимнаго поручительства дешевый и краткосрочный кредитъ и т. п. Ко второму роду относятся общественное призрѣніе и народное продовольствіе въ тѣсномъ смыслѣ слова: пособіе хлѣбомъ, работою и деньгами неимущимъ, призрѣніе ихъ въ случаѣ крайней нужды въ богадѣльняхъ, воспитательныхъ домахъ, въ домахъ умалишенныхъ. Общественное призрѣніе раздѣляется нынѣ въ Россіи на губернское, уѣздное и мірское. Но мы видимъ, что мірское призрѣніе осталось въ первобытномъ состояніи; пунктъ 6 ст. 179 общ. пол., возлагающаго на сельскія общества призрѣніе неимущихъ, неспособныхъ къ работѣ, сиротъ, не примѣняется къ дѣлу, и законъ оставляетъ судьбу бѣдныхъ сельскихъ обывателей на произволъ ихъ родственниковъ, безъ всякаго взысканія за нарушеніе этихъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ несомнѣнный регрессъ даже сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ: первымъ дѣйствіемъ сельскихъ обществъ послѣ 1861 года было закрытіе тѣхъ рѣдкихъ больницъ и богадѣленъ, которыя существовали въ видѣ исключеній въ немногихъ помѣстьяхъ богатыхъ господъ, въ удѣльныхъ и казенныхъ вѣдомствахъ. Такимъ образомъ съ первыхъ дней освобожденія народился въ нашемъ сельскомъ быту особый разрядъ одинокихъ больныхъ и увѣчныхъ крестьянъ, вдовъ и сиротъ, которымъ родственники отказываютъ въ призрѣніи подъ предлогомъ, что они выдѣлились изъ семьи. Подобнаго рода обязанности должны быть возложены, съ одной стороны, на земство, а съ другой — на низшіе общественные органы власти. Что касается медицинской части, то земства приняли на себя устройство и содержаніе земскихъ больницъ и аптекъ, но организація фельдшерскихъ пунктовъ, родовспомогательныхъ заведеній, которые удобно и умѣстно развить на мѣстахъ—въ мелкихъ земскихъ округахъ, остается вполнѣ въ неудовлетворительномъ состояніи. Точно такъ же и народное образованіе, какъ дѣло государственное и земское, должно быть всецѣло от-

несено на счетъ земскаго управленія и органовъ мелкихъ земскихъ единицъ.

Нарисованный нами очеркъ состоянія земскаго и общественнаго крестьянскаго самоуправленія и отношенія перваго къ послѣднему убѣждаетъ, что назрѣла настоятельная неотложная потребность реорганизовать все крестьянское самоуправленіе, слить сословныя крестьянскія учрежденія съ общимъ земскимъ всесословнымъ самоуправленіемъ и создать мелкія земскія единицы. Отношенія въ такомъ видѣ, какъ они есть, земскаго и крестьянскаго самоуправленій представляются во многихъ отношеніяхъ неправильными. Во-первыхъ, они несправедливы, ибо, какъ мы видѣли, многія изъ земскихъ повинностей лежатъ исключительно на одномъ сословіи—на крестьянскомъ, между тѣмъ, какъ, съ другой стороны, многіе члены другихъ сословій и даже члены того же сословія, живущіе внѣ предѣловъ своихъ сельскихъ обществъ, несутъ, въ свою очередь, невыгоды отъ отсутствія у нихъ права участія въ мѣстномъ крестьянскомъ самоуправленіи. Во-вторыхъ, эти отношенія ненормальны, такъ какъ крупныя земскія единицы, губернскія и уѣздныя, т. е. земскія учрежденія, лишены тѣхъ органовъ, которые могли бы на мѣстахъ приводить въ исполненіе свои постановленія и которымъ бы въ извѣстной мѣрѣ были подчинены мелкіе земскіе органы, которые въ извѣстной области имѣли бы и свою самостоятельную компетенцію и возможность проведенія своихъ самостоятельныхъ мѣръ, стоя въ этомъ отношеніи подъ контролемъ и внѣ противорѣчія съ постановленіями общихъ земскихъ учрежденій. Мы имѣли уже случай излагать строй англійскаго и французскаго мѣстныхъ самоуправленій: примѣрами этихъ странъ въ извѣстной мѣрѣ слѣдуетъ воспользоваться. Какъ просто и гармонично разграничены въ настоящее время въ Англіи сферы дѣйствія разныхъ земскихъ единицъ: приходы подчинены органамъ сельскихъ округовъ, послѣдніе могутъ предписывать приходскимъ властямъ извѣстныя правила, предъявлять имъ извѣстныя требованія, но не подавляютъ ни самостоятельной компетенціи приходовъ, ни самостоятельности ихъ иниціативы. Сельскіе округа стоятъ въ такихъ же отношеніяхъ къ совѣтамъ графствъ, которыя, какъ мы говорили, могутъ

предъявлять требованія къ комитетамъ окружныхъ совѣтниковъ или попечителей бѣдныхъ и, въ случаѣ неисполненія законныхъ требованій, могутъ произвести извѣстныя работы и вообще расходы за счетъ округа. Мы видѣли также, что въ Англіи всѣ земскія потребности удовлетворяются изъ общаго земскаго сбора, и излагали систему раскладки, оцѣнки и способы взысканія земскихъ налоговъ. Съ другой стороны, хотя мы отмѣчали слабыя стороны самоуправленія во Франціи, но читатель не могъ не поразиться многими сторонами правильности, стройности и справедливости въ этой системѣ. Напримѣръ, мы не имѣли мѣста коснуться одного пункта — отношенія натуральныхъ дорожныхъ повинностей къ денежнымъ во Франціи, только упомянули, что и во Франціи существуетъ натуральная дорожная повинность, такъ какъ для бѣднаго французскаго крестьянина иногда бываетъ выгоднѣе отправлять дорожную повинность натуральнымъ способомъ, чѣмъ денежнымъ. Но какая ясность и опредѣленность установлена французскими законами для опредѣленія отношеній натуральныхъ повинностей къ денежнымъ! Раскладка дорожной повинности производится во Франціи по кадастровому окладу казенныхъ податей, пропорціонально прочимъ прямымъ налогамъ. Коммунамъ предоставляется выборъ между натуральною повинностью и денежною; въ первомъ случаѣ каждый обыватель отправляетъ повинность не болѣе трехъ рабочихъ дней въ году лично за себя и такое же время за каждаго изъ числа своей семьи, за всякую телѣгу или повозку, за каждую голову рабочаго, упряжного или верхового скота въ имѣніи. Муниципальный совѣтъ, разсчитавъ количество рабочихъ головъ скота и повозокъ въ имѣніи и опредѣливъ также цѣнность рабочаго дня, всегда можетъ перевести натуральную повинность на денежную. Для этого въ каждой коммунѣ имѣются описанія имѣній — количество инвентаря, числа рабочихъ и проч. Самое теченіе жизни убѣждаетъ, что нынѣшнія сословныя крестьянскія учрежденія, волостныя правленія и сельскія крестьянскія общества должны быть преобразованы, первыя—въ общесословную земскую волость и вторыя — въ приходъ: земская волость должна замѣнить крестьянскую волость, а приходъ— сельское общество. Хотя мы не имѣемъ точныхъ цифръ

относительно числа волостей и церковныхъ приходовъ въ Европейской Россіи, но можемъ судить приблизительно объ отношеніяхъ числа волостей къ числу приходовъ по общему знакомству съ Россіей и по точнымъ даннымъ относительно Московской губерніи. Въ Московской губерніи считается 13 уѣздовъ, 166 волостей и до 700 приходскихъ церквей въ уѣздахъ и примыкающихъ къ нимъ приходовъ; такимъ образомъ если приписать къ волости извѣстное число церковныхъ приходовъ, то къ каждой волости примыкало бы отъ 4 до 5 приходовъ. Думаемъ, что въ отношеніи ко всей Европейской Россіи сохранится такая же пропорція: ко всякой волости будетъ прилегать три или четыре и даже пять церковныхъ приходовъ. Земская волость должна составить мелкую земскую единицу, въ извѣстномъ отношеніи подчиненную уѣздному земству и въ извѣстной мѣрѣ сохраняющую свою самостоятельность; приходъ же долженъ составить еще болѣе мелкую земскую единицу, сохраняющую подобное же отношеніе къ земской волости и уѣздному земству. Земская волость, по нашему мнѣнію, должна имѣть слѣдующее въ общихъ чертахъ устройство: отдѣльные прихожане или домохозяева избираютъ депутатовъ въ земское волостное собраніе; въ послѣднемъ сходились бы такимъ образомъ всѣ землевладѣльцы—частные и общинные—на одномъ общемъ основаніи цѣнности и доходности своихъ имуществъ; главными предметами вѣдомства были бы: раскладка внутри волости, отдѣльно по приходамъ, разныхъ повинностей, оцѣнка имуществъ и правильное исчисленіе ихъ доходности, управленіе дорожныхъ участковъ, постановленія общихъ мѣръ общественнаго призрѣнія, по медицинской части и народному образованію, устройство мелкихъ кредитныхъ учрежденій и т. п. Управленіе дѣлами волости могло бы быть поручено волостному старшинѣ и нѣсколькимъ гласнымъ. Приходскія же собранія вѣдали бы тѣ же дѣла въ предѣлахъ своей компетенціи; но непремѣнною его обязанностью было бы содержаніе церкви, кладбищъ, церковнаго причта. Особеннаго коллегіальнаго исполнительнаго органа приходскаго собранія, въ которомъ должны участвовать всѣ прихожане лично, по нашему мнѣнію, не предстояло бы надобности учреждать: исполнительная власть

могла бы быть поручена выборному земскому и вмѣстѣ съ тѣмъ и церковному старостѣ съ однимъ или двумя подстаростами. Оговариваемся, что мы вовсе не считаемъ удобнымъ и цѣлесообразнымъ преподавать подробный уставъ организаціи волостного и приходскаго управленія, ни разграничивать сферъ ихъ компетентности; намъ важно указать общія основанія будущаго уклада земской—волостной и приходской жизни. Мы не можемъ предвидѣть и исчислить всѣхъ предметовъ вѣдомства проектируемыхъ мелкихъ земскихъ единицъ: но думаемъ, что къ компетенціи земской волости могли бы скорѣе всего отойти функціи чисто земскія: дорожная, медицинская часть, общія мѣры общественнаго призрѣнія и образованія, а къ компетенціи приходскихъ собраній, помимо церковныхъ дѣлъ, дѣла общественнаго призрѣнія и мѣры предупредительныя отъ нужды и разоренія и мѣры, такъ сказать, соціальнаго характера, какъ-то: организація обществъ взаимопомощи и взаимнаго сотрудничества. Это было бы со стороны прихожанъ исполненіемъ своихъ христіанскихъ обязанностей. Слѣдуетъ также опредѣлить отношенія уѣздныхъ земствъ къ этимъ мелкимъ земскимъ единицамъ и ихъ органамъ и поставить послѣднихъ въ естественную органическую связь съ первыми: тогда уѣздныя земства получили бы и свои мѣстные органы по проведенію въ жизнь земскихъ мѣропріятій. Раскладка казенныхъ и земскихъ сборовъ должна производиться земскими волостными собраніями по нормамъ, установленнымъ закономъ, уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а земскія волостныя собранія должны стоять въ подобныхъ же отношеніяхъ къ приходскимъ собраніямъ. Точно такъ же уѣздныя земства должны были бы установлять общія нормы по всѣмъ дѣламъ земскаго характера; нѣкоторыя изъ этихъ нормъ земства должны проводить въ жизнь непосредственно, съ помощью своихъ органовъ—земскихъ управъ, а подробности проведенія въ жизнь другихъ мѣропріятій могли бы поручать органамъ мелкихъ земскихъ единицъ. Подобная организація могла бы быть примѣнена и къ городамъ. Городъ могъ бы быть раздѣленъ на участки, а послѣдніе обнимать нѣсколько приходовъ. Компетенція этихъ мелкихъ городскихъ органовъ сводилась бы къ дѣлу общественнаго призрѣнія. Въ настоящее

время проектируется передача въ вѣдѣніе города квартирнаго налога; раскладку его можно поручить этимъ единицамъ.

Главною задачею, предстоящею уѣзднымъ земствамъ, земскимъ волостямъ и приходамъ, по нашему мнѣнію, будетъ составленіе земскаго кадастра, т. - е. приведеніе въ извѣстность имуществъ всѣхъ обывателей, какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ, всѣхъ хозяйствъ, всѣхъ хозяйственныхъ заведеній, оцѣнка ихъ и исчисленіе дѣйствительной и чистой ихъ доходности. Безъ этого приведенія въ извѣстность цѣнности и доходности имуществъ всегда будетъ существовать неуравнительность обложенія земскимъ сборомъ, и такой неуравнительности въ настоящее время покровительствуетъ законъ о земскомъ обложеніи. По закону, завѣдываніе мѣстными губернскими и уѣздными земскими повинностями, денежными и натуральными, принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій. Земскія учрежденія, установивъ основанія раскладки поземельнаго сбора, опредѣляютъ въ точности, сколько онаго слѣдуетъ съ каждаго городского и сельскаго общества и съ каждаго уѣзднаго землевладѣльца, въ томъ числѣ казны, удѣловъ и разныхъ установленій. Уѣздныя управы ведутъ земскія окладныя книги, въ которыя вносятся всѣ находящіяся въ предѣлахъ уѣзда и подлежащія земскому сбору недвижимыя имущества, съ означеніемъ противъ каждаго имущества его цѣнности, доходности, по соображеніи съ коими долженъ быть опредѣляемъ слѣдующій съ него сборъ. Общимъ основаніемъ обложенія служитъ ц ѣ н н о с т ь и д о х о д н о с т ь облагаемыхъ имуществъ. Какъ мы видимъ, въ законѣ допущена неопредѣленность: что надо разумѣть подъ словами „цѣнность и доходность“? Слѣдуетъ ли разсчитывать каждую цѣнность и каждую доходность особо и облагать ту или другую и которую изъ нихъ? По свидѣтельству князя Васильчикова, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ раскладка производилась по цѣнности земель, въ другихъ по доходности, въ третьихъ — по числу десятинъ. Слѣдовательно, надо опредѣлить точно закономъ, что земскіе сборы разлагаются на всѣ имущества въ видѣ общаго раскладочнаго сбора, взимаемаго съ нормальнаго дохода съ недвижимыхъ имуществъ. Также неудовлетворительны и правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ,

для обложенія земскими сборами, производимой оцѣночными комиссіями и земскими управами. На оцѣночныя комиссіи возлагается общее руководство дѣйствіями земскихъ управъ по производству оцѣнокъ недвижимыхъ имуществъ и разсмотрѣніе жалобъ на оцѣнки; самыя же оцѣнки производятся земскими управами. Само собою, что земскія управы даже физически лишены возможности производить оцѣнки всѣхъ имуществъ въ уѣздѣ; онѣ должны довѣрять дѣло агентамъ, служащимъ по найму и не извѣстнымъ всему обществу, а потому послѣднее не можетъ питать къ нимъ того довѣрія, которое требуется въ такомъ важномъ дѣлѣ. Вотъ здѣсь-то и должны сослужить службу земству и обществу органы мелкихъ земскихъ единицъ.

Здѣсь мы опять возвращаемся къ мысли, выраженной нами ранѣе, что одновременно съ реформою земскаго законодательства всѣми сознана и необходимость измѣненія крестьянскаго законодательства. Но изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о проектахъ этой реформы, мы, къ сожалѣнію, видимъ, что многіе держатся того мнѣнія, что слѣдуетъ сохранить за крестьянами ихъ особое изолированное положеніе; мы же держимся того убѣжденія, что надо приблизить положеніе крестьянъ къ общему положенію всѣхъ гражданъ имперіи и надѣлить крестьянина большею имущественною свободою и самостоятельностью. Мы уже говорили, какъ вредно отражается на крестьянинѣ его неопредѣленность въ обладаніи имъ земельнымъ надѣломъ изъ общиннаго имущества. Общинные и семейные раздѣлы, это—такія явленія, что при существованіи ихъ трудно ожидать отъ крестьянина стимуловъ къ сбереженію и вообще къ улучшенію быта домохозяевъ. Положимъ, что крестьянинъ обезпеченъ въ томъ отношеніи, что его участокъ не можетъ быть проданъ за долги. Но, при существованіи круговой поруки можетъ быть проданъ его хлѣбъ, скотъ и тому подобное движимое имущество. Далѣе, при возможности дробленія земли по мірскимъ и наслѣдственнымъ передѣламъ земельные участки могутъ обращаться въ пыль, какъ выражаются французы. Все это указываетъ на необходимость обезпечить въ законодательномъ порядкѣ за крестьяниномъ, за извѣстнымъ домохозяиномъ извѣстный минимумъ поземельнаго надѣла, достаточный для того, чтобы

обезпечить его существованіе отъ занятія земледѣліемъ. Съ другой стороны, необходимо опредѣлить законодательнымъ порядкомъ право наслѣдованія или, правильнѣе сказать, распоряженія недѣлимымъ участкомъ, дабы всякая личность была спокойна за прочность обладанія имъ за себя и за будущее поколѣніе. Несомнѣнно, явится возраженіе, что при такихъ порядкахъ появится разрядъ безземельныхъ; но, вопервыхъ, всегда можно оставить извѣстное количество земли для разселенія и образованія усадебныхъ мѣстъ; во-вторыхъ, мѣрами же, о которыхъ мы намѣрены сказать ниже, путемъ развитія общественныхъ промысловъ, общественныхъ мастерскихъ, низшія земскія единицы—волость и приходъ—могутъ дать возможность существованія не только отъ земледѣлія, но и отъ промышленныхъ занятій членамъ общины, не имѣющимъ надѣла, но зато имѣющимъ промыселъ. Конечно, въ принципѣ желательно сохраненіе семейной ассоціаціи близкихъ родственниковъ, но это не мѣшаетъ признанію за извѣстными членами общины права исключительнаго распоряженія пахотнымъ надѣломъ. Наконецъ, въ Россіи имѣется такой огромный запасъ свободныхъ земель, что намъ рано еще думать о развитіи земельнаго пролетаріата, хотя на фактѣ онъ есть и въ настоящее время.

Мелкія земскія единицы, подъ руководствомъ земскихъ собраній, при осуществившихся видоизмѣненіяхъ въ крестьянскомъ законодательствѣ, могли бы приняться за составленія земскаго кадастра и люстраціи; за приведеніе въ извѣстность на каждый годъ точной картины крестьянскихъ и некрестьянскихъ хозяйствъ и степени ихъ доходности: количества скота, орудій, телѣгъ, хлѣба, сѣна и всѣхъ другихъ продуктовъ и вообще движимаго имущества. Такая работа, помимо опредѣленія чистой доходности хозяйствъ, для обложенія ихъ равномѣрнымъ земскимъ сборомъ, могла бы имѣть и другое значеніе, напримѣръ, для опредѣленія степени кредитоспособности домохозяина—при развитіи учрежденія мелкаго кредита. Подобныя мѣры должны были бы развить среди гражданъ чувство порядка, законности, бережливости и дать стимулъ къ улучшенію своего благосостоянія.

Словомъ, сколько мы ни думали и ни думаемъ объ этомъ предметѣ, мы не можемъ открыть сколько-нибудь серьезныхъ

и убѣдительныхъ аргументовъ противъ проектируемой мѣры слiянiя всѣхъ сословiй въ общей мелкой земской единицѣ. Единенiе есть великая сила; самое чувство прекраснаго, по опредѣленiю эстетиковъ и психологовъ, есть между прочимъ сохраненiе единства въ разнообразiи. Всегда замѣтно, что слiянiе людей разныхъ расъ, разныхъ классовъ, разныхъ взглядовъ въ общихъ совѣщанiяхъ способствовало всестороннему раскрытiю истины, давало мощь и энергiю общепринятымъ рѣшенiямъ. Великое значенiе слiянiя сословiй мы можемъ наблюдать въ общесословномъ судѣ, судѣ присяжныхъ, особенно въ уѣздахъ. На судъ этотъ приходятъ на равныхъ правахъ: дворяне, купцы, крестьяне, и (чтобы ни говорили обскуранты) это есть судъ, гдѣ царствуетъ правда и милость. Мы также убѣждены, что земская мелкая единица есть залогъ нашего будущаго нравственнаго, умственнаго и матерiальнаго развитiя и преуспѣянiя.

Границами круга дѣйствiй земской волости и прихода опредѣляются ихъ взаимныя отношенiя другъ къ другу и общiя черты ихъ организацiи. Съ образованiемъ церковно-земскаго прихода компетенцiя сельской общины должна быть значительно сужена, особенно при реформѣ крестьянскаго законодательства относительно общиннаго землевладѣнiя. Съ отведенiемъ крестьянамъ земельныхъ участковъ въ вѣчное и неотъемлемое пользованiе, общинники, т.-е. участники въ общемъ владѣнiи земли, отошедшей извѣстному обществу по выкупнымъ актамъ и владѣннымъ записямъ, будутъ относиться другъ къ другу какъ участники въ общемъ правѣ собственности и могутъ имѣть сходы, совѣщанiя и принимать рѣшенiя, напримѣръ, относительно сооруженiй, орошенiя, осушенiя болотъ и т. п. Но всѣ общественныя и хозяйственныя дѣла (помимо этихъ дѣлъ, относящихся къ области гражданскаго права, а не публичнаго) должны рѣшаться на приходскихъ собранiяхъ. Подобное раздѣленiе функцiй, относящихся къ государственному праву, отъ функцiй, относящихся къ гражданскому праву, мы видѣли въ Швейцарiи, гдѣ существуютъ сходки общинниковъ, какъ участниковъ общаго права собственности, и муниципальный совѣтъ, въ которомъ участвуютъ всѣ граждане. Что касается организацiи волостныхъ собранiй, то право участiя и

право голоса въ нихъ должны опредѣляться по общимъ началамъ имущественнаго представительства: обыватели должны дѣлиться на разряды крупныхъ, среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ и имѣть голосъ сообразно съ своимъ имущественнымъ положеніемъ, напримѣръ: первый разрядъ долженъ имѣть одну треть голосовъ, второй другую треть и третій третью. Какъ мы сказали, къ земскимъ волостямъ должны быть отнесены дѣла, по преимуществу носящія земскій характеръ, къ компетенціи приходской должны быть отнесены дѣла, носящія преимущественно характеръ церковный и нравственно-общественный. Въ виду этого нецѣлесообразно и неумѣстно было бы даровать право голоса прихожанамъ на основаніи различія ихъ имущественнаго ценза. Если обязанности церковно-приходской общины должны носить по преимуществу нравственно-общественный характеръ, то такъ какъ всѣ христіане должны считаться равными предъ Богомъ, они должны имѣть равныя права для служенія Божьему дѣлу. Нравственныя обязаности, съ другой стороны, суть такія обязанности, которымъ долженъ быть чуждъ элементъ обязательности и принудительности: иначе учрежденіе, оберегающее и нормирующее ихъ, выродится въ офиціальное и принудительное, какъ это мы видимъ въ англійскомъ приходѣ до реформъ 1894 года. Конечно, есть такіе предметы, которые можно сдѣлать и для прихода обязательными, напримѣръ: содержаніе причта, кладбищъ, пріобрѣтеніе предметовъ для нуждъ богослуженія и содержаніе немощныхъ и безпомощныхъ; расходы на эти предметы должно раскладывать по общей земской оцѣнкѣ по доходности имуществъ. Но останется много предметовъ, которые нельзя сдѣлать обязательными для всѣхъ прихожанъ, а нужно предоставить ихъ доброй волѣ желающимъ участвовать въ общемъ дѣлѣ. Напримѣръ, нѣкоторые прихожане пожелали бы учредить въ приходѣ общество потребителей для снабженія членовъ прихода предметами необходимости; другіе пожелали бы организовать вмѣстѣ съ тѣмъ оптовую закупку сырья для обработки живущихъ въ приходѣ кустарей, третьи учредить рабочія артели и ссудныя кассы для помощи малоимущимъ прихожанамъ. Привлеченіе къ этимъ полезнымъ предпріятіямъ всѣхъ гражданъ прихода съ обложеніемъ ихъ обязатель-

нымъ налогомъ для подобныхъ цѣлей, было бы нарушеніемъ христіанскихъ началъ. „Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось?“ говорилъ апостолъ одному члену первой христіанской общины (Дѣянія V, 4). Пусть подобныя благія предпріятія будутъ предоставлены доброй волѣ прихожанъ, желающихъ въ нихъ участвовать и нести расходы. Значеніе прихода, какъ нравственно-общественнаго союза, этимъ нисколько не будетъ умаляться: приходъ будетъ поощрять къ возникновенію подобныхъ свободныхъ ассоціацій, къ которымъ болѣе всего подходитъ наименованіе „братствъ“.

Несомнѣнно, что съ понятіемъ „прихода“ связанъ вопросъ объ отношеніяхъ священника и духовенства къ свѣтской христіанской общинѣ мірянъ. Никто не станетъ отвергать значенія и власти клира въ дѣлахъ богослужебныхъ, какъ основанныхъ на канонѣ; но и участіе священника и клира въ дѣлахъ нравственно-общественныхъ не только допустимо, но и желательно, но при условіи равнаго по правамъ участія священника на ряду съ прочими прихожанами, и даже, какъ primus inter pares. Говоря это, мы желаемъ не умалить, а возвысить значеніе духовенства, придать ему ту внутреннюю силу, тотъ нравственный авторитетъ, который такъ ему необходимъ для общественно-нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ. Требованія особаго привилегированнаго положенія для клира въ дѣлахъ гражданскихъ или земскихъ приходской общины, требованія эти исходятъ отъ лицъ, не имѣющихъ истиннаго представленія объ отношеніяхъ церковной іерархіи къ христіанской общинѣ. Христіанство не должно быть учрежденіемъ храмовымъ: вѣра и молитва безъ дѣлъ мертва. Оно должно переходить и за предѣлы храма, входить въ общественную жизнь, воздѣйствовать на нее и совершенствовать. Даже въ дѣлахъ церковныхъ православная Церковь рекомендуетъ доброе согласіе между іерархіей и міромъ [1]. Но тамъ, гдѣ христіанскія истины переходятъ изъ храма въ жизнь, воздѣйствуютъ на общество, видоизмѣняютъ его и даютъ достойные плоды, т.-е. въ дѣлахъ мірскихъ, оружіемъ священника остается духовный мечъ: примѣръ, убѣжденіе,

---

[1]) Н. П. Аксаковъ. „Духа не угашайте“. С.-Петербургъ, 1895 г.

а не привилегія. Церковно-приходская община должна быть сліяніемъ христіанской души и тѣла, облеченіемъ первой плотью и кровью Христа.

Въ ст. 178 общаго о кр. положенія говорится, что „крестьянскія общества могутъ, смотря по своимъ средствамъ, установлять мірскіе сборы на устройство и поддержаніе церквей и заведеніе сельскихъ училищъ“. Прекрасныя слова закона, но думаемъ, что слова „крестьянскія общества“ правильнѣе будетъ замѣнить словами „христіанскія общества“, ибо и филологическими изслѣдованіями доказано, что слово „крестьянинъ“ есть испорченное слово „христіанинъ“. Будемъ же надѣяться, что эта порча, проникшая въ нашъ общественный бытъ и даже въ самый языкъ, въ скоромъ времени исправится и возстановится самое слово и его духъ. Будемъ надѣяться, что приходскія общины будутъ заботиться о добромъ дѣлѣ устройства и поддержанія церквей, но также и о томъ, чтобы, по слову апостола, „какъ живые камни устроить изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Іисусомъ Христомъ“ (I Петра II, 5).

ГЛАВА VI.

Объ организаціи народнаго кредита.

Московская губернская земская управа, поставивъ на очередь вопросъ объ организаціи мелкаго кредита сельскому населенію, сочла необходимымъ собрать фактическій матеріалъ для освѣщенія этого вопроса. Этотъ матеріалъ собранъ относительно Московской губерніи—о размѣрахъ, цѣляхъ и условіяхъ, практикуемыхъ въ настоящее время сельскимъ населеніемъ этой губерніи видовъ кредита. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернская управа сочла необходимымъ при посредствѣ своего экономическаго бюро собрать свѣдѣнія объ устройствѣ земскаго кредита въ другихъ губерніяхъ. Результаты изслѣдованій добыты и приведены въ систему не только по одной губерніи Московской, но и собраны общія свѣдѣнія относительно состоянія мелкаго кредита сельскому населенію во всѣхъ губерніяхъ, за исключеніемъ ея окраинъ: Западнаго

края, Кавказскихъ, Астраханской губерній и другихъ, относительно которыхъ свѣдѣній не получено.

Свѣдѣнія, собранныя по Московской губерніи, даютъ основанія для слѣдующихъ выводовъ: кредитъ въ крестьянской средѣ пользуется большимъ распространеніемъ, хотя кредитуется не все крестьянское населеніе. Крестьяне относительно потребности въ кредитѣ могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: а) зажиточные хозяева, которые имѣютъ достаточно средствъ на пополненіе частной убыли въ хозяйствѣ и къ кредиту поэтому не обращаются; б) средне-хозяйственные, которые, не имѣя излишковъ, не могутъ обойтись безъ помощи со стороны; в) бѣдные, хозяйства которыхъ не всегда достаточныя въ количественномъ отношеніи и неудовлетворенныя преимущественно съ качественной стороны, требуютъ частыхъ расходовъ на свое поддержаніе, и такъ какъ необходимыхъ для этого рессурсовъ ни въ одной изъ своихъ отраслей не имѣютъ, то очень часто нуждаются въ притокѣ средствъ извнѣ (къ этой категоріи относится большинство крестьянъ); г) бѣднѣйшіе, безхозяйные, составляющіе классъ сельскихъ пролетаріевъ: вмѣстѣ съ утратою имущественной кредитоспособности, представители этой категоріи теряютъ и довѣріе; такъ какъ имъ заложить нечего, то, очевидно, для нихъ нѣтъ возможности дѣлать займы. Кредитуются такимъ образомъ крестьяне второй и чаще третьей категоріи. Условія кредита для тѣхъ и другихъ различны, въ зависимости отъ степени напряженности и нужды въ займахъ, а также отъ различія въ степени соединеннаго съ ссудою риска для заимодавца. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ сообщеній корреспондентовъ, по полугодичнымъ, въ большинствѣ случаевъ, займамъ высота процента не опускается ниже 10 или 20% въ годъ. Дороговизна крестьянскаго кредита можетъ служить вѣрнымъ показателемъ степени переживаемой нужды. Кредитъ иногда оплачивается 30, 40, 60, 100 и даже 200 и 300% и принимается, очевидно, людьми, которые находятся въ безвыходномъ положеніи. Заимодавецъ, давая ссуду изъ такихъ громадныхъ процентовъ, прекрасно понимаетъ невозможность для заемщика оправдать свои долговыя обязательства; но ему и не нужно уплаты, для него важно въ лицѣ несостоятельнаго плательщика имѣть подъ руками дешеваго рабочаго

или такое лицо, у котораго можно пользоваться въ счетъ уплаты процентовъ по кредиту или отводомъ лѣса и долею хорошаго покоса или полоскою пашни; такимъ путемъ онъ извлекаетъ отъ заемщика большую пользу, чѣмъ если бы онъ своевременно получилъ уплату по кредиту. Проценты по займамъ взимаются иногда косвеннымъ путемъ: уменьшается, напримѣръ, заработная плата въ тѣхъ случаяхъ, когда заимодавцемъ является работодатель, отпускается товаръ худшаго качества и по повышенной цѣнѣ сравнительно съ отпускомъ за наличныя деньги и пр. Время займовъ зависитъ отъ предметовъ нужды, но большая часть займовъ совершается весною, когда является надобность въ обсѣмененіи полей, въ покупкѣ лошади для пахоты; къ веснѣ же пріурочивается, обыкновенно и съемка покосовъ. Въ большинствѣ случаевъ, расплата производится осенью, по уборкѣ хлѣба съ полей. Кустари чаще всего получаютъ матеріалы и предметы продовольствія отъ скупщиковъ, которымъ сбываютъ свои произведенія и расплачиваются изъ выручки отъ продажи продуктовъ производства, т.-е. въ сроки, опредѣляемые промежуткомъ времени отъ „рынка до рынка“.

Займы практикуются и сельскими обществами; общее количество общественныхъ займовъ, зарегистрованныхъ изслѣдователями 1876 и 1878 гг., равняется 1.247 на сумму 281.540 р.; $^5/_6$ всѣхъ общественныхъ займовъ произведены на уплату казенныхъ повинностей и недоимокъ и $^1/_6$ часть приходится на займы съ различными другими цѣлями. Среди послѣднихъ первое мѣсто принадлежитъ займамъ на покупку сѣмянъ для посѣва, далѣе слѣдуютъ займы на аренду угодій и затѣмъ уже другія мелкія категоріи. По размѣрамъ займы простираются отъ нѣсколькихъ десятковъ рублей до 1.000 и болѣе рублей; большая часть на сумму 100—250 р. Продолжительность сроковъ займовъ 1—12 мѣсяцевъ; высота процента по займамъ колеблется отъ 5 до 312 годовыхъ. Главная масса займовъ (болѣе 80%) приходится на группы, высотою % отъ 10 до 60. Сообщенія корреспондентовъ 1885—1889 гг. и 1897 года, касаясь какъ общественныхъ займовъ, такъ и условій кредита отдѣльныхъ крестьянъ, констатируютъ наличность одинаковыхъ явленій въ разсматриваемой области экономической жизни крестьянъ.

Существующій въ селахъ кулаческій кредитъ, являющійся по вызову тяжелой нужды и подъ видомъ помощи, увеличивающій на самомъ дѣлѣ размѣръ этой нужды, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду условій, содѣйствующихъ послѣдовательному переходу крестьянскихъ хозяйствъ изъ одной категоріи въ другую, болѣе слабую, до состоянія полнаго упадка и увеличенію этимъ путемъ численности сельскаго пролетаріата. Дѣятельность правильно организованныхъ кредитныхъ учрежденій, несомнѣнно, можетъ ослабить вліяніе кулаческаго кредита въ деревнѣ, и даже съ одной только этой стороны является весьма желательною мѣрою въ общей системѣ предпріятій, клонящихся къ улучшенію экономическаго быта крестьянъ.

Представляется умѣстнымъ остановиться болѣе или менѣе подробно на обзорѣ того, что до настоящаго времени сдѣлано для обезпеченія населенія правильно организованнымъ кредитомъ какъ земствами Московской, такъ и другихъ губерній. Старѣйшими по времени возникновенія кредитными учрежденіями являются вспомогательныя кассы, которыя своимъ устройствомъ обязаны Министерству Государственныхъ Имуществъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи значительный хозяйственный капиталъ, Министерство нашло нужнымъ употребить этотъ капиталъ для устройства кредитныхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Въ 1840 году Министерствомъ было утверждено положеніе о сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассахъ, при чемъ назначеніемъ первыхъ было принимать вклады на храненіе, а назначеніемъ вторыхъ—выдавать ссуды нуждающимся въ нихъ крестьянамъ, почему какъ тѣ, такъ и другія устраивались большею частью при однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ. Ссуды выдавались за поручительствомъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлымъ обществамъ: по ссудамъ взимается 6% годовыхъ. Въ 1867 году государственные крестьяне перешли въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ дѣлъ, а съ ними вмѣстѣ и принадлежащіе имъ какъ мірскіе капиталы, такъ и кассы, при чемъ послѣднія поступили подъ надзоръ мировыхъ посредниковъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. По собраннымъ въ 1897 году московскою губернскою земскою управою свѣдѣніямъ, вспомогательныя кассы въ Москов-

ской губерніи считаются существующими при 33 волостяхъ. Займы въ кассахъ производятся, въ большинствѣ случаевъ, на постройку домовъ и покупку скота. Срокъ для ссудъ, въ большинствѣ случаевъ, не выходитъ изъ предѣловъ 1—12 мѣсяцевъ; возвращаются ссуды неисправно; причины неисправности коренятся, по мнѣнію волостныхъ правленій, въ обѣднѣніи заемщиковъ. Капиталъ кассъ въ 1897 году считался: въ ссудахъ 59.255 р., въ наличности 5.501 р. Степень неисправности уплаты по просроченнымъ ссудамъ различна. Такъ, по свѣдѣніямъ одного волостного правленія, „по ссудамъ 1862 года не поступило и процентовъ“; по свѣдѣніямъ другого, ежегодно поступаетъ $^1/_{10}$ занятаго капитала и процентовъ по день платежа. Что касается остальныхъ кассъ, то можно предположить, что всѣ онѣ, и въ особенности 9 изъ нихъ, продолжаютъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ продолжать свою дѣятельность и въ настоящее время.

Съ 1871 года, по иниціативѣ земства, возникаютъ въ Московской губерніи кредитныя учрежденія типа нѣмецкихъ ссудосберегательныхъ товариществъ на началахъ взаимности. Но еще ранѣе этого подобныя товарищества стали открываться въ другихъ губерніяхъ: однимъ изъ иниціаторовъ этого дѣла въ Россіи явился помѣщикъ г. Лугининъ въ Костромской губерніи, основавшій въ своемъ имѣніи, въ селѣ-Дороватовѣ, Ветлужскаго уѣзда, первое ссудосберегательное товарищество. Это такъ называемое Рождественское товарищество, по имени волости, послужило образцомъ для цѣлой сѣти такихъ учрежденій въ Россіи. Новгородское губернское земство прежде другихъ задалось вопросомъ практическаго осуществленія идеи Шульце-Делича, основателя ссудосберегательныхъ товариществъ въ Германіи; земское собраніе одобрило предложеніе управы оказывать содѣйствіе учрежденію ссудосберегательныхъ товариществъ по образцу Рождественскаго и постановило отчислить 14 т. р. на выдачу первоначальныхъ пособій образующимся товариществамъ, не менѣе 1.000 руб. каждому. Примѣру новгородскаго земства послѣдовали многія другія земства въ Россіи: земскія учрежденія, поддерживаемыя въ своихъ стремленіяхъ правительственными органами, въ 70 годахъ энергично пропагандируютъ основанія кооперативныхъ учрежденій на началахъ взаимо-

помощи. При посредствѣ общей суммы пособій въ размѣрѣ 437.000 р., ассигнованныхъ 67 земствами, образовались 416 товариществъ. Но подъ вліяніемъ опыта нѣкоторыя земства пришли къ заключенію, что товарищества въ той формѣ, въ которой существуютъ, могутъ приносить пользу лишь домохозяевамъ средняго достатка; удовлетворять же потребностямъ въ кредитѣ бѣднымъ домохозяевамъ они по самымъ основаніямъ своимъ не въ состояніи. Обнаружилось неисправное поступленіе по выданнымъ товариществамъ ссудамъ: въ Московской губерніи изъ 23 товариществъ, получившихъ ссуды отъ земства, расплатились по этимъ ссудамъ 5, въ томъ числѣ 2 прекратили свои дѣйствія; остаются въ настоящее время должными, но исправно погашающими ссуды, 4; остальныя 14 товариществъ ликвидировали дѣла; ведутъ дѣло болѣе или менѣе успѣшно 7 ссудосберегательныхъ товариществъ. Изъ нихъ 6 товариществъ (свѣдѣній относительно седьмого не доставлено) имѣли 1.411 членовъ, изъ которыхъ воспользовались кредитомъ въ дѣйствительности 1.261 ч. на общую сумму 166.665 р. или въ среднемъ на каждаго заемщика по 132 р. Общій капиталъ, которымъ располагали для своихъ оборотовъ означенныя товарищества въ 1895 году, опредѣлялся цифрою 144.505 р. 75 к. Въ 1896 году состоялось постановленіе московскаго губернскаго собранія: 1) о перечисленіи долговъ губернскому земству несостоятельныхъ 14 товариществъ на счетъ уѣздныхъ земствъ, подъ поручительство которыхъ выдавались ссуды, и 2) о пріостановленіи дѣятельности по выдачѣ ссудъ вновь образующимся товариществамъ.

Вмѣстѣ съ этою дѣятельностью московскаго земства по учрежденію ссудосберегательныхъ товариществъ продолжаютъ существовать спеціальные кредиты. Такъ, выдаются сельскимъ обществамъ ссуды на покупку земли, отпускаются крестьянамъ губернскою управою за отвѣтственностью уѣздныхъ земствъ въ долгосрочный безпроцентный кредитъ сложныя сельскохозяйственныя машины и въ безпроцентный же, но краткосрочный кредитъ сѣмена клевера и тимоѳеевки на первый посѣвъ при заведеніи правильнаго травосѣянія; наконецъ, часть оборотныхъ средствъ кустарнаго музея используется на авансовыя выдачи, на закупку матеріала кустарямъ, преимущественно, впрочемъ, въ тѣхъ промыслахъ, ко-

торые обнимаются существующею кустарною организацiею. Кромѣ того, выдаются губернскимъ земствомъ сельскимъ обществамъ кредиты на постройку школъ, на вырытiе прудовъ и колодцевъ, на покупку пожарныхъ трубъ. Въ такихъ спецiальныхъ видахъ кредита дѣятельность земства идетъ успѣшно, и ссуды возвращаются исправно.

Московская губернская управа при посредствѣ своего экономическаго бюро собирала свѣдѣнiя объ устройствѣ земскаго кредита въ другихъ губернiяхъ, гдѣ земскiя кредитныя операцiи получили практическое примѣненiе. Изъ свѣдѣнiй оказывается, что наиболѣе широкая постановка дана дѣлу въ сумскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ существуетъ уже съ 1887 года земскiй сельскохозяйственный банкъ, изъ котораго выдаются краткосрочныя и долгосрочныя ссуды какъ отдѣльнымъ хозяевамъ въ размѣрѣ не свыше 300 руб. такъ и цѣлымъ обществамъ въ размѣрѣ до 3.000 руб. Отдѣльнымъ домохозяевамъ ссуды могутъ быть выдаваемы или по соображенiю съ личною и имущественною кредитоспособностью, удостовѣренною мѣстными попечителями, или за поручительствомъ. Сельскимъ обществамъ ссуды выдаются подъ приговоры сельскаго схода за отвѣтственностью всѣхъ членовъ общества по круговой порукѣ въ исправной уплатѣ. Въ 1896 году всѣхъ ссудъ было выдано 2.857 отдѣльнымъ домохозяевамъ на сумму 59.206 р. и 20 сельскимъ обществамъ на сумму 4.545 р. Этотъ банкъ, какъ и по всему практически примѣнимому уставу и по успѣшности операцiй заслуживаетъ особаго вниманiя. Въ Пермской губернiи съ 1894 года дѣйствуетъ земскiй кустарно-промышленный банкъ. Ссуды изъ него выдаются отдѣльнымъ лицамъ, артелямъ и торговымъ складамъ, занимающимся кустарнымъ промысломъ. Въ 1896 году было вновь разрѣшено ссудъ на сумму 141.736 р. 29 к. Наконецъ, вятскимъ губернскимъ земскимъ собранiемъ въ 1897 году былъ утвержденъ проектъ устава земскаго кустарнохозяйственнаго банка, задачею котораго ставится доставленiе земскаго доступнаго кредита мѣстному населенiю и объединенiе всѣхъ кредитныхъ операцiй вятскаго губернскаго земства, имѣющихъ вышеупомянутую общую цѣль. Уставъ этого банка еще не получилъ утвержденiя правительства, и банкъ своей дѣя-

тельности еще не начиналъ. Этимъ исчерпываются всѣ земскія мѣропріятія по устройству банковъ; въ другихъ земствахъ существуетъ только организація по выдачѣ ссудъ на пріобрѣтеніе лошадей; эта операція получила наибольшее развитіе въ вятскомъ губернскомъ земствѣ: опыты этого рода сдѣланы были такъ же казанскимъ и симбирскимъ губернскими земствами, буинскимъ, кузнецкимъ и тверскимъ уѣздными. Выдача ссудъ подъ залогъ хлѣба практикуется съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и уѣздными земствами — крестецкимъ, уржумскимъ и александрійскимъ.

Московская губернская земская управа пришла къ убѣжденію, что организація общаго кредита представляется еще преждевременною, что дѣло это, несомнѣнно, очень сложное и рискованное. Главное препятствіе, по мнѣнію управы, заключается въ отсутствіи какой-нибудь организаціи на мѣстахъ, а безъ нея невозможно какъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ссуды были выдаваемы дѣйствительно въ нихъ нуждающимся и могущимъ употребить ихъ производительно, такъ и наблюдать за исправнымъ возвратомъ ссудъ. Можно опасаться, что ссуды нерѣдко будутъ выдаваемы мелкимъ ростовщикамъ и послужатъ еще къ большему закабаленію нуждающейся части населенія, а съ другой стороны, что выданныя въ ссуду деньги будутъ при отсутствіи наблюденія на мѣстѣ возвращаться неисправно; приглашеніе же платныхъ агентовъ потребуетъ такихъ расходовъ, которыхъ будетъ не въ состояніи вынести кредитное учрежденіе. Такимъ образомъ устройство мѣстныхъ мелкихъ земскихъ единицъ должно необходимо предшествовать организаціи мелкаго кредитнаго банка. Гораздо болѣе осторожнымъ, по мнѣнію управы, было бы идти по тому пути, по которому до сихъ поръ шло московское губернское земство, т.-е. постепенно расширять кругъ объектовъ, на которыхъ распространяется кредитъ земства, и на первую очередь поставить два вида кредита, т.-е. кредитъ подъ хлѣбъ и на покупку скота, а за симъ должна слѣдовать организація кустарнаго кредита.

Въ очередную сессію 1898 года московское губернское земское собраніе постановило: признать, что вопросъ объ организаціи мелкаго земскаго кредита является пока преждевременнымъ, и что разрѣшенію его должно предшествовать

устройство мѣстныхъ экономическихъ земскихъ попечительствъ, и поручить управѣ приступить къ разработкѣ вопроса объ организаціи кредитовъ подъ залогъ хлѣба и на покупку скота. Губернская управа представила собранію по этому предмету докладъ. Ближайшими источниками оборотныхъ средствъ для этихъ кредитныхъ операцій, прежде всего, по мнѣнію губернской управы, могли бы служить продовольственные капиталы; но необходимо имѣть и дополнительный источникъ, и такимъ источникомъ можетъ быть кредитъ государственнаго банка, который, какъ извѣстно, открывается земствомъ на основаніяхъ утвержденныхъ 2 августа 1896 года правилъ. Распредѣлить указанные источники слѣдовало бы такимъ образомъ, чтобы ссуды подъ залогъ хлѣба выдавались исключительно за счетъ посредническаго кредита въ государственномъ банкѣ, а средства продовольственныхъ капиталовъ могли бы быть употребляемы для выдачи ссудъ на покупку скота. Изъ приводимыхъ управою свѣдѣній о состояніи крестьянскаго скотовладѣнія за 1897 годъ оказывается, что въ этомъ году въ Московской губерніи крестьянскихъ хозяйствъ было: а) безъ скота 50.674, или 23% по отношенію къ общему числу хозяйствъ, б) не имѣющихъ лошадей 87.481, или 40% и в) не имѣющихъ коровъ 56.626, или 26%. Эти цифры убѣдительно представляютъ выраженіе существующей въ настоящее время весьма значительной нужды, какъ что становится очевиднымъ, что для удовлетворенія такой нужды во всѣхъ уѣздахъ губерніи средствъ одного губернскаго продовольственнаго капитала будетъ недостаточно, и самъ собою является вопросъ, нельзя ли привлечь для сказанной цѣли также и общественные (т.-е. сельскихъ обществъ) продовольственные капиталы. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ управѣ, видно, что наличность общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ на 1 января 1898 года опредѣляется значительною суммою 899.128 р. 70 к. На этихъ основаніяхъ губернская управа полагаетъ, что слѣдуетъ возбудить ходатайство предъ правительствомъ о позаимствованіи изъ губернскаго продовольственнаго капитала 100.000 р. въ кредитъ на покупку скота, а уѣзднымъ земствамъ возбудить ходатайства предъ правительствомъ о раз-

рѣшеніи позаимствованій для этой же цѣли изъ мѣстныхъ общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ.

Слѣдующими вопросами, поставленными управою, являются вопросы о томъ, какія, для какихъ цѣлей и на какихъ условіяхъ должны быть выдаваемы ссуды. Вопросы эти управа разсматриваетъ для каждаго рода кредита отдѣльно. Желательность организованнаго земскаго кредита подъ залогъ хлѣба, по мнѣнію управы, вызывается устанавливаемымъ по произволу мѣстныхъ торговцевъ - скупщиковъ положеніемъ мѣстныхъ рынковъ по пріобрѣтенію и сбыту зерна. Нерѣдко бываетъ, что крестьяне весною покупаютъ у мѣстныхъ торговцевъ зерно по цѣнамъ вдвое больше тѣхъ, по которымъ они же сами продавали то же зерно осенью. Съ устройствомъ земскаго кредита условія купли-продажи зерна, несомнѣнно, измѣнятся къ лучшему для крестьянъ, а это, само собою понятно, несомнѣнно, должно будетъ въ той или иной мѣрѣ благопріятно отразиться на общемъ строѣ крестьянскихъ хозяйствъ. Хотя предполагаемая организація кредита подъ хлѣбъ должна имѣть, конечно, задачею оказать содѣйствіе крестьянскимъ хозяйствамъ на надѣльныхъ земляхъ, но нельзя же, однако, не высказаться также за желательность посильной помощи въ этомъ отношеніи и мелкимъ землевладѣльцамъ. По отношенію къ крестьянамъ, по мнѣнію управы, ссуды могли бы быть выдаваемы какъ цѣлымъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ. Размѣръ ссудъ могъ быть опредѣленъ въ 80% стоимости зерна по мѣстнымъ рыночнымъ цѣнамъ; такъ какъ за кредитомъ будутъ обращаться крестьяне малосостоятельные, которымъ главнымъ образомъ и предполагается помощь устройствомъ кредита, такъ какъ для нихъ, по недостатку денежныхъ оборотныхъ средствъ въ ихъ хозяйствахъ, весьма важно возможно полнѣе реализировать свое зерно. Наиболѣе сложнымъ представляется вопросъ о храненіи залоговыхъ сѣмянъ; самымъ дешевымъ для залогодателя способомъ храненія зерна является, конечно, храненіе въ его собственномъ помѣщеніи. Но этотъ способъ представляется неудобнымъ въ отношеніи надзора за цѣлостью зерна. Въ этомъ-то отношеніи, по нашему мнѣнію, это неудобство исчезло бы, если бы надзоръ этотъ можно было поручить органамъ мелкихъ земскихъ

единицъ, которые бы жили и проявляли дѣятельность на мѣстахъ въ земскихъ волостяхъ и приходахъ. Остается, слѣдовательно, храненіе въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ съ наймомъ отдѣльныхъ амбаровъ и отдѣльныхъ агентовъ по надзору, что, несомнѣнно, должно значительно увеличить издержки по залогу.

Относительно второго рода кредита — на покупку скота, управа полагаетъ, что ссуды могутъ быть выдаваемы какъ на покупку лошадей, такъ и на покупку рогатаго скота. Правда, для крестьянскаго хозяйства лошадь больше необходима, чѣмъ корова, а потому предпочтительно ссуды должно было бы выдавать для пріобрѣтенія лошадей, тѣмъ не менѣе едва ли слѣдуетъ исключать кредитъ и на покупку коровъ, въ особенности же для многосемейныхъ крестьянъ, такъ какъ корова служитъ весьма значительнымъ по своей цѣнности источникомъ питанія для семьи, и при ея наличности продовольствіе семьи отвлекаетъ значительно меньшую часть заработка, а тѣмъ самымъ наиболѣе обезпечивается возможность удовлетворенія остальныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Прибавимъ къ этому, что рогатый скотъ служитъ лучшимъ удобрительнымъ матеріаломъ, что весьма важно въ смыслѣ поднятія производительности почвы въ Россіи. Ссуды должны быть выдаваемы на срокъ не свыше 3 лѣтъ на покупку лошадей и коровъ и двухъ лѣтъ на пріобрѣтеніе племенныхъ бычковъ. Самымъ труднымъ вопросомъ, по мнѣнію управы, является вопросъ объ обезпеченіи возврата ссудъ. Правильное разрѣшеніе получилъ бы онъ въ томъ случаѣ, если бы открылась возможность организовать экономическія попечительства. Эти послѣднія въ такомъ случаѣ могли бы съ успѣхомъ какъ давать свѣдѣнія о нравственной благонадежности и экономической кредитоспособности заемщика, такъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы купленныя животныя не были отчуждаемы, и чтобы срочные платежи поступали исправно. Но пока такихъ органовъ не существуетъ, единственною гарантіею уплаты можетъ служить поручительство. Отыскать же благонадежнаго поручителя для малосостоятельнаго крестьянина вещь очень затруднительная, и такое поручительство очень часто должно само обходиться просителю дорого. Что касается вопроса, какъ отнесется

правительство къ возбуждаемымъ земствомъ вопросамъ о ходатайствѣ предъ нимъ о позаимствованіяхъ изъ продовольственнаго капитала для выдачи ссудъ на покупку скота, то мы по этому предмету свѣдѣній не имѣемъ.

Въ началѣ своей статьи мы упомянули о томъ, что московская губернская земская управа внесла докладъ объ организаціи мѣстныхъ попечительствъ для проведенія экономическихъ предпріятій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были бы и попечительствами по общественному призрѣнію. 25 января сего 1900 года губернское земское собраніе приняло докладъ управы и постановило [1]: 1) имѣющіе быть созданными по проекту Мин. Внутр. дѣлъ мѣстные органы общественнаго призрѣнія могутъ быть съ пользою для дѣла и мѣстными земскими экономическими органами. 2) Предположенные мѣстные органы общественнаго призрѣнія въ видѣ участковыхъ попечительствъ, удовлетворяютъ интересамъ той организаціи, которая потребна въ цѣляхъ экономическихъ. 3) По отдѣлу экономическихъ предпріятій, на попечительствахъ должно лежать содѣйствіе земскимъ управамъ въ дѣлѣ осуществленія различныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію быта населенія. 4) Въ кругъ обязанностей попечительствъ входитъ между прочимъ распредѣленіе выдаваемыхъ чрезъ посредство уѣздныхъ управъ пособій и ссудъ и наблюденіе за правильнымъ ихъ употребленіемъ и за исправнымъ возвратомъ ссудъ, а также исполненіе различныхъ порученій земскихъ управъ по экономической части. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе постановило организовать участковыя попечительства слѣдующимъ образомъ: во главѣ каждаго попечительства долженъ находиться попечитель, избираемый на опредѣленный срокъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. По соглашенію съ попечителемъ земскою управою приглашается товарищъ попечителя и совѣтъ попечительства. Имъ въ помощь попечитель можетъ приглашать сотрудниковъ.

Итакъ, по постановленію московскаго губернскаго земскаго собранія, предполагается, вмѣсто проектируемыхъ нами самостоятельныхъ корпоративныхъ единицъ — земскихъ во-

---

[1] „Русскія Вѣдомости" 1900 г. № 25.

лостей и приходовъ, образовать участковыя попечительства въ уѣздахъ. Разница между тѣмъ, что мы говоримъ, и тѣмъ, что проектируетъ московское земство, довольно существенная и эта разница прежде всего отражается на томъ предметѣ, которымъ мы въ настоящей главѣ заняты,—на вопросѣ объ организаціи народнаго кредита. Дѣло въ томъ, что земскіе волости и приходы, о которыхъ мы говоримъ, должны быть самостоятельными юридическими лицами, или корпораціями, надѣленными не только государственными, но и гражданскими правами, какъ и сами земства и городскія думы,—правомъ пріобрѣтать на свое имя недвижимыя и движимыя имущества и выдавать долговыя обязательства для полученія кредита на свое имя и для своихъ цѣлей. По проекту московскаго земства эти участковыя попечительства никакихъ самостоятельныхъ гражданскихъ правъ не имѣютъ, и будутъ только агентами уѣздныхъ земствъ. Въ Англіи и Франціи, какъ мы видѣли, графства и департаменты суть юридическія лица, но ниже ихъ стоятъ въ извѣстной мѣрѣ имъ подчиненные, но, съ другой стороны, имѣющіе свои самостоятельныя гражданскія права, сельскіе округа и приходы въ Англіи, коммуны во Франціи. Представимъ себѣ, что будутъ организованы земскіе волости и приходы; каждая волость или приходъ признаютъ, положимъ, за благо закупить сырые матеріалы по выгодной цѣнѣ оптомъ, а не врозницу и притомъ въ кредитъ, чтобы отдавать это сырье для переработки членамъ своей волости или прихода. Когда эти земскія единицы будутъ обладать гражданскими правами, онѣ могутъ выдавать долговыя обязательства, которымъ посторонніе лица будутъ вѣрить, не вѣря отдѣльному, неизвѣстному имъ кустарю. Но кредитоспособная сила этого обязательства удвоится и утроится, если, положимъ, губернское земство будетъ производить закупку сырья отъ себя, передавать матеріалъ уѣзднымъ земствамъ, а тѣ передадутъ ихъ земской волости или приходу; тогда губернское земство можетъ выдать долговое обязательство за поручительствомъ уѣзднаго земства, уѣздное земство—за поручительствомъ волости, а волость—прихода. Извѣстно, что въ коммерческомъ мірѣ векселя тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ болѣе они снабжены по-

ручительными или бланковыми надписями; то же повторится и въ данномъ случаѣ.

Извѣстно изъ политической экономіи, какая великая сила кредитъ. Многіе ученые убѣждены, что правильно организованный кредитъ будетъ служить тѣмъ мостомъ между богатствомъ и бѣдностью, по которому богатства перельются отъ состоятельныхъ лицъ къ бѣднымъ, имѣющимъ руки, но не имѣющимъ капиталовъ. Несомнѣнно, что это такъ, что капиталы накопляются у богатыхъ, которые часто сами не знаютъ, куда ихъ помѣщать. Вкладчики и посредники ихъ, банки, нуждаются прежде всего въ удостовѣреніи въ томъ, что ихъ вклады не пойдутъ на непроизводительное употребленіе и не будутъ растрачены. Такую достовѣрность для вкладчиковъ и ручательство, съ одной стороны, можетъ дать государство, а съ другой — земскія корпораціи; если эти корпораціи будутъ организованы концентрическими кругами, съ одной стороны, съ подчиненіемъ низшихъ корпоративныхъ единицъ высшимъ и съ сохраненіемъ за каждымъ изъ нихъ извѣстной доли гражданской отвѣтственности, то высшія единицы будутъ питать довѣріе къ низшимъ и, основываясь на этомъ довѣріи, ручаться предъ посторонними лицами за цѣлость ввѣренныхъ имъ послѣдними капиталовъ. Мѣстные же органы, волости и приходы, одни только могутъ знать, какое производительное употребленіе дать этимъ капиталамъ, какая отрасль производства требуетъ цѣлесообразнаго занятія свободныхъ рукъ. Они взвѣсятъ при этомъ положеніе мѣстнаго рынка, сообразятъ, какіе товары легче могутъ быть сбытыми, кому можно оказать кредитъ подъ залогъ, кому безъ залога, основываясь на его имущественной состоятельности, и, наконецъ, и безъ всякаго имущественнаго обезпеченія, основываясь на довѣріи къ честности и трудолюбію бѣдняка. Кредитъ подъ залогъ вещи или имущества есть палліатива, которая можетъ помочь только тому, кто и безъ того кое-что уже имѣетъ; наши торговые банки вѣрятъ вещи, а не лицу: какъ бы человѣкъ ни былъ способенъ, дѣятеленъ и добросовѣстенъ, ему въ торговомъ мірѣ не окажутъ кредита, если у него нѣтъ видимаго, реальнаго имущества, т.-е. денегъ или товаровъ; современная жизнь не вѣритъ лицу, таланту, труду, а

вѣритъ мертвой вещи—товару или золоту. Русскій же простой народъ знаетъ другую форму обезпеченія кредита, оказываемаго часто бездомному, безработному, т.-е. лицу, а не имуществу, это именно — круговая порука. Этой круговой поруки нельзя смѣшивать съ обязательною круговою порукою, установленною правительствомъ для фискальныхъ цѣлей; мы говоримъ о круговой порукѣ лицъ, добровольно и сознательно согласившихся принять на себя солидарное обязательство. Мы вовсе не имѣемъ въ виду сказать и проводить мысль, что волость или приходъ должны принимать на себя обязательство за всякій кредитъ, оказанный ими одному изъ своихъ членовъ; но волость и приходъ за своею гарантіею могутъ организовать изъ своихъ членовъ товарищества и артели изъ добровольно въ нихъ вступившихъ лицъ, при чемъ эти корпоративныя единицы будутъ имѣть возможность знать степень благонадежности и личной порядочности членовъ, образующихъ товарищество или артель и на которыхъ прежде всего и будетъ лежать и падать отвѣтственность. Въ такомъ видѣ кредитъ не только будетъ помогать лицамъ, обладающимъ имущественными цѣнностями, но и давать средства создавать вновь продуктъ; при такой организаціи кредита безработные будутъ пріобрѣтать средства для жизни и производства, т.-е. хлѣбъ, сырье, матеріалы, но они, забирая таковые, будутъ тотчасъ же создавать и выпускать въ оборотъ новыя цѣнности, напримѣръ: полотно, древесныя и стальныя издѣлія и т. п. Такимъ образомъ въ ежедневный оборотъ будутъ входить новыя долговыя обязательства и новые продукты, равные по суммѣ цѣнности первымъ; расширятся обороты, возрастетъ по качеству и количеству сумма вступающихъ въ ежедневный оборотъ цѣнностей, и долговыя обязательства волостныхъ и приходскихъ общинъ всегда будутъ полновѣсными и цѣнными.

Земства и соотвѣтствующія имъ волостныя и приходскія общины не могутъ ограничиваться однимъ видомъ краткосрочнаго кредита: несомнѣнно, государство признаетъ за благо разрѣшить имъ и выпускъ долгосрочныхъ обязательствъ соотвѣтственно двумъ категоріямъ вещныхъ капиталовъ: капитала основного и капитала оборотнаго. Извѣстно, что основ-

ной капиталъ возвращается затратившему его не сразу въ формѣ продуктовъ, на которые онъ обмѣнивается, а чрезъ годы, десятки лѣтъ, напримѣръ: машины, зданія и долговѣчныя сооруженія, дамбы, шоссейныя дороги и т. п.; возвратъ стоимости основного капитала совершается не сразу, а путемъ постепеннаго перехода стоимости этого капитала на вырабатываемые съ помощью его предметы потребленія. Согласно съ природою основного капитала жизнь, какъ извѣстно, выработала видъ поземельнаго кредита, поземельные банки или кредитныя общества, которые выпускаютъ закладные листы или облигаціи, при чемъ обладатель таковыхъ получаетъ въ извѣстные сроки процентъ на свой капиталъ; кредитныя общества или банки взимаютъ съ своихъ должниковъ проценты на этотъ капиталъ и часть въ погашеніе облигацій или закладныхъ листовъ, такъ что долгъ залогодателя постепенно уменьшается. Такую же форму долгосрочнаго кредита могли бы, съ разрѣшенія правительства, принять губернскія и уѣздныя земства и волостныя и приходскія общины или земскіе банки, выпуская облигаціи отъ имени земствъ съ гарантіею этихъ общинъ. Эти облигаціи могли бы быть выпускаемы, во-первыхъ, для покупки поземельныхъ участковъ, преимущественно для лицъ, принадлежащихъ къ вновь образующемуся сельскому пролетаріату въ Россіи, и для малоземельныхъ; нѣчто подобное съ успѣхомъ практикуется сумскимъ земскимъ банкомъ, хотя этотъ банкъ выдаетъ ссуды на небольшіе сроки. Во-вторыхъ, эти облигаціи могутъ быть выпускаемы для всякаго рода общественныхъ и частныхъ сооруженій и зданій, на пріобрѣтеніе орудій производства, для устройства шоссейныхъ дорогъ, дамбъ, плотинъ, на работы по осушенію и орошенію полей, на постройку зданій для общественныхъ и артельныхъ мастерскихъ и снабженія ихъ орудіями производства, на постройку несгораемыхъ жилищъ (въ нашей соломенной, вѣчно пылающей Россіи), на устройство амбаровъ, скотныхъ дворовъ, удобныхъ помѣщеній для скота, на покупку удобрительныхъ минеральныхъ туковъ и т. п. Рогатый скотъ есть видъ капитала, составляющій переходъ отъ основного къ оборотному; нѣтъ сомнѣнія, что съ устройствомъ хорошихъ скотныхъ дворовъ операціи по покупкѣ скота и устройству скотныхъ хозяйствъ могутъ

войти въ одну изъ категорій этого ипотечнаго кредита, особенно если сюда присоединить правильную организацію травосѣянія. Вообще, на нашъ взглядъ, какую форму кредита избрать— на какіе сроки выпускать ипотечныя обязательства, какой размѣръ опредѣлить ежегоднаго ихъ погашенія и т. п.,—эти вопросы нужно рѣшать сообразно съ природою каждаго предпріятія, а стѣснять земства же, волостныя и приходскія общины въ этомъ отношеніи явилось бы вполнѣ нецѣлесообразнымъ. Теперь спрашивается: почему подобнаго рода ипотечныя облигаціи, выпускаемыя земскими учрежденіями или земскими банками, должны были бы стоять и ходить по курсу ниже, чѣмъ закладные листы и облигаціи, выпускаемые акціонерными банками подъ залогъ имѣній, хозяйство которыхъ ведется иногда небрежно и даже разорительно безъ контроля общественныхъ учрежденій, и капиталы истрачиваются на непроизводительныя цѣли, чего нельзя будетъ ожидать при правильной организаціи крупныхъ и мелкихъ земскихъ единицъ?

Переходимъ къ операціямъ съ оборотнымъ капиталомъ; оборотный капиталъ составляютъ всѣ продукты, идущіе на потребленіе для производительныхъ цѣлей; сюда относятся продукты, идущіе непосредственно на потребленіе или требующіе предварительной обработки ихъ, таковы: сырье и вспомогательные матеріалы, напримѣръ топливо. Сюда также относятся хлѣбъ и вообще пища для рабочаго, одежда, обувь и вообще средства жизни, чтобы дать рабочему возможность продолжать производство и создавать взамѣнъ ихъ новыя цѣнности. Основою какъ фабричной и заводской, такъ и кустарной промышленности служатъ сырые земледѣльческіе продукты; послѣ сбора хлѣбовъ и вообще урожая земледѣлецъ запасается ими на цѣлый годъ до будущаго урожая и этими продуктами питается непосредственно или отчуждаетъ ихъ постепенно въ теченіе года хозяевамъ-промышленникамъ и промышленнымъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, переработавъ ихъ, часть издѣлій употребляютъ на свои надобности, а часть издѣлій отчуждаютъ земледѣльцамъ въ обмѣнъ на хлѣбъ и сырье. По прошествіи года все сырье будетъ переработано и возвратится въ руки потребителей, и почти весь хлѣбъ тоже будетъ потребленъ. Такимъ

образомъ главный товарный оборотъ совершается въ теченіе года, отъ урожая до урожая; въ теченіе этого времени земледѣльцы и промышленники произведутъ продукты и обмѣняются ими. Впрочемъ, нѣкоторые виды оборотнаго капитала, напримѣръ, обработанные металлы, подъ этотъ законъ не подходятъ, но намъ важно замѣтить, что въ общемъ годовой оборотъ и обмѣнъ продуктовъ происходятъ приблизительно въ теченіе года. Но извѣстно, что при нынѣшнемъ трудораздѣленномъ хозяйствѣ обмѣнъ совершается большею частью не съ помощью натуральнаго обмѣна продуктовъ на продукты, а въ формѣ денегъ—золотой и серебряной монетъ и кредитныхъ билетовъ. Вся производительность и успѣшность народнаго хозяйства возможна при существованіи раздѣленія труда и его спутника—формированія предпріятій въ хозяйственныя коопераціи, т.-е. при существованіи обмѣна, который требуетъ денегъ. Хотя деньги не суть вещный капиталъ, а только представители его, но обладатели денегъ—безусловные распорядители вещнаго капитала и народнаго богатства.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ извѣстная часть экономистовъ, послѣ введенія золотой валюты и прекращенія новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, страстно нападала на Министерство Финансовъ, приписывая причину возрастающаго упадка нашего народнаго хозяйства прекращенію выпусковъ кредитныхъ билетовъ и недостачѣ орудій обмѣна или денежныхъ знаковъ, потребныхъ для страны, для хозяйственныхъ оборотовъ и для обмѣна. Но по поводу этой полемики можемъ сказать слѣдующее: насъ поражаетъ то явленіе, что масса денежныхъ знаковъ лежитъ въ кассѣ государственнаго банка и въ частныхъ акціонерныхъ банкахъ—и не находятъ производительнаго назначенія имъ, что банки боятся пускать ихъ въ оборотъ, что новыя предпріятія кончаются крахами, что солидные капиталисты - предприниматели опасаются брать въ кредитъ деньги свыше минимальной нормы, потому что, наоборотъ, принуждены сокращать производство, а спекулятивныя предпріятія ненадежны. Слѣдовательно, защитники Министерства Финансовъ правы въ томъ отношеніи, что не только не чувствуется недостатка въ тѣхъ денежныхъ знакахъ, но и тѣхъ

денегъ, которыя есть въ банкахъ, некуда дѣвать, т.-е. дать имъ производительное назначеніе.

Такая ненормальность объясняется общимъ укладомъ нашей экономической жизни во всемъ мірѣ, но въ особенности у насъ, въ Россіи; по общему правилу, сдѣлавшемуся даже труизмомъ, деньги притекаютъ туда, гдѣ ихъ много, и отливаютъ оттуда, гдѣ ихъ и безъ того мало: деньги притекаютъ въ города и отливаютъ изъ деревень и селъ. Въ городахъ и вблизи городовъ сосредоточиваются крупныя фабрики, лучшія мастерскія, усовершенствованные пріемы производства. Кромѣ того, городъ имѣетъ то преимущество предъ деревней, что въ городахъ скорость обращенія денежныхъ знаковъ несравненно быстрѣе, чѣмъ въ деревнѣ въ виду ограниченности территоріи первыхъ: въ городѣ одинъ рубль можетъ въ теченіе сутокъ перейти изъ рукъ въ руки, положимъ, тридцать разъ и совершить оборотовъ и покупокъ однимъ рублемъ на 30 рублей, въ деревнѣ же крестьянину, чтобы совершить покупку на одинъ рубль, надо ѣхать въ городъ, потерять сутки, и такимъ образомъ рубль можетъ совершить оборотовъ въ теченіе дня только на одинъ рубль. Кромѣ того, извѣстно, что въ городахъ существуютъ банки, учеты векселей, текущіе счета, чеки и разные виды банковыхъ операцій, которыя неимовѣрно увеличиваютъ скорость обращенія денегъ. Города богатѣютъ: въ нихъ концентрируется все большее и большее населеніе, и мы видимъ постепенно все болѣе и болѣе возрастающій процессъ прилива денегъ въ города и отливъ ихъ изъ деревни. Теперь легко видѣть результаты этого явленія: извѣстно, что главный потребитель произведеній фабрикъ и заводовъ, доставляемыхъ оптовыми торговцами чрезъ посредство мелкихъ въ деревню, есть крестьянинъ; если покупныхъ средствъ въ формѣ денежныхъ знаковъ становится все меньше и меньше, послѣднему не хватаетъ средствъ купить ситца, миткаля, сукна и другихъ фабричныхъ и заводскихъ продуктовъ, тогда останавливается сбытъ у фабрикантовъ и торговцевъ, первые принуждены сокращать производства, а вторые—свои торговые обороты, опасаются брать въ кредитъ и отпускать въ кредитъ, и города страдаютъ, а деревня все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Города и городскіе банки страдаютъ гипереміею денежныхъ

знаковъ, а деревня анеміею; экономическое кровообращеніе совершается неправильно. Деревня не орошается достаточно потребными для экономическаго организма матеріалами, вянетъ и хирѣетъ и представляетъ безотрадную картину.

Но если, наоборотъ, представимъ себѣ, что орошеніе страны будетъ устроено правильно, что будетъ по всей странѣ прорыта вширь и вглубь большая сѣть каналовъ, по которой разольются орудія обмѣна, денежные знаки, а параллельно съ ними и матеріальные капиталы, тогда увеличатся обороты, производительность труда и вообще средства жизни. Устроить правильно это орошеніе можно, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ путемъ: съ образованіемъ земскихъ волостныхъ и приходскихъ общинъ при каждой губернской и уѣздной земской управѣ могутъ быть открыты земскіе банки, а при каждомъ земскомъ волостномъ правленіи и приходской общинѣ—ссудосберегательныя кассы. При этомъ нечего опасаться конкуренціи государственнаго банка, во-первыхъ, потому, что задачи государственнаго и земскихъ банковъ будутъ однѣ, то же народное благо, и, во-вторыхъ, потому, что земскимъ банкамъ для привлеченія въ свои кассы капиталовъ (такъ какъ государственный банкъ представляетъ для вкладчиковъ болѣе гарантіи, чѣмъ земскіе) можно предоставить повысить процентъ на вклады сравнительно съ государственнымъ. Кредитныя операціи земскихъ банковъ и ссудосберегательныхъ кассъ съ оборотнымъ капиталомъ должны быть направлены на пріобрѣтеніе посредствомъ кредита: скота, земледѣльческихъ орудій и предметовъ первой необходимости для обработки и производительнаго потребленія. Кредитныя операціи будутъ сводиться къ обыкновеннымъ кредитнымъ операціямъ банковъ: первая операція — учетъ долговыхъ обязательствъ или векселей; подобныя обязательства будутъ выдаваемы земскимъ учрежденіямъ частными хозяевами или товариществами на срокъ, согласно природѣ оборотнаго капитала, на три, на шесть и даже на двѣнадцать мѣсяцевъ. При этомъ будетъ происходить явленіе, которое всегда происходитъ въ частныхъ банкахъ и очень выгодно для нихъ: извѣстному лицу открывается кредитъ, положимъ, въ 1,000 рублей, на 6 мѣсяцевъ; но на практикѣ банковъ замѣ-

чено, что извѣстное лицо къ извѣстному сроку, въ теченіе, положимъ, двухъ мѣсяцевъ, потребуетъ только изъ кассы двѣсти пятьдесятъ рублей, а остальные 750 рублей оставитъ въ кассѣ, такъ что касса можетъ отдать свободные 750 рублей въ другія руки. И такъ какъ сроки платежа и учета векселей для разныхъ лицъ бываютъ различны, то платежи будутъ періодически то поступать, то отливать въ учетъ, и на основаніи банковой практики можно сказать, что банкъ, имѣя, положимъ, десять тысячъ рублей, можетъ производить операціи на сорокъ тысячъ рублей. Слѣдующая операція—система чековъ, обмѣна ихъ и устройство разсчетныхъ палатъ. Мы не надѣемся, чтобы это западно-европейское новшество (говоримъ въ шутку) могло привиться у насъ, въ Россіи, принимая во вниманіе огромность разстояній. Но зато въ Россіи, при организаціи земскихъ банковъ и земско-волостныхъ и приходскихъ кассъ легко можетъ привиться система взаимнаго обмѣна долговыхъ обязательствъ и векселей, и вотъ въ какомъ видѣ: положимъ, что земская волость въ Московской губерніи открыла кредитъ товариществу или частному лицу, которыя выдали вексель; волость поставила свой бланкъ на немъ и поручила получить платежъ въ банкѣ при уѣздной управѣ, а тотъ съ своимъ бланкомъ поручилъ получить платежъ банку при губернской управѣ. Предположимъ при этомъ, что векселя эти товарные, что нѣсколько кустарныхъ товариществъ пріобрѣли въ кредитъ отъ нѣкоторыхъ волостей Тульской губерніи желѣзо и сталь для обработки и хлѣбъ, сало, овчины въ Харьковской губерніи для средствъ жизни. По мѣрѣ изготовленія стальныхъ издѣлій кустарями Московской губерніи, тѣ сбываютъ ихъ въ тѣ же волости Тульской и Харьковской губерній въ кредитъ частнымъ лицамъ и артелямъ, которыя тоже выдаютъ векселя на имя волостей съ поручительствомъ тульскихъ и харьковскихъ земскихъ управъ. При взаимныхъ разсчетахъ московская губернская управа, т.-е. банкъ, существующій при ней, посредствомъ уѣздныхъ управъ легко можетъ обмѣнять векселя, выданные кустарями московскихъ волостей, на векселя, выданные крестьянами волостей Тульской и Харьковской губерній, а разницу доплатить наличными деньгами. Читатели, хорошо знающіе банковыя операціи, поймутъ, что въ этихъ

операціяхъ нѣтъ ничего сложнаго и запутаннаго, что это обыкновенные пріемы частныхъ банковъ при обмѣнѣ разныхъ векселей солидныхъ торговыхъ фирмъ. Такимъ образомъ оказывается, что и при существующемъ количествѣ денежныхъ знаковъ въ Россіи, при правильной постановкѣ и организаціи народнаго кредита, легко можно увеличить количество орудій обмѣна, количество оборотовъ и общее благосостояніе. При этомъ надо имѣть въ виду, что по статьѣ 138 устава государственнаго банка „государственному банку предоставляется въ предѣлахъ свободныхъ средствъ открывать земствамъ и городамъ кредиты для снабженія ихъ оборотными средствами". Земства же, какъ говорено было выше, стѣсняются пользоваться посредническимъ кредитомъ безъ предварительной организаціи мѣстныхъ земскихъ органовъ. Но при такой организаціи государственный банкъ посредствомъ земствъ можетъ сослужить большую службу благу Россіи, перекинувъ мостъ чрезъ пропасть, отдѣляющую богатство отъ бѣдности, и оросить живительною влагою и жизненными соками каждую заброшенную волость, каждую глухую деревню. Вслѣдъ за поднятіемъ экономическаго благосостоянія деревни должно подняться и ея нравственное благосостояніе. Въ настоящее время мы присутствуемъ при грустномъ явленіи: все, что есть болѣе образованнаго, талантливаго, стремится въ города и оставляетъ деревню, въ большихъ центрахъ гнѣздится масса образованнаго пролетаріата: доктора, адвокаты, инженеры, техники и т. п. Всѣмъ этимъ лицамъ нашлось бы дѣло въ селахъ и деревняхъ и въ уѣздныхъ городахъ, но для этого надо показать перспективу и возможность дѣйствительнаго улучшенія быта деревни. Туда должны отлиться здоровыя силы русской интеллигенціи и занять мѣсто въ мѣстной земской дѣятельности, а не пропадать даромъ въ столицахъ, безъ возможности прилагать свои силы и оставаться часто безъ матеріальныхъ средствъ. Надо воспользоваться всѣми силами, имѣющимися у общества, и въ томъ числѣ возможностью организаціи народнаго кредита. Поэтому легкомысленнымъ кажется намъ возраженіе, которое бросилъ намъ рецензентъ на нашу книгу, выпущенную нами три года назадъ, правда, въ пылу полемическаго задора, что мечтать объ улучшеніи благосостоянія кресть-

янина съ помощью народнаго кредита, все равно, что „вытащить человѣку, завязшему въ болотѣ, самого себя за волосы“.

Въ то же время, нельзя не признать того, что если при правильной организаціи народнаго кредита денежные знаки направятся въ народъ, когда улучшится экономическое благосостояніе простого класса, тогда, съ развитіемъ профессіональныхъ способностей, съ размноженіемъ населенія и съ увеличивающимся возрастаніемъ числа оборотовъ — существующаго въ Россіи количества денежныхъ знаковъ можетъ и будетъ не доставать. Когда на рынокъ будетъ притекать все большее и большее количество товаровъ, лучшихъ и по качеству и по цѣнѣ, а количество денежныхъ знаковъ будетъ оставаться то же, притомъ, какъ извѣстно, и скорости обращенія денегъ есть предѣлъ, котораго переступать нельзя, то несомнѣнно, что потребуется и большее количество орудій обмѣна. Неподвижное ихъ количество будетъ имѣть печальный результатъ и обречетъ экономическую жизнь страны на застой и регрессъ: на рынокъ и вообще въ текущій оборотъ будетъ притекать все большее и большее количество натуральныхъ цѣнностей (valeurs intrinseques), которымъ не будетъ соотвѣтствовать по суммѣ количество денежныхъ знаковъ. Деньги должны будутъ повышаться въ цѣнѣ, а товары, наоборотъ, понижаться; но такъ какъ всякое промышленное предпріятіе, а особенно организованное при помощи кредита, разсчитывается на извѣстные сроки, основано на разсчетѣ, что къ извѣстному сроку денежныя цѣны останутся прежнія, то послѣдствіемъ неподвижнаго состоянія количества денежныхъ знаковъ будетъ обезцѣненіе продуктовъ и банкротство. Западно-европейская практика и наука одобряютъ систему банкнотовъ или безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ для надобностей оборотовъ капиталовъ. Въ настоящее время Россія страдаетъ не столько недостаткомъ денежныхъ знаковъ, сколько вслѣдствіе ихъ неправильнаго направленія не туда, куда слѣдуетъ, бѣдностью натуральныхъ богатствъ, вещныхъ капиталовъ. Но несомнѣнно, что съ поднятіемъ народнаго благосостоянія окажется недостаточно существующаго количества денежныхъ знаковъ и явится необходимость замѣны ихъ суррогатомъ звонкой монеты—банкнотами. Банкноты, это—тѣ же бумажныя деньги, но строго разли-

чаются отъ послѣднихъ пріемами ихъ выпусковъ: европейскіе банки выпускаютъ въ обращеніе эти бумажныя деньги не иначе, какъ подъ обезпеченіе товарныхъ векселей при учетѣ ихъ, въ суммѣ товарныхъ цѣнностей, входящихъ въ обращеніе; вотъ почему эти бумажныя деньги не могутъ обезцѣниваться сравнительно съ звонкою монетою. Что касается нашихъ кредитныхъ рублей, то послѣдніе при нынѣшней системѣ, принятой Министерствомъ Финансовъ, суть простыя депозитки, обезпеченныя запасомъ золота, равнаго по суммѣ ихъ количеству. При системѣ банкнотовъ можетъ оказать громадную услугу практикуемая нами система земскихъ банковъ и ссудосберегательныхъ кассъ при земскихъ волостяхъ и приходахъ. Государственный банкъ при недостачѣ денежныхъ знаковъ для потребностей оборота можетъ открывать кредитъ при помощи этихъ новыхъ бумажныхъ денегъ частнымъ лицамъ и товариществамъ при гарантіи со стороны этихъ земскихъ органовъ относительно количества и качества товаровъ, входящихъ въ оборотъ, и съ этой стороны не можетъ быть опасенія, что эти денежные знаки обезцѣнятся.

При правильной и цѣлесообразной организаціи народной промышленности, такъ называемый „соціальный вопросъ" можетъ быть разрѣшенъ въ корнѣ. Съ помощью долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита весь бѣдный рабочій классъ можетъ быть снабженъ удобными жилищами, мастерскими, орудіями производства, скотомъ и вообще хозяйственнымъ обзаведеніемъ. Съ теченіемъ времени эти долгосрочныя обязательства будутъ погашены должниками, которые станутъ самостоятельными хозяевами, а вмѣстѣ и тружениками и капиталистами. Эти послѣдніе будутъ имѣть достатокъ; развивающіяся знанія, постепенное развитіе техники, потребуютъ, конечно, новыхъ затратъ для расширенія основного капитала, но хозяева будутъ удовлетворять эти потребности изъ собственныхъ достатковъ, не прибѣгая къ услугамъ капиталистовъ. Процентъ на капиталъ долженъ опуститься до того минимума, при которомъ уже стимула для богатыхъ къ дальнѣйшему накопленію не будетъ, и богатые классы должны или непроизводительно расточать капиталы, или присоединиться къ общему дѣлу тружениковъ и послужить своими капиталами на общественную пользу.

ГЛАВА VII.

Экономическія и культурныя задачи русской земщины.

Помимо кредитныхъ операцій, земства принимаютъ на себя и другія экономическія задачи: извѣстна дѣятельность земствъ по распространенію среди населенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, удобрительныхъ туковъ и улучшенныхъ породъ скота. Главное вниманіе земствъ обращено на устройство при управахъ складовъ и комиссіонерствъ по снабженію населенія сельскохозяйственными орудіями: изъ этихъ складовъ орудія продаются за наличныя деньги, но бѣднымъ хозяевамъ—съ разсрочкою и безъ начета процентовъ. Нѣкоторыя земства въ болѣе людныхъ селеніяхъ устраиваютъ отдѣленія центральныхъ уѣздныхъ складовъ. Содержаніе ихъ земствамъ обыкновенно ничего не стоитъ, такъ какъ непосредственное завѣдываніе ими обыкновенно безплатно берутъ на себя: мѣстные землевладѣльцы, волостные старшины, учителя и другія лица, сочувственно относящіяся къ этому дѣлу. На ряду съ орудіями многія земства распространяютъ улучшенныя сѣмена, фосфоритные туки, занимаются раздачею крестьянамъ, съ цѣлью улучшенія породъ домашняго скота, племенныхъ бычковъ и вообще покупкою скота хорошаго качества для продажи его населенію по сходнымъ цѣнамъ и на льготныхъ условіяхъ.

Въ этой отрасли дѣятельности земствъ нельзя не замѣтить, что они принимаютъ на себя задачи, сходныя съ задачами и дѣятельностью потребительныхъ обществъ, т.-е. становятся посредниками между производителями и потребителями. Поэтому возникаетъ вопросъ: не могутъ ли земства стать въ извѣстныя отношенія къ существующимъ потребительнымъ обществамъ въ Россіи, поощрять ихъ возникновеніе, связать ихъ между собою органическими отношеніями и принять на себя другія функціи по отношенію къ нимъ, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи. Для этого мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи и развитіи въ Россіи потребительныхъ обществъ. Подъ именемъ потребительныхъ обществъ [1]), какъ извѣстно, разумѣются соединенія лицъ,

[1]) И. Озеровъ. „Общества потребителей". С.-Петербургъ, 1900 г. Стр. 7—9.

которыя имѣютъ цѣлью путемъ совмѣстныхъ закупокъ или устройства своихъ собственныхъ лавокъ наиболѣе дешевымъ и выгоднымъ способомъ удовлетворять потребности этихъ лицъ въ нужныхъ имъ продуктахъ, избѣгая такимъ образомъ посредничества мелкихъ торговцевъ, вредно отзывающагося какъ на цѣнѣ продуктовъ, такъ и на качествѣ ихъ. „Общества эти, возникши въ началѣ этого вѣка, широко развились теперь во всей Западной Европѣ, окрѣпли и далеко перешли за тѣ цѣли, которыя они ставили себѣ вначалѣ. Такъ, къ первоначальнымъ цѣлямъ постепенно присоединялись и другія: 1) Сбереженія. Члены, вмѣсто того, чтобы брать причитающуюся имъ прибыль, оставляли ее въ торговомъ дѣлѣ; чрезъ это сбереженія эти путемъ нарастанія процентомъ увеличивались. 2) Образованіе членовъ. Общества стали отчислять извѣстный процентъ изъ чистой прибыли для поднятія умственнаго уровня своихъ членовъ путемъ устройства библіотекъ, школъ, чтеній и т. п. 3) Страхованіе членовъ. Изъ дивидендовъ общества выплачиваются страховыя преміи за членовъ, и такимъ образомъ обезпечивается на случай старости или смерти пенсія или имъ самимъ или наслѣдникамъ. 4) Производительныя коопераціи. Общества, обезпечивъ себѣ твердый опредѣленный сбытъ, стали переходить къ производству за счетъ общества, что достигло огромныхъ размѣровъ; въ Англіи, напримѣръ, собственное производство потребительныхъ обществъ оцѣнивается въ 40 милліоновъ рублей. 5) Постройка домовъ для членовъ. Потребительная лавка, располагая большимъ капиталомъ, покупаетъ землю, строитъ домъ и затѣмъ продаетъ членамъ, разсрочивая уплату на длинный періодъ лѣтъ, или даетъ имъ ссуду на постройку. Въ Англіи на этотъ предметъ затрачено теперь около 10 милліоновъ рублей.

Потребительныя общества въ шестидесятыхъ годахъ были перенесены, подъ вліяніемъ идей Запада, и къ намъ, но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, неудачно: равнодушіе членовъ, неумѣніе и незнакомство ихъ съ опытомъ Запада,— все это тяжело отзывалось на судьбѣ возникшихъ обществъ и вело къ обычному результату: общества ликвидировали свои дѣла или прозябали. Подобныя общества [1]) учреждались

[1]) Ibidem, стр. 141—143.

большею частью лицами состоятельными, для которыхъ копеечныя сбереженія, доставляемыя потребительными обществами, не представляли ничего привлекательнаго. Но на Западѣ потребительныя общества возникли на трудовой почвѣ, они явились тамъ важнымъ экономическимъ подспорьемъ для рабочаго класса, который вложилъ для развитія этого дѣла всю свою энергію и довелъ его до блестящаго состоянія. У насъ же иногда къ этимъ безкорыстнымъ идейнымъ увлеченіямъ примѣшивались мотивы и не столь чистые; этимъ путемъ иногда пріобрѣтались знакомства и связи; въ практикѣ веденія дѣла были нерѣдки случаи самовластія. Изъ многихъ обществъ, возникшихъ среди интеллигентныхъ классовъ, дожили до нашихъ дней немногія. Совсѣмъ другую судьбу имѣли общества, возникшія и у насъ, въ Россіи, среди класса тружениковъ, среди крестьянъ въ деревняхъ и среди фабричныхъ рабочихъ. Можемъ указать на общество въ Пермской губерніи, учрежденное бѣдными чиновниками, большею частью семейными, получающими отъ 15 до 35 руб. въ мѣсяцъ [1]. Начали они съ совмѣстной закупки чаю на 116 рублей, затѣмъ стали закупать оптомъ мыло, сахаръ, свѣчи; чрезъ три мѣсяца они имѣли уже прибыли 60 руб. Нѣкоторые изъ членовъ соглашались садиться въ лавку и чередовались между собою; въ расходахъ соблюдалась строжайшая экономія, и общество пошло успѣшно. Потребительныя общества, не находя себѣ удобной почвы среди богатыхъ интеллигентныхъ классовъ, были занесены въ деревенскую и фабричную среду отдѣльными лицами изъ интеллигенціи, желавшими что-нибудь сдѣлать для бѣднаго люда. Эти общества среди крестьянъ стали возникать съ 70 годовъ, но число ихъ до сего времени очень ограниченно. Укажемъ на потребительное общество въ селѣ Оштѣ, Лодейнопольскаго уѣзда, основанное въ 1870 году. Предпріятіе это съ первыхъ шаговъ пошло такъ успѣшно, что капиталъ общества въ 5.000 руб. въ два мѣсяца успѣлъ обернуться 5 разъ. Не менѣе интересна исторія потребительнаго общества, основаннаго въ 1885 году въ галкинскомъ сельскомъ обществѣ, Камышловскаго уѣзда: крестьяне этого общества

---

[1]) Ibidem; стр. 146, 152, 153.

сняли въ аренду сперва 12 десятинъ, а потомъ 18, стали засѣвать землю овсомъ, продавать его и на вырученныя деньги открыли питейную и бакалейную лавку, а въ теченіе года они основали еще 5 лавокъ въ другихъ селеніяхъ. Благодѣтельное значеніе общества для крестьянъ было огромно: оно не только понизило цѣны у торговцевъ въ округѣ, но даже дало возможность крестьянамъ получать овесъ на обсѣмененіе по болѣе низкой цѣнѣ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ образовалось общество изъ крестьянъ-кустарей по инициативѣ земскаго начальника г. Кошко; въ этой мѣстности въ деревняхъ давно уже существовало кустарное производство деревянной посуды: ушатовъ, шаекъ, боченковъ и т. п., которые скупщики получали отъ крестьянъ по крайне низкимъ цѣнамъ. Потребительное общество организовано слѣдующимъ образомъ: крестьяне выдѣланную посуду приносятъ въ лавку, и тогда имъ изъ лавки отпускаются товары въ кредитъ и даже по мелочамъ выдаются деньги; но лица, желающія пользоваться кредитомъ изъ общественной лавки, должны непремѣнно всю посуду поставлять въ лавку, иначе кредитъ для нихъ закрывается. Изъ общественной лавки каждый крестьянинъ получаетъ заборную книжку, въ которой приказчикомъ отмѣчается всякая выдача товара изъ лавки и всякая получка отъ заборщика-кустаря деревянныхъ издѣлій. Соотвѣтственныя отмѣтки дѣлаются и въ общей расходной книгѣ, хранящейся въ лавкѣ; продукты сбываются главнымъ образомъ въ Петербургъ.

Фабричное населеніе представляетъ для развитія потребительныхъ обществъ наиболѣе удобную почву: фабрика концентрируетъ около себя большія массы рабочаго люда съ небольшими средствами, удовлетвореніе потребностей котораго имѣетъ денежный характеръ. И давно уже здѣсь выработался такъ называемый артельный способъ удовлетворенія потребностей; артель выбираетъ старосту, которому и поручаетъ производить закупку товаровъ. При многихъ фабрикахъ владѣльцами оныхъ учреждены были лавки, но лавки эти продаютъ товаръ дурного качества и по дорогимъ цѣнамъ. Впрочемъ, лучшіе представители изъ фабрикантовъ, дорожа своею репутаціею, стали чуждаться учрежденія на свое имя лавокъ при фабрикахъ и даже закрывали существующія, а между тѣмъ положеніе рабочихъ отъ этого

не только не улучшалось, а ухудшалось. Интеллигентные фабриканты, созерцая совершающуюся вокругъ нихъ эксплуатацію рабочихъ частными лавочками, стали стремиться къ развитію среди рабочихъ потребительныхъ обществъ. Многія фабричныя потребительныя общества идутъ прекрасно; покупки они совершаютъ изъ первыхъ рукъ [1]). Эти общества легко могутъ практиковать и систему продажи въ кредитъ, такъ какъ заводъ можетъ обязаться производить разсчетъ съ рабочими лишь тогда, когда рабочій предъявитъ конторѣ свою заборную книжку, и контора убѣдится, что рабочій ничего не долженъ въ общественную лавку, иначе контора дѣлаетъ вычеты за забранный товаръ; такъ практикуется на многихъ фабрикахъ.

Переходя къ вопросу, какое отношеніе могутъ занять земства къ потребительнымъ обществамъ, мы думаемъ, что первою задачею земствъ, въ особенности съ образованіемъ мелкихъ земскихъ единицъ съ соотвѣтственными имъ органами, было бы поощреніе къ возникновенію и развитію потребительныхъ обществъ, особенно въ деревняхъ среди крестьянскаго населенія, такъ какъ тамъ, мы видѣли, почва для этого дѣла вполнѣ благопріятна. Мы думаемъ, что среди нашего крестьянскаго люда идея потребительныхъ обществъ совершенно новая и неслыханная вещь во многихъ мѣстностяхъ, особенно удаленныхъ отъ центровъ, такъ что самою главною нравственною обязанностью земствъ будетъ пропаганда этого благого дѣла. Съ изданіемъ нормальнаго устава потребительныхъ обществъ 8 іюня 1897 года намъ казалось бы, что слѣдуетъ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ предоставить безусловное право давать разрѣшеніе на открытіе потребительныхъ обществъ, такъ какъ, по закону, къ обязанностямъ земствъ относится „воспособленіе развитію земледѣлія, промышленности и торговли“. Предоставленіе этого права земствамъ облегчило бы бѣдному крестьянскому люду возможность ходатайства предъ офиціальными властями объ открытіи обществъ; въ Англіи правительство издаетъ общія руководящія правила объ обществахъ, компаніяхъ, товариществахъ, но разрѣшеніе на открытіе таковыхъ зависитъ отъ

---

[1]) Ibidem, стр. 160—163.

совѣтовъ графствъ. При возникновеніи потребительныхъ обществъ земскіе органы могутъ взять на себя задачу первоначальнаго руководства въ общемъ этихъ предпріятій, и самое главное — надзоръ и контроль во все время существованія таковыхъ. Мы упоминали, напримѣръ, о полезной дѣятельности галкинскаго потребительнаго общества; но этому обществу на первыхъ же порахъ своего существованія пришлось столкнуться съ общею язвою нашихъ фабричныхъ и деревенскихъ обществъ—недобросовѣстностью приказчиковъ. Три приказчика, нанятые обществомъ, или задолжали обществу, забравъ въ долгъ товару, или пытались пользоваться общественнымъ капиталамъ въ своихъ личныхъ видахъ; по счастью, общество пережило эту невзгоду. Другой примѣръ былъ въ потребительномъ обществѣ Лодейнопольскаго уѣзда, о которомъ мы тоже упоминали; общество, не довольствуясь потребительными функціями, купило кожевенный заводъ, который пошелъ неудачно, главнымъ образомъ вслѣдствіе небрежности распорядителя, такъ что обществу пришлось закрыть заводъ и покрыть убытки, сосредоточившись исключительно на торговыхъ функціяхъ. Эти примѣры показываютъ, какъ въ этомъ дѣлѣ необходимы руководство и контроль со стороны общественной власти, каковыя цѣлесообразнѣе всего предоставить земскимъ органамъ. Контроль, основанный на законѣ, во всякомъ дѣлѣ не можетъ приносить вреда; нигдѣ такъ не развиты всевозможные виды контроля со стороны государственной и общественныхъ властей, какъ въ Англіи; тамъ были бы невозможны такія явленія, какъ исторія съ нашими городскими банками, остававшимися безъ достаточнаго контроля. Наконецъ, мы имѣемъ еще одинъ опытъ въ исторіи западно-европейскихъ потребительныхъ обществъ; это—соединеніе отдѣльныхъ разрозненныхъ потребительныхъ обществъ въ союзы въ видахъ организаціи ими покупокъ сообща. При этомъ выгоды оптовой торговли становятся доступными для мельчайшихъ потребительныхъ обществъ, и среди множества лицъ легче найти и удобнѣе содержать за общій счетъ спеціалистовъ—знатоковъ товаровъ. Съ этою цѣлью въ Англіи образовались союзы потребительныхъ обществъ, напримѣръ „союзъ для оптовой торговли въ Нью-Кестлѣ на Тайнѣ“, точно такъ же и въ Германіи; что касается Россіи, то уѣздныя зем-

ства могли бы явиться объединителями потребительныхъ обществъ, существующихъ въ уѣздѣ, а губернскія земства— для цѣлой губерніи, и они могли бы входить въ сношенія съ другими уѣздами и губерніями.

Въ Германіи на ряду съ потребительными обществами развился особый видъ послѣднихъ, это—потребительныя сырьевыя лавки; мелкіе ремесленники, напримѣръ: сапожники, портные, принуждены бываютъ, вслѣдствіе недостачи наличныхъ денегъ и кредита, закупать сырье—кожи и матеріи у мелкихъ барышниковъ. Соединяясь въ потребительные союзы и общества, эти ремесленники могутъ, минуя мелкихъ торговцевъ, закупать сырье изъ первыхъ рукъ, оптомъ и притомъ часто въ кредитъ. Точно такъ же не менѣе тягостна зависимость отъ мелкихъ скупщиковъ и барышниковъ для ремесленниковъ бываетъ и въ вопросѣ о сбытѣ своихъ ремесленныхъ произведеній: мелкіе скупщики покупаютъ издѣлія по безусловно дешевой цѣнѣ и продаютъ ихъ за дорогую. Этой нуждѣ помогаетъ въ Германіи устройство общественныхъ лавокъ для цѣлесообразнаго сбыта ремесленныхъ произведеній; часто эти лавки присоединяются къ сырьевымъ обществамъ для закупки оптомъ сырья по выгоднымъ цѣнамъ и къ обыкновеннымъ потребительнымъ лавкамъ для торговли обыкновенными продуктами первой необходимости. У насъ, въ Россіи, крестьянскій людъ при продажѣ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, какъ-то хлѣба и въ особенности кустарныхъ издѣлій, чуть ли не всецѣло находится въ рукахъ безжалостно эксплуатирующихъ его скупщиковъ. Потери, которыя несутъ при этомъ крестьяне, достаточно извѣстны, чтобы стоило здѣсь останавливаться на нихъ. Извѣстную роль здѣсь могло бы сыграть наше земство, и попытки въ этомъ родѣ кое-гдѣ мелькаютъ: такъ, остерское уѣздное земское собраніе, Черниговской губ., постановило открыть въ г. Острѣ земскую лавку обуви и кожевенныхъ товаровъ, чтобы дать возможность сельскому люду покупать прочную обувь и хорошій сапожный товаръ по дешевымъ цѣнамъ; закупать же товаръ лавка должна преимущественно отъ кустарей-сапожниковъ, а продавать по своей цѣнѣ. Въ 1897 году пятьдесятъ девять кустарей - корзинщиковъ Звенигородскаго уѣзда обратились въ московскую губернскую

управу съ просьбою о ссудѣ для устройства ими потребительнаго общества и выработки устава послѣдняго: губернское земское собраніе уважило ходатайство кустарей. Соединеніе операцій сырьевого товарищества для сбыта произведеній и обыкновенной потребительной лавки для пріобрѣтенія предметовъ, необходимыхъ какъ средства жизни, мы видѣли въ общественной лавкѣ Новгородской губерніи, устроенной по иниціативѣ г. Кошко.

Переходимъ къ производительнымъ ассоціаціямъ или рабочимъ артелямъ. Для многихъ образованныхъ людей не только у насъ, но и во всемъ мірѣ представлялся переходъ отъ нынѣшнихъ формъ хозяйственнаго быта—отъ индивидуалистическихъ хозяйствъ къ коллективнымъ или общиннымъ—дѣломъ простымъ и легко разрѣшимымъ: стоитъ только отдѣльнымъ единицамъ свои капиталы и трудовыя силы соединить въ коллективныя предпріятія, и исчезнутъ взаимная эксплуатація другъ друга и неуравнительность имущественныхъ состояній. Но на дѣлѣ оказывается, что такое соединеніе—дѣло трудное: этому препятствуютъ естественное различіе природныхъ силъ, способностей и индивидуалистическія склонности и привычки людей; если когда-либо такое соединеніе и произойдетъ, то путемъ медленнымъ и органическимъ, и во всякомъ случаѣ останется довольно мѣста и для индивидуалистическихъ дѣятельности и предпріятій. Въ настоящее же время построенныя на эгоистическомъ разсчетѣ и обособленныя хозяйственныя предпріятія представляются общимъ правиломъ, общинныя же—исключеніемъ; также и у насъ рабочія артели, несмотря на любовь и склонность русскаго народа къ этой формѣ экономическаго быта, явленія все-таки исключительныя, поэтому предаваться мечтаніямъ о томъ, что государство или земскіе органы могутъ соединить всѣхъ отдѣльныхъ кустарей, ремесленниковъ и вообще рабочихъ въ артели представляется еще, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, недостаточно практичнымъ. Въ настоящее время земскія учрежденія не могутъ поглотить единичныхъ хозяйственныхъ предпріятій и обратить ихъ въ коллективныя, да это и не можетъ быть главною цѣлью и задачею земскихъ учрежденій. Но, какъ исключенія, мы видимъ, что и предпріятія, основанныя и приводимыя въ исполненіе на земскій счетъ,

могутъ идти вполнѣ удачно. Напримѣръ мы знаемъ, что вятское губернское земство устроило свои собственныя мастерскія для изготовленія металлическихъ частей сельскохозяйственныхъ орудій, которыя затѣмъ поступаютъ къ кустарямъ, работающимъ большею частью артельно: вѣялки, молотилки, косули, серпы и пр. Въ Бендерскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ существуютъ ремесленные классы, которые для продажи населенію изготовляютъ: сѣялки, вѣялки и другія орудія; уфимское уѣздное земство подобные классы устраиваетъ при народныхъ училищахъ. Вообще мы думаемъ, что земства и въ настоящее время могутъ вступать въ прочныя и постоянныя отношенія съ непосредственными производителями, минуя лишнихъ посредниковъ, въ то же время поощряя развитіе артелей ремесленниковъ, кустарей и вообще рабочихъ создавать отъ себя на артельныхъ началахъ свои собственные заводы и фабрики, сначала небольшіе и приспособленные къ условіямъ главнымъ образомъ сельскаго хозяйства: кожевенные, маслобойные, мыловаренные заводы, шорныя и слесарныя мастерскія и т. д. Цѣлью подобныхъ земскихъ предпріятій будетъ прежде всего желаніе дать занятіе и заработокъ населенію, страдающему безработицею, особенно въ зимнее время. Второю не менѣе важною цѣлью будетъ урегулированіе производства: отъ недостатка хозяйственныхъ предпріятій въ извѣстной отрасли производства и вслѣдствіе монополіи извѣстныхъ капиталистовъ, цѣны на извѣстные продукты иногда слишкомъ высоко поднимаются и даютъ неслыханные барыши частнымъ предпринимателямъ. Вотъ въ эти-то отрасли производства земства могутъ направлять капиталы и рабочія руки, а иногда выступать самостоятельными земскими предпринимателями и хозяевами, имѣющими своихъ управляющихъ и приказчиковъ, и могутъ заставить частныхъ предпринимателей понижать цѣны на продукты. Наоборотъ, въ другихъ отрасляхъ производства могутъ существовать и существуютъ сплошь и рядомъ случаи перепроизводства продуктовъ: земства могутъ изслѣдовать условія сбыта. Можетъ оказаться, что на тѣ же продукты въ отдаленныхъ отъ мѣстъ производства странахъ могутъ стоять цѣны высокія: земства, особенно съ образованіемъ мелкихъ земскихъ единицъ, могутъ заводить правильныя сношенія другъ съ другомъ и на-

правлять туда избытокъ продуктовъ, понижая въ отдаленныхъ мѣстахъ цѣны и повышая ихъ въ мѣстахъ близкихъ къ центрамъ производствъ. Когда же окажется, что весь рынокъ переполненъ съ избыткомъ извѣстнаго рода товарами, ближайшею задачею земства будетъ поощреніе частныхъ и артельныхъ предпринимателей къ сокращенію производства, къ закрытію излишнихъ предпріятій и къ открытію новыхъ отраслей производства и занятію рабочихъ рукъ, оставшихся безъ дѣла. При широкой и правильной организаціи народнаго кредита, о которомъ мы говорили, земства всегда могутъ располагать капиталами, открываемыми имъ въ кредитъ, и направлять эти капиталы и рабочія руки въ тѣ отрасли производства, въ которыхъ чувствуется недостатокъ продуктовъ, поощряя къ открытію новыхъ хозяйственныхъ предпріятій: если въ извѣстной отрасли производства цѣны на продукты становятся, вслѣдствіе ихъ недостачи, высокими, а въ другихъ низкими, то, слѣдовательно, нужно сократить производство въ извѣстной отрасли, а въ другой расширить, открывая новыя предпріятія. Безъ подобнаго же регулированія производства можетъ оказаться безуспѣшною и организація народнаго кредита, такъ какъ при перепроизводствѣ извѣстнаго рода продуктовъ кредитъ, открытый извѣстнымъ лицамъ и учрежденіямъ, можетъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ, при всей добросовѣстности дебиторовъ не оправдаться. Вообще при регулированіи производства промышленность должна выйти изъ хаотическаго состоянія и войти въ правильную колею.

При правильной организаціи производства не будетъ мѣста для случайнаго обогащенія, для слѣпого счастья, для спекуляцій, ажіотажа и вообще для неправильной наживы. Вознагражденіе каждаго будетъ опредѣляться нормальнымъ процентомъ на капиталъ и рабочею платою; но такъ какъ при правильной организаціи кредита и регулированіи производства мы въ правѣ ожидать, что вещные капиталы удвоятся, утроятся, увеличатся до широкихъ размѣровъ, и при этомъ не будетъ затрудненій въ соотвѣтственномъ увеличеніи орудій обмѣна, то, слѣдовательно, и процентъ на основной капиталъ будетъ постепенно понижаться, и дойдетъ, наконецъ, до того минимума, при которомъ не

будетъ уже стимула къ дальнѣйшему накопленію. При правильномъ регулированіи производства, несомнѣнно, произойдетъ процессъ, при которомъ положеніе рабочихъ классовъ повысится и совершится органическимъ и законнымъ путемъ сравнительно болѣе равномѣрное распредѣленіе богатства, а процессъ завершится тѣмъ, что каждый рабочій будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталистомъ. Но при этомъ мы не можемъ разсчитывать не только на уничтоженіе частной собственности, но также и на то, что общинныя предпріятія совершенно вытѣснятъ и уничтожатъ частныя предпріятія: послѣднія всегда будутъ имѣть свой raison d'être, и всегда останется просторъ къ индивидуальной предпріимчивости и дѣятельности, подобно тому, какъ мы уже говорили, что въ экономической исторіи Руси всегда наблюдалось параллельное существованіе двухъ формъ землевладѣнія — общинной и частной. Да и какое зло, какая бѣда будетъ въ томъ, если на ряду съ коллективными предпріятіями останутся и частныя, если съ организаціею производства вознагражденіе труда частнаго предпринимателя сведется къ обыкновенному вознагражденію за рабочее время, соотвѣтственно силамъ и способностямъ его? Тѣмъ болѣе, если процентъ на основной капиталъ понизится, то процентъ на оборотный капиталъ сольется съ платою за трудъ. Мы видѣли примѣръ, какъ въ Новгородской губерніи кустари доставляютъ въ потребительную лавку свои издѣлія и получаютъ изъ лавки продукты для жизни; если начислять процентъ, слѣдуемый кустарямъ на вещный капиталъ, доставляемый ими въ лавку въ издѣліяхъ, и отчислять процентъ, который слѣдуетъ съ кустарей за доставляемый имъ товаръ изъ лавки, то здѣсь произойдетъ взаимный зачетъ процентовъ. Намъ кажется, что это есть прототипъ будущихъ отношеній между производителями и потребителями. Такъ какъ каждый производитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потребитель, то при развитіи потребительныхъ обществъ и союзовъ ихъ, при взаимномъ зачетѣ векселей и другихъ кредитныхъ знаковъ въ земскихъ банкахъ и кассахъ будетъ происходить вообще взаимный зачетъ процентовъ на оборотные капиталы, доставляемые разными хозяйственными группами другъ дру-

гу; при этомъ и частныя предпріятія будутъ дополнять общинныя, комбинироваться и переплетаться съ ними.

Какъ мы видѣли, нѣкоторыя земства, открывая свои собственныя мастерскія, преслѣдуютъ на ряду съ утилитарными цѣлями образовательныя и воспитательныя цѣли: дать молодому поколѣнію ремесленное и вообще профессіональное образованіе. Земскія ремесленныя и профессіональныя школы не рѣдки и въ другихъ земствахъ, кромѣ нами упомянутыхъ. Эти школы, помимо общеобразовательнаго значенія, имѣютъ громадное экономическое значеніе, такъ какъ, кромѣ вещныхъ или матеріальныхъ капиталовъ, еще большее значеніе имѣетъ нравственный капиталъ. Къ этому виду капитала относятся профессіональныя и техническія знанія рабочихъ и практическіе способы ихъ и пріемы въ работѣ. Западная Европа не столько богаче насъ своими матеріальными капиталами, сколько тѣми видами капитала, который въ политической экономіи получилъ терминъ нравственнаго капитала. Если мы хотимъ сохранить экономическую самостоятельность Россіи и оградить ее отъ наплыва иноземныхъ капиталовъ и рабочихъ, то должны обратить на этотъ предметъ особое вниманіе, какъ уже и обратили на него вниманіе многія русскія земства. Хотя по поводу народнаго образованія можно сказать, что каковы бы ни были школы, будутъ ли онѣ общими школами грамотности, или будутъ ли онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессіональными и техническими, но дай Богъ, чтобы онѣ были, и чтобы ихъ было какъ можно больше! Въ этомъ отношеніи нельзя упрекать русскія земства въ бездѣятельности и нерадивости къ дѣлу народнаго образованія за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда школьное дѣло понижается, разъ земское управленіе попадаетъ въ руки партій, которыя главную свою задачу сводятъ къ сокращенію расходовъ. Въ общемъ же расходы на школьное дѣло увеличивались до сихъ поръ съ каждымъ годомъ. На 1890 годъ, послѣдній передъ введеніемъ новаго „положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, на школьное дѣло было ассигновано по всѣмъ 34 губерніямъ 7.226.282 руб., на 1895 годъ 9.128.900 руб., а на 1896 годъ 10.007.541 руб. Въ теченіе шести лѣтъ такимъ образомъ сумма расходовъ увеличи-

лась на 38,4% или среднимъ числомъ на 6,4% въ годъ [1]). Но при этомъ надо обратить вниманіе на скудость земскихъ бюджетовъ вообще; бюджеты на 1896 годъ во всѣхъ 34 земскихъ губерніяхъ были таковы:

въ 149 ѣздахъ менѣе 100 т. р.
„ 117 отъ 100 т. р. до 150 „
„ 43 „ 150 „ „ 200 „
„ 34 „ 200 „ „ 300 „
„ 16 болѣе 300 т. р.

Слѣдовательно, несмотря на ограниченность средствъ земства, дѣло народнаго образованія въ Россіи все-таки идетъ впередъ. Но можетъ ли при такихъ бюджетахъ громадное большинство нашихъ уѣздовъ, если не всѣ они, само справиться съ возрастающими образовательными нуждами населенія? Конечно, нѣтъ, и помощь государства является самою насущною необходимостью. Надѣемся, что государство придетъ на помощь земствамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, особенно въ дѣлѣ развитія профессіональнаго или техническаго образованія, такъ какъ это послѣднее есть вопросъ государственный, ибо государство, какъ и земство, заинтересовано въ поднятіи общаго экономическаго благосостоянія страны—источникѣ между прочимъ государственныхъ доходовъ. Развитіе профессіональнаго или техническаго образованія въ народѣ будетъ имѣть для народа и то нравственное значеніе, что народъ можетъ скоро увидѣть и осязательные плоды его; подобное первоначальное образованіе обыкновенно продолжается недолго, и юноши, получивъ его, будутъ способствовать улучшенію матеріальнаго положенія своего и своихъ семей. Народъ полюбитъ и сознаетъ пользу образованія еще больше: съ улучшеніемъ умственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа послѣдній будетъ избирать и достойныхъ представителей въ земскія учрежденія.

Кромѣ заведенія школъ, земства много сдѣлали по распространенію въ народѣ образованія вообще, учреждая библіотеки народныя, школьныя и учительскія, хотя въ этомъ

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1899 г. № 328.

отношеніи остается сдѣлать еще многое [1]. Мы знаемъ достаточно Россію и наблюдали ее во многихъ мѣстахъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земства энергично и съ любовью къ народу относились къ своему дѣлу вообще и въ частности къ школьному, трудно представить, какъ много они сдѣлали для развитія народа; крестьянина нельзя узнать теперь сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде лѣтъ десять-пятнадцать назадъ: онъ развился и сталъ сознавать благородное чувство собственнаго достоинства. Поэтому, еще разъ повторяемъ, назрѣла необходимость въ пересмотрѣ крестьянскаго законодательства въ смыслѣ уравненія крестьянина съ другими сословіями въ правахъ гражданскихъ и въ правѣ участія въ земскомъ представительствѣ. Съ этой точки зрѣнія желательна отмѣна по отношенію къ крестьянамъ тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ крестьянскихъ волостныхъ судовъ: является несовмѣстимымъ право крестьянина участвовать въ выборахъ земскихъ гласныхъ и возможность быть подвергаемымъ тѣлесному наказанію, и мы надѣемся, что ходатайство многихъ земствъ объ отмѣнѣ этого вида наказанія будетъ уважено. Вообще же, обозрѣвая всю дѣятельность земства, мы приходимъ къ убѣжденію, что замѣтны признаки, если не появленія полной зари, то разсвѣта духовнаго и матеріальнаго возрожденія Россіи.

Въ настоящее время главная задача земствъ—„сѣять разумное, доброе, вѣчное“, а что касается будущаго, то на помощь старому поколѣнію, придетъ молодое, и свершится то, чего такъ желалъ нашъ народный поэтъ, чтобы

„Юноша, отмѣченный
Печатью дара Божьяго,
Сталъ пылкимъ и восторженнымъ
Пѣвцомъ освобожденія
Униженныхъ, обиженныхъ
На всей святой Руси“ [2]).

Только при новомъ поколѣніи можно ждать полнаго осуществленія всѣхъ благихъ начинаній земствъ по дѣлу народнаго образованія, и упрекъ, что земства мало дѣлаютъ

---

[1]) В. В. Петровъ. „Вопросы народнаго образованія“. Выпускъ II.

[2]) Н. А. Некрасовъ. „Полное собраніе стихотвореній“. С.-ПБ., 1886 г. Т. II, стр. 282.

въ этомъ отношеніи, не заслуженъ. Точно такъ же не заслуженъ упрекъ въ недостаточной дѣятельности земствъ по продовольственнымъ дѣламъ. „Дѣйствительно [1]), земскимъ управамъ непосильна та задача провѣрки дѣйствительнаго положенія нуждающихся членовъ сельскихъ обществъ, которую возлагаетъ на нихъ продовольственный законъ, но она непосильна такъ же и всякому другому официальному учрежденію. Для этого совершенно необходимо широкое содѣйствіе самихъ мѣстныхъ жителей. Справиться съ этимъ труднымъ дѣломъ возможно только при наличности цѣлой сѣти мѣстныхъ органовъ, къ работѣ которыхъ могли бы быть привлечены всѣ мѣстныя общественныя силы. Эта мѣстная общественная организація должна и можетъ явиться существеннымъ развитіемъ и завершеніемъ организаціи земской, обрывающейся нынѣ на уѣздной земской управѣ“.

---

[1]) „Русское Богатство“ 1900 г. № 2.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Приходъ.

I.

Вопросъ о приходѣ сталъ вопросомъ дня и успѣлъ раздѣлить общественное мнѣніе на два лагеря: приверженцевъ и противниковъ этой формы общественной жизни. „Приходъ,—говорятъ наши единомышленники,—есть наша древняя и здоровая форма общественной организаціи и должна создать для земства и государства солидный фундаментъ въ видѣ органической здоровой ячейки, объединяющей въ себѣ всѣ живые элементы данной территоріи; только въ приходѣ можно сосредоточить всѣ функціи мѣстнаго управленія и самоуправленія". „Приходъ есть архаическая, отжившая форма общественной жизни,—говорятъ приверженцы другого направленія.—Организація общественной жизни по приходамъ неизбѣжно поведетъ къ торжеству клерикализма, къ подавленію церковною іерархіею всѣхъ другихъ независимыхъ элементовъ общества". Идея церковно-приходской общины, по мнѣнію послѣднихъ, совершенно противорѣчитъ идеѣ свободы совѣсти, началамъ равноправности въ государствѣ всѣхъ вѣроисповѣданій; какъ уложатся въ этой организаціи раскольники, сектанты, инославные и иновѣрные и т. д.?

Организація по приходамъ естественна; обыкновенно, село есть названіе той деревни, по большей части крупной, гдѣ помѣщается приходская церковь, около которой группируются мелкіе поселки, составляющіе въ общей совокупности естественную территоріальную единицу; она имѣетъ то удобство, что представляетъ возможность частыхъ сношеній для жителей околотка въ одномъ центральномъ пунктѣ. Такою территоріальною единицею издревле былъ погостъ, или приходъ; а такъ какъ приходъ обнимаетъ не однихъ крестьянъ, а землевладѣльцевъ, купцовъ, лицъ профессіональныхъ и интеллигентныхъ занятій, принадлежащихъ и къ сословію разночинцевъ, и къ духовенству, и къ сословію мѣщанъ, то въ приходской организаціи должны сливаться и объединяться разнородныя сословія и, слѣдовательно, приходъ можетъ быть тою всесословною или безсословною единицею, которая составитъ нижнюю ступень уѣздныхъ земствъ.

Призрачные страхи передъ клерикализмомъ должны исчезнуть, хотя бы въ виду примѣра приходской жизни въ Англіи; извѣстно, что тамъ приходъ не есть клерикально-іерархическая, но скорѣе земская и нравственно-общественная единица, отправляющая свои функціи подъ покровомъ и съ благословенія Церкви, но отнюдь не поглощающая Церкви и не поглощаемая церковною іерархіею, ибо въ основѣ организаціи прихода лежитъ власть общины и выборныхъ ею лицъ, а не единичная власть пресвитера. Въ такомъ смыслѣ понимаемъ и мы организацію приходской жизни. Тѣмъ не менѣе, задачи Церкви и задачи свѣтской общины во многихъ отношеніяхъ однѣ и тѣ же: „алчущаго накормить, жаждущаго напоить, одѣть нагого“, помочь больному физически или нравственно, просвѣтить умъ и сердце человѣка свѣтомъ истины и знанія и, наконецъ, посильно способствовать водворенію мира и доброй нравственности въ общинѣ. Это общія христіанскія обязанности. Христіане всегда съ самаго начала группировались вокругъ приходской церкви, вблизи ея возникали учрежденія, пекущіяся о нуждахъ церковнаго зданія и совершающагося въ немъ богослуженія (церковные старосты), а также: богадѣльни, больницы, пріюты, школы для свѣтскаго и духовнаго образованія. Эти учрежденія суть элементарныя и обязательныя задачи для каждой христіанской общины, какъ первоначальной ячейки общества; если эти задачи выполнены и основная ячейка здорова, все общество крѣпко и здорово; иначе всякая общественная организація будетъ построена на пескѣ и покоиться на гнилыхъ устояхъ. Разъ эта элементарная единица, носящая по преимуществу этико-общественный характеръ, исполняетъ свои задачи, на такомъ прочномъ фундаментѣ легко воздвигнуть болѣе широкое общественное зданіе. Первоначальной приходской общинѣ, какъ то доказалъ главнымъ образомъ примѣръ Англіи, можно поручать исполненіе и другихъ функцій: земскихъ, судебныхъ и даже государственныхъ. Въ Англіи церковнымъ старостамъ и инспекторамъ бѣдныхъ государство издавна поручало составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей, списковъ парламентскихъ избирателей, возлагало на нихъ исполненіе на мѣстѣ дорожныхъ предпріятій и другихъ земскихъ дѣлъ; задачи эти приходскія общины выполняли удачно. Послѣ недавнихъ реформъ мѣстнаго самоуправленія подобныя функціи прихода расширились еще болѣе.

Если, какъ мы сказали, задачи христіанской Церкви и первичной общины во многомъ отношеніи однѣ и тѣ же, то какая надобность разъединять эти два учрежденія: церковный приходъ и свѣтскую общину? Русскому православному человѣку такъ понятна необходимость дѣлать Божье общественное дѣло съ благословенія и подъ покровомъ Церкви.

Но раскольники, инославные христіане и иновѣрцы?—скажутъ намъ. Припоминаемъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ изреченіе св. Тертулліана, что „душа человѣка по природѣ своей христіанка“. Развѣ обязан-

ности: накормить голоднаго, одѣть нагого, просвѣтить темнаго, не суть общія обязанности не только католика или протестанта, но даже послѣдователей Магомета? Разъ будетъ сознана необходимость организаціи первоначальной общественной единицы, таковая же территоріальная единица съ болѣе или менѣе однородными органами и функціями, хотя съ нѣкоторыми особенностями и разновидностями въ организаціи, можетъ возникнуть и среди инославныхъ. А тамъ, гдѣ населеніе въ приходѣ смѣшанное, достаточно выдѣлить задачи этико-общественныя, сдѣлавъ ихъ достояніемъ всѣхъ прихожанъ, отъ задачъ спеціально-церковныхъ, которыя будетъ вѣдать одна православная часть населенія, и т. д.

Мы не имѣемъ въ виду предлагать здѣсь уставъ будущей приходской организаціи, изслѣдовать ея составъ, органы власти и ихъ взаимныя отношенія; предоставляемъ эту задачу другимъ и самой жизни. Мы хотимъ освѣтить одинъ важный вопросъ, а именно: какія функціи должна принять на себя приходская община, чтобы исполнить свои первыя обязанности—накормить голодныхъ, одѣть нагихъ и просвѣтить темныхъ членовъ своей общинной семьи? Неужели для этого будетъ достаточно только построить при церкви богадѣльню, больницу, школу? Невольно по этому поводу приходитъ въ голову слѣдующая мысль: сколь ни бѣдны, сколь ни отсталы мы, русскіе люди, но мы имѣемъ одно преимущество предъ Западомъ: мы имѣемъ предъ собою уроки и примѣры изъ прошлой жизни Запада. Сотни разъ мы, напримѣръ, слышали повторенія, что классическая страна приходской жизни есть Англія и что приходъ въ Англіи есть основа земской и государственной организаціи. И что же? Скопировать ли намъ приходскія учрежденія Англіи, или серьезно разобраться въ недостаткахъ ея приходской жизни? Послѣднее необходимо сдѣлать тѣмъ болѣе, что многіе, говоря о приходской жизни Англіи, никакого понятія объ ея организаціи не имѣютъ, незнакомы съ ней ни по личному опыту и наблюденію, ни по серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ.

На самомъ дѣлѣ, разсматривая благія цѣли англійскаго законодательства, начиная съ XVI вѣка, и сравнивая ихъ съ результатами, невольно припоминаешь французскую поговорку: l'enfer est pavè de bonnes intentions. Англійское законодательство всегда преслѣдовало цѣли —дать приходской общинѣ возможность исполнить нравственно-общественныя обязанности подъ покровомъ и съ благословенія Церкви, а въ результатѣ, до реформы 1894 г., на дѣлѣ явилось полное отдѣленіе церковныхъ и этическихъ функцій, обращеніе Церкви въ мертвую скорлупу, а приходскихъ учрежденій, преслѣдующихъ этическія задачи,—въ тюремное вѣдомство, въ бездушное и фарисейское исполненіе буквы, но не духа Христовыхъ заповѣдей. Мы не обвиняемъ англійскаго законодательства въ сознательномъ обманѣ и искаженіи положенныхъ въ его основу началъ; мы очень далеки отъ подобныхъ инсинуацій по адресу великаго и могучаго народа,

близкаго къ намъ по вѣрѣ и величію. Исторія, историческій анализъ только могутъ уяснить, какимъ образомъ осуществилось на дѣлѣ изреченіе св. апостола Павла: „не еже бо хощу, доброе творю, но еже бо не хощу, сіе злое содѣваю“ (Рим. VII, 15).

Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію прихода въ Англіи. Приходъ въ Англіи, какъ церковная община, существовалъ ранѣе законодательства Тюдоровъ о бѣдныхъ [1]); для поддержанія церковныхъ зданій и для другихъ потребностей церкви духовное начальство требовало съ прихожанъ налогъ, который и вотировался въ собраніи прихожанъ, называемомъ vestry (ризница); но со времени законодательства Тюдоровъ приходъ получаетъ новое назначеніе. Извѣстно, что послѣ конфискаціи Генрихомъ VIII имѣній монастырей, при которыхъ кормилось множество бѣдныхъ и убогихъ, государство очутилось въ необходимости призрѣвать таковыхъ; эту задачу Тюдоры возложили на приходы. Въ помощь пастору каждый приходъ избиралъ церковныхъ старостъ; ихъ обыкновенно избирали приходскія собранія вмѣстѣ съ пасторомъ по два въ каждомъ приходѣ: „церковные старосты, по словамъ королевы Елизаветы, должны быть отцами бѣдныхъ“. На ряду съ ними же въ каждомъ приходѣ были учреждены два инспектора бѣдныхъ. Задачи церковныхъ старостъ были: поддержаніе, перестройка церковныхъ зданій, устройство и содержаніе кладбищъ, забота о церковномъ богослуженіи, доставленіе необходимыхъ хлѣба и вина для совершенія таинства, ладана и т. п.— Помимо этихъ собственно церковныхъ функцій, на церковныхъ старостъ, вмѣстѣ съ инспекторами бѣдныхъ, возлагались обязанности доставлять работу нуждающимся, способнымъ къ работѣ, учить ремеслу бѣдныхъ дѣтей, помогать неспособнымъ къ работѣ, а для всего этого было дано право облагать жителей прихода налогомъ для бѣдныхъ, при чемъ вначалѣ не было правила принуждать къ работѣ способныхъ. Однако, въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ добрый патріархальный приходъ стараго времени вырождается такъ, что его и узнать нельзя: церковные старосты вѣдаютъ только дѣла исключительно церковныя; все призрѣніе неимущихъ сосредоточивается въ рукахъ инспекторовъ (смотрителей) бѣдныхъ, не избираемыхъ приходомъ какъ было вначалѣ, а назначаемыхъ мировыми судьями (тоже невыборными). Инспекторы и мировые судьи сами распредѣляютъ и взимаютъ налогъ для бѣдныхъ, предписываютъ приходу выдавать неимущимъ помощь натурою или деньгами, а способныхъ къ работѣ водворяютъ силою въ рабочіе дома для принудительной тяжелой, а иногда, для избѣжанія конкуренціи, и безцѣльной работы (напримѣръ, обтесываніе никому ненужныхъ камней) и т. п.—Приходскія собранія, въ большинствѣ случаевъ, перестали существовать и часто замѣняются

---

[1]) R. Gneist. „Geschichte und heutige Gestalt der Englischen Communalverfassung“. 1870. Paul Leroy Beaulieu. „L'administration locale en France et en Angleterre“.

особыми бюро изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, пополняемыхъ не по выбору, а кооптаціей. Но этого мало: приходы не желаютъ принимать и призрѣвать лицъ пришлыхъ, родившихся внѣ извѣстной приходской территоріи, и вотъ, возникаетъ цѣлый рядъ процессовъ о водвореніи таковыхъ на мѣсто жительства, о бродяжничествѣ; наказанія для послѣднихъ доходятъ при Эдуардѣ V до тюрьмы, тѣлеснаго наказанія и даже смертной казни; а между тѣмъ число бродягъ и пришлецовъ увеличивается все болѣе и болѣе.

Чтобы понять, съ одной стороны, причины увеличивающагося пауперизма, причины возрастающаго числа неимущихъ, скитающихся по разнымъ приходамъ, бродяжничества, причины, почему приходы оказались безсильными справиться съ нищетою, чтобы объяснить упадокъ приходской жизни, жестокость законодательства вмѣсто прежнихъ гуманныхъ началъ, надо обратить вниманіе на соціальную исторію Англіи. Уже въ XV вѣкѣ Англія была тою образцовою страною крупнаго землевладѣнія, какою она является и въ настоящее время; съ XVI вѣка поземельная собственность всецѣло сосредоточивается въ рукахъ крупной свѣтской аристократіи: число безземельныхъ сельскихъ батраковъ возрастало все болѣе и болѣе [1]). Пока бароны отдавали свои земли подъ хлѣбопашество, сельскіе рабочіе находили еще занятія; но съ XVI вѣка, съ развитіемъ торговли и промышленности, землевладѣльцы начинаютъ сокращать пашни и расширять пастбища: „тамъ, гдѣ прежде было много хижинъ и жителей, теперь не встрѣтишь никого, кромѣ пастуха съ собакой“, говоритъ англійскій писатель того времени. Сельскіе рабочіе не находятъ работы, а приходы безсильны накормить всѣхъ голодныхъ и даже призрѣть больныхъ. Далѣе, развиваются мануфактуры и особый видъ домашней промышленности, при которой предприниматели имѣли обыкновеніе давать рабочимъ матеріалъ: пряжу, утокъ, желѣзо и другое сырье для обработки, а рабочіе обработывали этотъ сырой матеріалъ и возвращали хозяевамъ, которые выгодно его сбывали [2]); но и такой видъ промышленности не спасалъ людей отъ недуга безработицы, а съ конца XVIII вѣка появляются и растутъ фабрики, вытѣсняютъ окончательно кустарей и сельскихъ ремесленниковъ, все поглощая и неизбѣжно, фатально, безпрерывно выталкивая сотни тысячъ бѣдняковъ на мостовую. Скитаясь съ мѣста на мѣсто, вдали отъ мѣста родины и даже не помня ея, пролетаріи, по закону, не находятъ пріюта въ приходѣ, а скорѣе ищутъ его въ тюрьмѣ или темныхъ притонахъ; при такихъ условіяхъ порвались связи приходской жизни, омертвѣла и очерствѣла ея первоначальная патріархальная организація.

Когда налогъ для бѣдныхъ возросъ до громадныхъ размѣровъ и возрастанію его не предвидѣлось конца, а приходская жизнь глохла, пришлось подумать о реформахъ.

---

[1]) Максимъ Ковалевскій. „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“. Москва, 1880 г.

[2]) А. Корсакъ. „О формахъ промышленности“. Москва, 1861 г.

Законодательство Англіи въ 1818 году (general vestryes act) силится возстановить старую приходскую организацію, воскрешаетъ прежнія общія собранія прихожанъ, дѣлитъ всѣхъ прихожанъ на 6 классовъ по цензу и праву голоса, возстановляетъ также значеніе церковныхъ старостъ, смягчаетъ суровые законы о мѣстожительствѣ. Но уже въ 1834 году законодательство увидѣло недостаточность этихъ мѣръ и приходитъ къ убѣжденію, что территоріальною единицею для организаціи общественнаго призрѣнія долженъ быть не приходъ, а союзъ приходовъ. По акту 1834 г., въ Лондонѣ было учреждено центральное бюро, главную роль въ которомъ играютъ три комиссара, назначенные отъ правительства; эти комиссары имѣютъ право издавать обязательныя постановленія о соединеніи приходовъ въ союзъ; въ 60 годахъ такихъ союзовъ было около 700, а всѣхъ приходовъ до 15 тысячъ. Центръ тяжести призрѣнія бѣдныхъ перешелъ изъ приходовъ въ эти союзы и союзные органы; главное значеніе въ нихъ принадлежитъ правительственнымъ комиссарамъ и ихъ агентамъ; но законъ призналъ также значеніе и за приходскими собраніями (vestry), которыя, слѣдуя цензовой и шестиклассной системѣ, избираютъ попечителей. Въ каждомъ округѣ (союзѣ приходовъ) дѣйствуютъ совѣты попечителей: они вотируютъ налоги и назначаютъ агентовъ, собирающихъ налоги и употребляющихъ ихъ на помощь бѣднымъ въ рабочихъ домахъ (какъ общее правило) и на дому (какъ исключеніе). По новому закону, главное благотворительное учрежденіе—рабочій домъ, гдѣ существуетъ тяжелая принудительная работа, введено строгое раздѣленіе по поламъ и возрастамъ и почти тюремный режимъ. Нѣтъ никакого преувеличенія въ томъ изреченіи, что „англичане предпочитаютъ умирать на свободѣ съ голода, чѣмъ пользоваться гостепріимствомъ рабочихъ домовъ".

Также неудачно выполняли приходы и другую приходскую задачу — дать прихожанамъ образованіе. Приходскія школы хотя существовали, но были въ жалкомъ видѣ; главною причиною тому—пауперизмъ и бездомовность. На помощь народному образованію, независимо отъ прихода, пришли частныя ассоціаціи и субсидіи отъ правительства.

Сдѣлать выводъ изъ всего сказаннаго не трудно: приходы, какъ территоріальныя единицы, имѣютъ важное значеніе въ общественной жизни Англіи: законодательство до послѣдняго времени придаетъ важную роль приходскимъ собраніямъ. Съ другой стороны, приходъ никогда не могъ исполнять тѣхъ задачъ, которыя были поставлены вначалѣ, какъ его спеціальныя функціи; главное зло, съ которымъ приходъ не могъ справиться, это — недугъ безработицы и, какъ ея послѣдствіе, голодъ, болѣзни, невѣжество. Какъ справиться съ этимъ кореннымъ недугомъ вообще и въ частности у насъ, въ Россіи,—вотъ задача русскаго государства, русскихъ публицистовъ и русскаго общества. Въ 1894 году послѣдовала серьезная реформа законодательства о приходахъ въ Англіи.

II.

Вопросъ о вліяніи общиннаго духа древнихъ славянъ, въ частности русскихъ, на ихъ строй жизни, выразившійся въ широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія, достаточно изслѣдованъ. Заслуга новыхъ изслѣдованій А. Папкова [1]) заключается главнымъ образомъ въ доказательствѣ того положенія, что хотя корни братскихъ союзовъ лежатъ въ нѣдрахъ русскаго общественнаго быта, но таковые преобразовались подъ вліяніемъ христіанства и въ формѣ церковныхъ приходовъ достигли довольно значительнаго нравственнаго уровня. „Общинныя начала,—говоритъ г. Папковъ,—встрѣтились въ области церковно-религіозной съ другими высшими жизненными началами, именно съ началами вѣчными, христіанскими, и эти первыя по характеру своему оказались способными проникнуться этими послѣдними, освятиться и одухотвориться настолько, что, въ свою очередь, сдѣлались надежными проводниками въ жизнь христіанскихъ требованій. Подъ вліяніемъ христіанства весь древній русскій бытъ долженъ былъ переродиться. Храмъ Божій, какъ домъ общей молитвы, притянулъ къ себѣ всѣ общественныя силы и создалъ приходъ, т.-е. такую морально настроенную общественную единицу, крѣпче которой не можетъ быть среди человѣческаго общества. Христіанскіе интересы, сплотивъ прихожанъ, поставили цѣлью жизни каждаго человѣка стремленіе его къ общему благу".

Разсмотримъ основныя черты устройства и дѣятельности древнерусскаго прихода на основаніи труда почтеннаго изслѣдователя. Въ древности церкви обыкновенно строились князьями, боярами совмѣстно съ міромъ, т.-е. всѣмъ народомъ сообща; въ сѣверныхъ городахъ—цѣлою улицею, такъ что обыкновенно понятіе „улицы" и прихода совпадало. Князья, а чаще всего крестьянскій міръ надѣляли церкви землями; точно такъ существовали и монастыри на черныхъ (крестьянскихъ) земляхъ, которые возникали и поддерживались съ мірского согласія и расширялись при помощи вкладчиковъ крестьянъ, вносившихъ вклады не только ради поминовенія души, но и для того, чтобы пріобрѣсти себѣ въ этихъ обителяхъ пріютъ въ старости. Кромѣ земель, къ приходскимъ церквамъ принадлежали и другія доходныя статьи: амбары, лавки, винокурни, тони и проч.; цѣль и назначеніе этихъ доходныхъ статей, равно натуральныхъ и денежныхъ сборовъ, которыми міряне добровольно облагали себя въ пользу прихода, увидимъ ниже. Въ приходскомъ быту Россіи не замѣчалось и слѣда того, что называется клерикализмомъ или абсолютизмомъ церковной іерархіи, такъ какъ наша Соборная Церковь стояла всегда въ близкихъ отношеніяхъ къ народу и допускала участіе мірянъ въ дѣлахъ

---

[1]) А. Папковъ. „Богословскій Вѣстникъ" 1897 г. №№ 2, 3, 4. „Русскій Вѣстникъ" 1898 г. №№ 11, 12 (Погосты).

церковныхъ и связанныхъ съ ними дѣлахъ христіанскаго благотворенія; въ этомъ отношеніи она не дѣлила мірянъ на классы съ предоставленіемъ преимущества высшему классу, какъ это было, напримѣръ, въ англійской Церкви (шестиклассная система); въ русской Церкви всѣ міряне считались сынами и членами общей матери — Церкви. Основное начало было то, что весь клиръ въ приходѣ, т.-е. священникъ и причетники, были избираемы и только представлялись епископамъ въ качествѣ выборныхъ кандидатовъ для посвященія въ санъ. Хотя при выборахъ обыкновенно избирали сыновей или родственниковъ умершихъ или выбывшихъ священно- и церковнослужителей, но это только свидѣтельствовало о добрыхъ отношеніяхъ между пастырями и пасомыми и не имѣло характера кастовой замкнутости. Міръ заключалъ съ священниками и клириками особый договоръ (порядную запись) о матеріальномъ содержаніи и о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ; духовенство было независимо, пользовалось въ обществѣ почетомъ, участвовало въ судѣ при разборѣ разныхъ судныхъ дѣлъ прихожанъ, въ выборахъ земскихъ судей и старостъ и принимало участіе во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ.

На ряду съ клиромъ приходъ избиралъ для управленія церковнымъ имуществомъ церковныхъ старостъ, которые съ мірского совѣта и при условіи отчетности ихъ предъ прихожанами содержали причтъ и помогали изъ церковной казны хлѣбомъ и деньгами неимущимъ. Благотворительность въ приходахъ была особенно развита: около церквей, вмѣстѣ съ поповскими и причетниковскими домами, мы находимъ дворы богадѣленные подъ названіемъ келлій для нищихъ, вдовьи дворы, иногда пріюты для подкидышей и сиротъ; къ этому же разряду „питавшихся отъ церкви", относились: бобыли, обѣднѣвшіе и безпашные крестьяне. „Стоглавъ" предписываетъ обязательное учрежденіе подобныхъ благотворительныхъ заведеній при приходахъ; особенно въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, при приходахъ было громадное количество больницъ и богадѣленъ.

Слѣдуетъ отмѣтить особый видъ благотворительности или, правильнѣе сказать, приходской взаимопомощи неимущимъ (скуднымъ) крестьянамъ: отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ обществамъ приходъ выдавалъ ссуды деньгами, хлѣбомъ, сѣномъ, сѣменами и пр. на льготныхъ условіяхъ (до срока и безъ роста), при чемъ взысканіе ссудъ производилось снисходительно, безъ стѣсненій; иногда ссуды эти прощались или взыскивались въ уменьшенномъ размѣрѣ. Помимо дѣлъ благотворительности, приходъ вѣдалъ мірскія земскія дѣла и былъ органомъ мѣстнаго самоуправленія; при церквахъ устраивались „схожія избы" или „трапезы", онѣ были мѣстомъ собраній; здѣсь прихожане устраивали въ храмовые праздники складочные пиры и поминовеніе усопшихъ въ родительскіе дни. Сюда же собирались на сходы приходскіе люди для обсужденія своихъ земскихъ мірскихъ дѣлъ и для выборовъ должностныхъ лицъ. Въ „трапезѣ" читались государевы и владычніе указы, сюда спѣшилъ всякій обиженный для

публичнаго оглашенія о тѣхъ насиліяхъ, притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ, которыя онъ терпѣлъ. Особенно этотъ духъ самодѣятельности и самоуправленія былъ развитъ въ древнемъ Новгородѣ; тамъ улицы совпадали съ приходомъ, и въ такомъ смыслѣ каждая улица имѣла своего уличанскаго старосту, свою контору („обчину"), гдѣ хранились уличанскія деньги и производились судъ и управа [1]). Вообще, такъ какъ вначалѣ понятія прихода и погоста въ сѣверной Руси совпадали, то рельефное значеніе прихода въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія будетъ понятно, если примемъ во вниманіе, что каждый погостъ имѣлъ своихъ выборныхъ земскихъ старостъ, цѣловальниковъ, свою земскую избу, судъ и управу [2]). Впослѣдствіи первоначальное соотвѣтствіе между приходомъ и погостомъ нарушилось, но не исчезло; погостъ былъ или самостоятельнымъ приходомъ, или (если держаться англійской терминологіи) союзомъ приходовъ. Такою великою и мощною силою, какъ самоуправляемые приходы или погосты, государство пользовалось и съ помощью ея органовъ отправляло свои государственныя дѣла: воинскую и дорожную повинности, раскладку и взиманіе податей и пошлинъ, и т. п.

Приходъ имѣлъ огромное значеніе въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія; при церкви устраивались школы, въ которыхъ приходы поставляли учителей не только изъ духовныхъ, но и изъ свѣтскихъ лицъ; въ эпоху XVI и XVII вѣковъ, такъ же, какъ и до монгольскаго ига существованіе приходской школы при городскихъ и сельскихъ церквахъ было явленіемъ обычнымъ; грамотныхъ въ это время было 15—20%; при школахъ иногда бывали и библіотеки. Приходская община древней Руси такъ же, какъ и въ Англіи, всегда имѣла нравственное воздѣйствіе и надзоръ за своими членами.

Сравнивая сложившуюся въ такомъ видѣ жизнь приходской общины древней Руси съ современною, невольно поражаешься нашимъ попятнымъ движеніемъ: въ настоящее время жизнь приходская заглохла и омертвѣла. Подобное же явленіе мы видѣли и въ Англіи, но тамъ, какъ мы указали, главными причинами такого упадка приходской жизни были соціально-экономическія причины. Въ современной же Россіи такому явленію есть своя особая спеціальная причина: это—измѣненіе въ самой организаціи быта священно- и церковно-служителей; долго сохранялось право выбора ихъ прихожанами при санкціи епископа. Даже „Духовный Регламентъ" съ послѣдующими указами оставлялъ корпоративную жизнь прихода неприкосновенною. Но въ концѣ XVIII вѣка право выбора прихожанами приходскаго духовенства было окончательно упразднено [3]). Тогда-то и разорвана была необходимая связь клира и міра.

---

[1]) Н. Костомаровъ. „Сѣверно-русскія народоправства". Т. 2. И. Бѣляевъ. „Разсказы изъ русской исторіи".
[2]) Чичеринъ. „Областныя учрежденія въ Россіи". 1856. Стр. 504—521.
[3]) Полн. Собр. зак. 24 іюля 1797 № 18016.

Къ этому фактору присоединились и другіе; въ Англіи, какъ мы видѣли, на упадокъ приходской жизни вліяли соціально-экономическія причины: обезземеленіе крупными собственниками чернаго класса, а затѣмъ развивающійся капитализмъ, довершившій развитіе безпомощности, бездомности, нищеты и бродяжничества рабочаго люда, такъ мало гармонирующихъ съ идеею стойкой христіанской общины. Въ Англіи обезземеленіе рабочихъ и развитіе капитализма достигли гигантскихъ предѣловъ; въ Россіи мы имѣемъ противовѣсъ противъ этого зла — общинное владѣніе и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ. Краеугольный камень нашего экономическаго строя есть положеніе 19 февраля; но не надо забывать, что начала этого положенія нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи, что необходимость правильной организаціи переселеній и расширеніе площадей крестьянскихъ надѣловъ — логически вытекающія изъ нихъ послѣдствія.

Однако и этими благими мѣропріятіями зло пауперизма не устраняется въ корнѣ; кто не видитъ, какъ въ настоящее время въ Россіи совершается поступательное движеніе капитализма? Капитализмъ, появившійся въ городской и сельской жизни Россіи въ видѣ міроѣдовъ-ростовщиковъ и барышниковъ, разросся въ крупныя фабрики; фабрики, заручившись союзникомъ—спекулятивнымъ кредитомъ банкировъ,—легли на народный бытъ, преимущественно сельскій, тяжелымъ гнетомъ. Не отрицая законныхъ правъ капитала, а только ратуя противъ нарушеннаго равновѣсія въ отношеніяхъ его къ труду, мы [1]), на ряду съ другими изслѣдователями этихъ вопросовъ, указывали уже на поглощеніе крупною промышленностью кустарныхъ промысловъ и вообще домашней промышленности, на невольное освобожденіе массы рабочихъ рукъ отъ дѣла, особенно въ зимнее время, указывали на то, какъ крестьяне были поставлены въ необходимость увеличивать запашки и сокращать выгоны и пастбища, обращали вниманіе на уменьшеніе скотоводства и матеріала для удобренія полей, на истощеніе почвы и, вслѣдствіе этого, хроническія голодовки. Со всѣми этими язвами и бѣдствіями экономической жизни можетъ и должна бороться воскресшая приходская жизнь и главнымъ условіемъ для таковой плодотворной самодѣятельности мы считаемъ сліяніе въ приходѣ, какъ въ одной церковной и земской единицѣ, всѣхъ классовъ и состояній.

„О, какая бы страшная зиждительная и благословенная сила, новая, совсѣмъ уже новая сила явилась бы на Руси, если бы произошло у насъ единеніе сословій интеллигентныхъ съ народомъ", говорилъ еще въ 1880 году Ѳ. М. Достоевскій. Но прошло 18 лѣтъ и единенія этого нѣтъ и главная причина тому, по нашему мнѣнію,

---

1) „Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства" Часть III и IV. Москва, 1897 года.

отсутствіе мелкой земской единицы. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ юристамъ, которые видятъ силу и прогрессъ общественной жизни только въ организаціи учрежденій; главная сила—въ идеѣ, но идея для своего воплощенія въ мірѣ нуждается въ формѣ—въ учрежденіяхъ. Вопреки мнѣнію экономическихъ матеріалистовъ, мы думаемъ, что неправда, будто „экономическая структура общества есть единственный и дѣйствительный фундаментъ, на которомъ возвышается правовое и экономическое зданіе“. Наоборотъ, добрая экономическая жизнь и ея прогрессъ зависятъ, по нашему убѣжденію, отъ просвѣтлѣнія человѣческаго духа, отъ чистоты нравственной идеи и вытекающей изъ нея любви къ человѣчеству и твердой воли въ трудѣ. Задача государства—способствовать воплощенію этихъ идей въ соотвѣтственныя формы. Въ частности пора, наконецъ, дать реальное бытіе желаніямъ и надеждамъ лучшихъ людей 1861 года (мнѣнія редакціонныхъ комиссій) о сліяніи всѣхъ сословій въ одной приходской земской единицѣ [1]. Только при такомъ сліяніи могли бы свободно развернуть свои силы народъ и образованный людъ. Мы не сочувствуемъ клерикальной тенденціи сдѣлать школу достояніемъ однихъ клириковъ; въ томъ церковномъ приходѣ, котораго чаемъ мы, свѣтское и церковное образованіе, оба эти факторы должны слиться въ единую силу на почвѣ нравственныхъ христіанскихъ началъ; будущее принадлежитъ, по нашему мнѣнію, народному учителю, работающему совмѣстно съ священникомъ и практическими экономическими дѣятелями, съ образованными земледѣльцами, знакомыми съ государственною жизнью, и со всѣмъ міромъ.

Постараемся же хотя отчасти поднять завѣсу будущей общественной жизни, долженствующей найти свое выраженіе въ приходѣ. Что можетъ сдѣлать приходъ, чего отъ него можно ждать?

Какъ мы видѣли, уже прихожане въ древней Руси понимали, что однѣхъ богадѣленъ и больницъ для искорененія нищеты мало, что важно не допускать человѣка до разоренія и нищеты, во-время поддержать его, и съ этою цѣлью приходскія общины спѣшили на помощь впадающимъ въ матеріальную нужду и поддерживали ихъ натуральными и денежными средствами на льготныхъ условіяхъ.

Будущіе русскіе приходы должны не только послѣдовать завѣтамъ старины, но идти въ этомъ отношеніи впередъ, какъ все на свѣтѣ идетъ впередъ; въ приходахъ будетъ найдена твердая почва для развитія народнаго кредита и вообще экономической самопомощи. Одухотворенныя и укрѣпленныя нравственною силою приходскія общины найдутъ довѣріе или кредитъ съ цѣлью поддержанія обнищалыхъ, безлошадныхъ, безкоровныхъ и закабаленныхъ своихъ сочленовъ; ростовщики должны исчезнуть, обязательства приходскихъ общинъ

[1]) А. Папковъ. „Погосты“. „Русскій Вѣстникъ“ декабрь. Стр. 25, 26.

могутъ и должны быть такъ же цѣнны, какъ и векселя крупныхъ торговыхъ фирмъ, билеты и чеки банковъ, и даже быть орудіями оборотовъ, каковую роль теперь играютъ эти послѣднія, но только, къ сожалѣнію, не для общественныхъ, а для своекорыстныхъ цѣлей. Покупка лошадей, скота, сѣмянъ, сельскохозяйственныхъ орудій на общественный счетъ, такъ удачно практикуемая въ послѣднее время многими губернскими и уѣздными земствами, найдетъ тогда твердую и раціональную почву въ организаціи приходской общины. Она, хранительница христіанскихъ началъ, должна примѣнить на дѣлѣ великую заповѣдь взаимопомощи: „давайте и дастся вамъ; мѣрою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше". (Луки VI, 38).

Жизнь родитъ жизнь, ростъ, цвѣтъ, плодъ. Снабженные оборотными средствами, добрыми животными и орудіями, русскіе міряне будутъ въ состояніи возвращать матери сырой землѣ истощенную ея силу, и скудная современная пустыня—Русь—процвѣтетъ, по обѣтованію пророка, какъ кринъ сельный.

Но разъ приходъ сознаетъ необходимость и пользу кредита и вообще общинной силы, онъ не остановится на однѣхъ этихъ задачахъ; онъ сознаетъ возможность и пользу закупокъ на общія средства сырья для обработки живущихъ въ приходѣ ремесленниковъ, онъ сознаетъ пользу устройства сырьевыхъ складовъ съ цѣлью упраздненія тунеядцевъ-барышниковъ, пользу потребительныхъ лавокъ для предметовъ первой необходимости и рабочихъ артелей. Только подобными мѣрами можно предупредить развитіе нищеты и исцѣлить недугъ безработицы, а это-то и есть исполненіе христіанскихъ обязанностей—не давать въ обиду сираго и убогаго. Мы знаемъ, что въ экономическомъ отношеніи древняя христіанская община во многомъ сама себѣ довлѣла; подобно же тому и новая приходская община легко можетъ стать потребительнымъ округомъ, въ центрѣ котораго могутъ группироваться сельскіе клубы или, по древне-русской терминологіи, „трапезы", гдѣ будутъ сбираться частные интеллигентные жители: священники, землевладѣльцы, врачи, аптекаря, лѣсничіе, агрономы и весь міръ. Все это—не мечта, не иллюзія; все это есть уже и осуществляется кое-гдѣ, но въ разбросанномъ и неорганизованномъ видѣ, и въ Западной Европѣ и даже у насъ; все это ждетъ организатора-архитектора.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что приходская община сама по себѣ не можетъ исчерпать всѣхъ задачъ здоровой экономической и общественной жизни. Для осуществленія таковыхъ на ряду съ дѣятельностью приходской общины, какъ территоріальной единицы, потребна еще дѣятельность профессіональныхъ союзовъ, артелей и корпорацій, члены которой, хотя и разбросанные по разнымъ территоріальнымъ приходамъ, должны быть тоже связаны братскими узами; тѣмъ не менѣе, приходская община можетъ дать починъ къ образованію подобныхъ союзовъ; подобная организація особенно важна въ

городахъ, гдѣ населеніе подвижно, мѣняетъ часто мѣстожительство. Съ другой стороны, несомнѣнно, что дѣятельность приходскихъ общинъ должна восполняться дѣятельностью болѣе широкихъ общественныхъ союзовъ, земствъ и городскихъ обществъ, для которыхъ приходскія общины будутъ основами, опираясь на которыя, эти органы будутъ въ состояніи проводить въ жизнь болѣе широкія мѣропріятія.

Братства.

I.

Въ исторіи общественной жизни всегда имѣли важное значеніе какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи не одни мѣстные или территоріальные союзы въ родѣ церковно-приходскихъ общинъ, но и союзы лицъ, связанныхъ однородностью занятій. Вызываемые естественными условіями раздѣленія труда, подобные союзы вырабатываютъ извѣстныя формы отношеній внутреннихъ и внѣшнихъ, извѣстныя нормы, санкціонируемыя обычаемъ или закономъ; тогда такіе союзы принимаютъ форму корпорацій, существованіе которыхъ въ человѣчествѣ такъ же древне, какъ и раздѣленіе труда: существованіе корпорацій, торговыхъ, духовныхъ и рабочихъ, относиться къ сѣдой древности. Мы останавливаемся на тѣхъ изъ нихъ, которыя насъ болѣе всего интересуютъ— на рабочихъ корпораціяхъ. Еще во времена римскихъ царей рабочія корпораціи являлись юридическими лицами съ правомъ владѣть имуществомъ, принимать даръ, пріобрѣтать и отчуждать имущество. Онѣ имѣли правильныя собранія, общіе пиры и праздники, и каждая изъ нихъ считалась подъ покровительствомъ своего особаго бога. Духъ корпоративной жизни былъ особенно развитъ среди этрусковъ: предполагаютъ, что въ эпоху царей ими были произведены извѣстныя сооруженія—cloaa mixta. Въ древнемъ Римѣ мало по-малу всѣ ремесла организовались въ корпораціи; хотя развитіе корпорацій задерживалось рабствомъ, развивавшимся все болѣе и болѣе съ завоеваніями и ростомъ пролетаріата, питавшагося на счетъ государства, но, тѣмъ не менѣе, удержались и свободныя коллегіи рабочихъ, пополнявшіяся главнымъ образомъ изъ вольноотпущенныхъ и игравшія большую роль въ политическихъ заговорахъ и переворотахъ Катилины, Цезаря и друг. Начало коллегій настолько проникло въ нравы древнихъ римлянъ, что во II вѣкѣ каждый свободный гражданинъ примыкалъ къ той или другой коллегіи; подъ покровомъ похоронныхъ

коллегій христіане распространяли свое ученіе, Цезари безуспѣшно боролись противъ коллегій; Антонины, понявъ безплодность этой борьбы, рѣшились утилизировать ихъ въ государственныхъ цѣляхъ; Андріанъ, а особенно Александръ Северъ организовали всѣ ремесла въ корпораціи: каждый ремесленникъ былъ зарегистрованъ въ одну изъ нихъ, оставался въ ней наслѣдственно, получалъ отъ государства жалованье и былъ обязанъ, въ качествѣ крѣпостного, на него работать; съ помощью этихъ коллегій рабочихъ императоры сооружали грандіозныя постройки,—словомъ, употребляя современную терминологію, императоры Рима организовали государственный соціализмъ.

Съ нашествіемъ варваровъ, съ появленіемъ феодализма и сословія крѣпостныхъ, жизнь корпорацій исчезаетъ и едва теплится въ началѣ среднихъ вѣковъ; промышленная и интеллектуальная жизнь удалилась въ монастыри; монашескія братства св. Бенедикта, св. Коломбана были настолько же религіозными конгрегаціями, насколько и рабочими корпораціями. Когда же, съ ослабленіемъ феодализма, въ городахъ окрѣпли и развились свободныя общины, въ составѣ ихъ появляются корпораціи купцовъ и ремесленниковъ [1]).

Корпораціи были общимъ явленіемъ для всей Западной Европы, но ходъ ихъ жизни и развитія лучше всего наблюдать во Франціи, гдѣ, какъ еще высказалъ Гизо, всѣ крупныя явленія общественной жизни Западной Европы отражались наиболѣе рельефно, какъ бы въ фокусѣ. Согласно статутамъ корпораціямъ, санкціонированнымъ при Людовикѣ IX во Франціи, составъ ихъ былъ таковъ: мастера, рабочіе (подмастерья) и ученики. XII вѣкъ надо признать золотымъ вѣкомъ рабочихъ корпорацій: въ это время мы не замѣчаемъ еще антагонизма между хозяевами, мастерами и рабочими; тѣхъ и другихъ связывала общность одной и той же работы въ одной мастерской, одинаковость быта; часто тѣ и другіе ѣли за общимъ столомъ; каждый подмастерье питалъ надежду сдѣлаться со временемъ мастеромъ. Каждая корпорація пользовалась самоуправленіемъ: мастера вмѣстѣ съ рабочими избирали старостъ (consuls, prudhommes, gardes jurés). Корпорація приходила на помощь больнымъ, неспособнымъ къ работѣ и впавшимъ въ разореніе; сироты отдавались на попеченіе старостамъ; штрафы и доброхотныя даянія опускались въ кружки, выставленныя при мастерскихъ, и шли на содержаніе больныхъ, госпиталей и пріютовъ. Такая взаимопомощь и сострадательность объяснялись во многомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что вначалѣ Церковь относилась къ корпораціямъ благосклонно; очень часто рабочія корпораціи были въ то же время братствами (les confréries).

Братство было обществомъ, члены котораго поставляли себѣ задачею воспитывать нравственно-религіозныя чувства. Каждое братство обыкновенно строило для себя особою капеллу, посвящая ее извѣст-

---

1) A. Gasquet. „Les institutions politiques et sociales de l'ancienne France" T. 11; p. 231—267. Paris, 1885.

ному святому покровителю (плотники св.—Іосифу, живописцы св.—Лукѣ, адвокаты—св. Иву и т. д.); братства соревновали другъ съ другомъ въ украшеніи этихъ капеллъ; многія знаменитыя картины Рубенса и Рембрандта были заказаны братствами. Они имѣли обычай устраивать торжественныя процессіи, общіе пиры, празднества, похороны; каждое имѣло свое знамя; этимъ братствамъ мы обязаны сооруженіемъ многихъ великихъ соборныхъ храмовъ. Вотъ каковы были результаты соединенія инстинктивныхъ стремленій къ союзамъ съ религіознымъ чувствомъ братства и самопомощи.

Съ XIII вѣка картина мало-по-малу измѣняется: Церковь, если можно такъ выразиться, мало-по-малу католизируется, и духовенство, составивъ само отдѣльный классъ, не имѣя никакой общности съ мірянами, проникается духомъ привилегій, аристократизма, замкнутости и монополіи. Параллельно этому тѣ же явленія происходятъ и въ жизни рабочихъ корпорацій: пользованіе извѣстнымъ ремесломъ становится монопольнымъ правомъ мастера; во избѣжаніе конкуренціи ограничивается число учениковъ и рабочихъ; корпорація относится съ суровою исключительностью къ чужеземцамъ. Корпораціи, въ томъ числѣ и торговыя гильдіи, какъ и прежде, были связаны въ одну автономную мѣстную общину, имѣвшую общій городской совѣтъ, но скоро этотъ совѣтъ превратился въ аристократическое учрежденіе; замѣчается отдѣленіе высшихъ привилегированныхъ отъ низшихъ корпорацій. Мастера начинаютъ тѣснить рабочихъ и, чтобы затруднить имъ доступъ въ званіе мастера, требуютъ строгаго экзамена, состоявшаго въ представленіи на ихъ судъ образца работы (chef d'oeuvre), надъ которымъ иногда рабочій долженъ былъ трудиться безуспѣшно, въ запертомъ помѣщеніи подъ надзоромъ старостъ, 8 или 10 мѣсяцевъ, тогда какъ доступъ въ мастера сыновьямъ и родственникамъ мастеровъ былъ легокъ. Корпоративныя занятія становились наслѣдственнымъ достояніемъ; полиція корпорацій вводитъ консервативную систему регламентаціи и надзора; усиливаются притѣсненія по отношенію къ членамъ, не входящимъ въ составъ корпорацій. Тогда противъ коалиціи мастеровъ поднимается коалиція рабочихъ; движеніе это окрѣпло и возросло особенно подъ вліяніемъ свободы духа, пробудившагося съ такою силою среди всего населенія, особенно среди ученыхъ, артистовъ и ремесленниковъ, въ славную эпоху renaissance.

Вмѣсто омертвѣвшихъ братствъ появляются на сцену особыя товарищества (les compagnonnages) изъ непривилегированныхъ рабочихъ; это были секретныя общества, ненавистныя патронамъ-мастерамъ и подозрительныя для власти. Члены этихъ товариществъ, отталкиваемые привилегированными корпораціями, должны были кочевать изъ одного города въ другой, работать у разныхъ мастеровъ, изучая разные методы работъ; при условіяхъ подобной скитальческой жизни, при подозрительности и негостепріимной суровости къ пришлецу со стороны патроновъ, простые рабочіе ищутъ самопомощи

въ подобныхъ товариществахъ. Члены ихъ связываютъ себя обѣщаніемъ помогать другъ другу, давать пріютъ, пріискивать работу, защищать другъ друга отъ обидъ. Для этихъ цѣлей они выбирали изъ среды своей магистратовъ, судей, имѣли на случай болѣзни и безработицы кассы самопомощи. Въ основѣ подобныхъ союзовъ лежали тѣ же нравственно-религіозныя начала.

Но какъ встрѣтила ихъ официальная католическая Церковь? Она встрѣтила ихъ проклятіемъ, интердиктами, поставила ихъ внѣ закона. Не найдя пріюта въ Церкви, новаторы бросились въ сектантство; среди рабочихъ возникаютъ странные обычаи: условный языкъ и знаки для распознаванія другъ друга, особые чины и обряды посвященія въ члены, церемоніи, имѣвшія странный символическій и мистическій смыслъ. Выродившіяся корпораціи, подъ именемъ масонства, уцѣлѣли до послѣднихъ дней.

Исторія корпорацій въ остальной части континента Западной Европы вполнѣ напоминаетъ исторію ихъ во Франціи; въ Германіи онѣ извѣстны подъ именемъ цеховъ [1]). Цехи пережили тотъ же періодъ расцвѣта, упадка и вырожденія; въ устройствѣ и дѣятельности ихъ въ послѣдній періодъ замѣчаются тѣ же коренныя черты: аристократическія привилегіи, монополіи, замкнутость, неподвижность, корпоративный индивидуализмъ и мертвенность. Съ подобными тормозами промышленной жизни начинаетъ вести борьбу королевская власть и, прежде всего, во Франціи: сначала короли широко пользуются своимъ правомъ давать званіе мастеровъ всякому по ихъ усмотрѣнію. Затѣмъ короли оказываютъ покровительство большимъ мануфактурамъ, надѣляя ихъ своими привилегіями и освобождая ихъ отъ режима старыхъ корпорацій; наконецъ, при Тюрго, въ XVIII в., подъ вліяніемъ теорій физіократовъ „laisser faire", поднимаются требованія объ уничтоженіи корпорацій; учредительное собраніе во время революціи окончательно упраздняетъ корпораціи, а вслѣдъ за революціей то же дѣло совершила вся Западная Европа.

Если нѣтъ худа безъ добра, то, вѣроятно, нѣтъ и добра безъ худа: „рабочій XIX вѣка,—говоритъ одинъ французскій ученый [2]),—сталъ свободнымъ но зато онъ сталъ изолированнымъ, предоставленнымъ самому себѣ, безъ защиты и покровительства, безсильнымъ противиться притѣсненію хозяевъ, незастрахованнымъ отъ безработицы, болѣзней и промышленныхъ кризисовъ. Не все было худо, не все подлежитъ осужденію въ корпоративной формѣ жизни, и XIX вѣкъ долженъ былъ снова употреблять усилія, чтобы примирить начала личной свободы, провозглашенной конституціею, и начала солидарности, которую ввела въ жизнь древняя корпорація". Усилія

---

[1]) И. Дитятинъ. „Устр. и упр. городовъ Россіи". С.-ПБ., 1875 г. Стр. 248–307.

[2]) Gasquet, ibid.

въ этомъ отношеніи, и усилія отчаянныя, дѣйствительно, были сдѣланы въ нашемъ столѣтіи.

Освобожденные отъ всякаго государственнаго вмѣшательства по отношенію къ рабочимъ, а сами часто принимая форму корпорацій (компаніи на акціяхъ), капиталисты, низведя положеніе рабочихъ до минимума средствъ существованія, оставляютъ массу пролетаріевъ безъ всякой работы. Ростъ капитала вызываетъ реакцію; раздается новое религіозное ученіе, проповѣдуется новая религія, но только религія безъ Бога, религія Сенъ-Симона, Фурье, Прудона и др., и вмѣсто слова Ecclesia (Церковь), провозглашается новое слово: ассоціація. Соціально-религіозное возбужденіе охватываетъ массы; въ 1848—49 гг. во Франціи были, подъ вліяніемъ этого одушевленія, основаны разныя ассоціаціи: ассоціаціи красильщиковъ, стульниковъ, каменщиковъ, типографщиковъ и др.; въ основахъ этихъ ассоціацій лежали начала равнаго вознагражденія участниковъ за трудъ, распредѣленіе прибыли поровну, отчисленіе доли прибыли во вспомогательную кассу и образованіе недѣлимаго фонда, предназначеннаго служить интересамъ всего рабочаго класса; наемные рабочіе не принимались.

Но истинная религія состоитъ въ отраженіи въ человѣкѣ безконечнаго, въ воспріятіи имъ вѣчной истины и въ стремленіи къ всесовершенному разуму; сенсуалистическія представленія, почерпнутыя изъ наблюденія надъ ограниченными свойствами человѣческой природы, могутъ взволновать и вызвать наружу добрыя чувства братства, равенства и свободы. Но, разъ нѣтъ безконечнаго источника свѣта, душевный огонь, вспыхнувшій на время въ сердцѣ человѣка, быстро гаснетъ, одушевленіе быстро ослабѣваетъ, и человѣческое существо возвращается къ прежнему состоянію индивидуализма и эгоизма; слова „братство, равенство и свобода“ становятся пустыми звуками, уже не пробуждающими къ жизни. То же случилось съ идеями 48 года во Франціи: ассоціаціи отступали отъ своихъ коренныхъ началъ, стали нанимать рабочихъ и приблизились къ типу хозяйскихъ предпріятій; въ концѣ 80 годовъ во Франціи насчитывалось всего до 30 ассоціацій.

Удачнѣе проводили въ жизнь идею ассоціаціи наши сосѣди— нѣмцы; подъ вліяніемъ идей 48 года, а отчасти, какъ реакція имъ, по почину Шульце-Делича, въ Германіи начинаютъ возникать ссудо-сберегательныя товарищества для дешеваго кредита, товарищества сырьевыя, въ которыхъ членовъ связываетъ общая закупка сырьевыхъ матеріаловъ, и, наконецъ, производительныя ассоціаціи. Въ 1890 г., по почину Рейфейзена, таковыя же артели стали возникать среди сельскихъ хозяевъ. Отчасти, чтобы обезпечить успѣхъ дѣла веденіемъ его въ крупныхъ размѣрахъ и оборотахъ, отчасти, чтобы ослабить конкуренцію, возникающую среди самыхъ товариществъ, руководители предпріятій начали сливать ихъ въ союзы артелей или ассоціацій; таковы: союзъ, основанный въ 1864 году, и союзъ, основан-

ный въ 1890 году. Нельзя, конечно, не видѣть пользы, нельзя отрицать въ этихъ явленіяхъ того, что въ нихъ есть жизненнаго и здороваго, но нельзя отрицать и того, что духъ индивидуализма и эгоизма также переполняетъ эти новыя корпораціи и не устраняетъ среди нихъ конкуренціи и монополіи. Извѣстный нѣмецкій писатель Ф. Ланге, благородно и горячо относящійся къ участи рабочихъ, говоритъ: „О плодотворномъ принципѣ братства въ большей части нашихъ ассоціацій нѣтъ даже и рѣчи“ [1]); ему извѣстны случаи, когда ремесленникъ, пользуясь кредитомъ народнаго банка, становился фабрикантомъ.

Всѣ подобнаго рода товарищества или ассоціаціи, какъ признанныя закономъ и имѣющія свои уставы, могутъ быть названы новыми корпораціями рабочихъ. Но, во всякомъ случаѣ, это—рабочіе самостоятельные, имѣющіе небольшой капиталъ для пріобрѣтенія орудій и матеріаловъ производства; извѣстно же, что большая часть рабочихъ Западной Европы, не имѣя никакого капитала, служитъ наемниками у хозяевъ. Среди нихъ пробудилось также стремленіе организоваться въ союзы; большею частью это случайные и временные союзы или сообщества, а иногда и просто скопища рабочихъ, поставляющіе себѣ цѣлью добиться увеличенія рабочей платы, сокращенія числа рабочихъ часовъ, — вообще улучшенія быта рабочихъ; средствомъ для этого они избираютъ забастовку или прекращеніе работъ впредь до исполненія ихъ требованій; это—такъ называемыя стачки. О пользѣ и вредѣ стачекъ было много писано, много собрано статистическаго матеріала, и всякій безпристрастный изслѣдователь этого вопроса, какъ бы сочувственно онъ ни относился къ рабочему классу, долженъ признать, что онѣ приносятъ рабочимъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; цѣль обыкновенно не достигается, а жертвы велики.

Въ Западной Европѣ меньше половины стачекъ имѣютъ успѣшный исходъ для работниковъ. Сами рабочіе, сознавъ безполезность забастовокъ, избѣгаютъ стачекъ и направляютъ всѣ усилія къ мирному улучшенію быта своихъ членовъ; починъ въ этомъ направленіи принадлежитъ Англіи, въ которой рабочіе съ 20 годовъ нынѣшняго столѣтія организуютъ такъ называемые союзы рабочихъ; съ конца 60 годовъ такіе же союзы стали распространяться среди германскихъ, французскихъ и другихъ западно-европейскихъ рабочихъ [2]).

Союзы имѣютъ своими членами наемныхъ рабочихъ данной отрасли производства; каждый союзъ, какъ цѣлое, имѣетъ своими членами мѣстные союзы, состоящіе изъ работниковъ въ данномъ городѣ или округѣ. Съ цѣлью улучшенія быта рабочихъ—поднятія рабочей платы, сокращенія числа рабочихъ часовъ и т. п., союзъ, какъ ор-

---

[1]) Ф. Ланге. „Рабочій вопросъ“. С.-ПБ., 1898 г.
[2]) А. Исаевъ. „Начала политической экономіи“. 1894. Стр. 264—276.

ганизованная сила, ведетъ переговоры съ хозяевами вступаетъ съ ними въ соглашенія, нерѣдко довольно выгодныя для рабочихъ; онъ собираетъ свѣдѣнія о положеніи рабочаго рынка, о количествѣ лицъ, ищущихъ работы, о числѣ незанятыхъ вакансій и старается приравнять предложеніе рабочихъ рукъ спросу на нихъ. Союзъ служитъ для своихъ членовъ страховымъ учрежденіемъ, устраивая изъ еженедѣльныхъ взносовъ рабочихъ капиталъ для пособія больнымъ и лишеннымъ заработка, часто организуетъ дешевыя столовыя, потребительныя и строительныя общества, библіотеки; но особенно эти союзы дороги для рабочихъ тою важною нравственною поддержкою, которую находитъ въ нихъ каждый членъ.

Если мы остановимся на этихъ сторонахъ рабочихъ союзовъ, то, кромѣ цѣлесообразности, гуманности и разумности въ нихъ, мы ничего другого не можемъ усмотрѣть. Но въ этомъ явленіи есть и оборотная сторона медали; несмотря на широкое распространеніе рабочихъ союзовъ, число ищущихъ и не находящихъ работы растетъ еще въ большей степени. Безработицею страдаютъ иногда талантливые и способные, но чаще всего малоопытные, малоискусные, люди плохого здоровья и слабыхъ силъ; послѣднимъ нѣтъ мѣста въ союзахъ, имъ остается умирать съ голода; не говоримъ уже объ испорченныхъ людяхъ. Какія бы мѣры ни принимали рабочіе союзы, но существуетъ прочно установленный въ политической экономіи законъ, по которому рабочая плата опредѣляется суммою оборотнаго капитала (матеріальнаго) въ странѣ, предназначеннаго, какъ фондъ для содержанія рабочихъ, раздѣленнаго на количество рабочихъ рукъ. Заработная плата увеличивается пропорціонально росту этого капитала, но ростъ его задерживается при современномъ положеніи народнаго хозяйства въ Европѣ отсутствіемъ общей планообразности народнаго хозяйства и возникающей отсюда конкуренціи; вслѣдствіе риска и паденія цѣнъ, банкротствъ, расточенія капиталовъ, ростъ капитала постоянно задерживается. При такой ограниченности капиталовъ сносную рабочую плату могутъ найти только болѣе способные и талантливые, а меньшая братія предоставлена своей судьбѣ. Рабочіе союзы ихъ тоже отталкиваютъ: по практикѣ, въ нихъ принятой, требуется, чтобы вступающій въ союзъ былъ хорошо подготовленъ къ своему промысловому занятію, чтобы онъ получалъ не менѣе средней платы, господствующей въ извѣстномъ промыслѣ и въ данномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ въ основу западно-европейскихъ союзовъ положены начала эгоистической самопомощи, а не начала всеобщности и братства.

Но „камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла“ (Лука XX, 17).

II.

Возвращаемся снова къ русской жизни. Печальна и тяжела историческая жизнь нашей родины; глядя на нашу дорогую Русь, невольно вспоминаешь слова Байрона, сказанныя имъ при взглядѣ на Римъ: „что значатъ наши личныя страданія въ сравненіи съ твоими страданіями, великій городъ!“ Немало встрѣтила Русь и немало отразила внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; немало приходится ей имѣть съ ними дѣла въ настоящемъ, да, можетъ-быть, еще придется и въ будущемъ. Но будемъ помнить, что всегда спасала, всегда выводила ее на Божій путь идея любви и братства. Раздираемая княжескими междоусобицами, тѣснимая погаными дикими инородцами, сама страдая внутренними раздорами, она никогда не угашала этой идеи и сумѣла воплощать ее въ реальныя формы, попросту, посвоему—по-крестьянскому, по-христіанскому.

Всѣ историки согласны въ томъ, что нашъ внутренній бытъ радикально измѣнился съ XVI вѣка, съ нашествіемъ монголовъ, что среди этого разгрома уцѣлѣлъ лишь одинъ осколокъ, нашъ сѣверовостокъ: Великій Новгородъ, Псковъ, Торжокъ, Заволочье, что въ общественномъ бытѣ этого края въ XII — XVI вѣкахъ можно наблюдать всѣ главныя и типичныя черты вѣчевого уклада древней Руси. И вотъ, наблюдая эту жизнь, мы замѣчаемъ инстинктивное стремленіе людей складываться въ союзы по различію промысловъ и занятій и сознательное стремленіе—укрыться подъ покровъ Церкви, *освятиться, одухотвориться* христіанскими началами *братства*. Естественное раздѣленіе на классы по различію рода занятій возникаетъ въ Новгородѣ и во всей Руси искони; однако, въ нихъ мы не видимъ замкнутыхъ сословій; къ тому или другому классу примыкали не по породѣ, а по охотѣ, по доброй волѣ; выдвинулся человѣкъ доблестью—становился бояриномъ, собралъ добро торговлею—становился купцомъ, работалъ руками—молодшимъ человѣкомъ; часто высшій человѣкъ спускался въ низшій классъ, а низшій поднимался въ высшій. Тѣмъ не менѣе, всякій классъ въ данномъ городѣ или мѣстности сплачивался въ союзъ: таковы были въ Новгородѣ и во всей сѣверо-восточной Руси союзы купцовъ-прасоловъ, купцовъ-суконниковъ и пр.; тамъ же мы видимъ классы черныхъ людей: каменщиковъ, плотниковъ, гончаровъ, кожевниковъ, мастеровъ серебряныхъ дѣлъ, иконниковъ и т. п.

Купцы въ торговомъ отношеніи составляли компаніи или артели сообразно роду и направленію своей торговли, напр.: купцы заморскіе, купцы низовскіе, купцы-прасолы, суконники, рыбники и пр. Такое же артельное устройство, соединявшее купцовъ, было и въ средѣ ремесленниковъ: лоцманы составляли артель, рыболовы—свои

товарищества [1]). Соединяясь въ товарищества или артели, лица, входившія въ союзъ, принимали покровительство какой-нибудь церкви или святого; каждый членъ товарищества, вступая въ него, дѣлалъ вкладъ въ казну общины и жертвовалъ на церковь. Съ 1134 года упоминается существовавшая въ Новгородѣ церковно-приходская купецкая община у св. Ивана на Опокахъ, вѣдавшая благоустройство церкви и содержаніе притча. По своей внутренней организаціи она напоминала гильдейскій союзъ, но далеко не замкнутый; напротивъ того, въ этой общинѣ имѣли участіе и другіе классы населенія: къ двумъ купецкимъ старостамъ житьи люди ставили своихъ трехъ старостъ; черные люди тоже имѣли своего представителя въ общинѣ въ лицѣ тысяцкаго. По изслѣдованіямъ Н. Костомарова, подобное общинное устройство, освященное Церковью, среди промышленниковъ, ремесленниковъ и рабочихъ, не было исключительно новгородскою особенностью, но существовало во всей сѣверной Руси; общины имѣли свою самостоятельную или автономную администрацію, свои общія собранія и выборныхъ должностныхъ лицъ. Такъ какъ каждая община—территоріальная или профессіональная — примыкала къ извѣстной церкви, то въ каждой изъ нихъ выдѣлялись двѣ особенности: она рядомъ съ заботами о церковномъ благоустройствѣ близко принимала къ сердцу дѣла благотворенія и взаимопомощи и имѣла обыкновеніе устраивать братскіе пиры или общія трапезы. Такимъ образомъ каждая артель была въ то же время братствомъ (медовымъ) или братчиной. Извѣстно, что слово артель — слово нерусское; древне-русское названіе для подобнаго рода союзовъ: „братства, братчины", а иногда и „складчина".

Съ эпохи монгольскаго ига судьбы восточной и западной Руси рѣзко различаются между собою: древне-славянскій духъ свободы и братства нашелъ убѣжище въ мѣстностяхъ западной Руси, не подпавшей татарскому игу. Въ ней удержались древне-русскія братства; хотя съ XV вѣка и западная Русь переживаетъ новое иго польскихъ магнатовъ, обратившихъ землевладѣльцевъ въ крѣпостныхъ, отобравшихъ землю въ пользу короля, дворянъ и высшаго духовенства, при чемъ и право выбора священниковъ и причта перешло къ землевладѣльцамъ, но зато приходская автономія и самоуправленіе сохранились въ городахъ [2]).

Тамъ же продолжали развиваться и древнія „братства"; въ 1458 году въ Вильнѣ образовалось церковное братство кушнерское или скорняжное, затѣмъ купецко-кожемяцкое, далѣе братство, состоявшее изъ шапочниковъ, сермяжниковъ, ноговщиковъ (чулочниковъ).

Изъ этого мы видимъ, что въ составъ братства входили лица не исключительно одного промысла, но разныхъ. Подобныя братства въ

---

[1]) Н. Костомаровъ. „Историческія монографіи". „Сѣверно-русскія народоправства. С.-ПБ., 1868 г.

[2]) А. Папковъ. „Древне-русскій приходъ". „Богословскій Вѣстникъ" 1897 г. Апрѣль.

XVI вѣкѣ существовали въ Могилевѣ, во Львовѣ, въ другихъ городахъ Галиціи, по всей Литвѣ, сѣверной и южной; во всей этой мѣстности православное населеніе было охвачено стремленіемъ соединяться въ братства, которыя густою сѣтью покрыли всю западную Русь. Братчики выбирали старостъ, которые завѣдывали братскими деньгами, имѣли надзоръ за своими членами, разбирали споры и ссоры между членами братства, имѣли свои богадѣльни и вообще благотворительныя учрежденія.

Съ XIV вѣка литовско-польскіе государи, видя предъ собою подобные твердо-сплоченные союзы, или товарищества въ городахъ западной Руси, пользовавшіеся автономіей и самоуправленіемъ, и замѣчая въ нихъ нѣкоторое поверхностное сходство съ германскимъ цеховымъ устройствомъ, постепенно вводятъ въ устройство городовъ такъ называемое магдебургское право съ преобладающимъ вліяніемъ привилегированной правящей коллегіи (магистрата) и цеховое устройство, проникнутое насквозь духомъ монополіи, не допускающей никакой конкуренціи и всячески затрудняющее доступъ въ корпораціи свѣжимъ силамъ [1]. Однако, въ западной Руси удержались исконныя начала братства и равноправности; введеніе магдебургскаго права повліяло на развитіе церковно-братскихъ союзовъ въ томъ лишь смыслѣ, что союзы эти, пользуясь такимъ направленіемъ правительства, могли свободно пользоваться своею автономною жизнью и самостоятельно вырабатывать свои уставы. По существу же западно-русскія братства оставались артелями свободныхъ лицъ, ведущими свое генетическое начало съ древнихъ временъ; даже въ восточной Руси, гдѣ земледѣльцы были закрѣпощены, а горожане были также принуждены отбывать крѣпостное тягло въ пользу государства, въ тѣхъ уголкахъ, гдѣ открывался просторъ для свободной дѣятельности, русскіе труженики всегда стремились складываться въ артели на началахъ взаимопощи, равноправности и свободнаго входа и выхода въ оныя.

О русскихъ артеляхъ много было изслѣдованій, которыхъ мы не станемъ повторять. Замѣтимъ только, что, оторванные отъ свободно-соборныхъ началъ древней Церкви, наши артели, являясь разрозненными и случайными группами, могутъ быть названы разсѣянными жемчужинами, которыя нуждаются быть собранными въ цѣльную храмину.

Въ западной Руси, мы видимъ съ конца XVI вѣка подобный опытъ собрать и связать въ одно общее живое дѣло разсѣянныя братства. Конецъ этого вѣка ознаменованъ попытками со стороны высшихъ сословій окатоличить простой православный русскій народъ; въ этой попыткѣ встрѣтились огонь и вода, аристократическія тенденціи магнатовъ съ цѣлью закабалить черный людъ и исконная коренная симпатія послѣдняго къ равноправности и свободѣ. Различіе Церк-

---

[1] Дитятинъ. „Устр. и управл. городовъ Россіи“.

вей прикрывало собою не только различіе коренныхъ началъ быта и строя общественной жизни, но и различіе вошедшихъ въ плоть и кровь чувствъ, симпатій и образа мыслей. Съ одной стороны, папство и католичество несло, подъ видомъ учености и образованія, аристократическое знамя преклоненія міряниана предъ клиромъ, замѣну начала свободнаго обсужденія и взаимнаго назиданія началомъ авторитета; съ другой стороны, подъ покровомъ этого знамени, паны требовали разрушенія общинно-вѣчевыхъ правъ и вольностей русскаго народа, который организовалъ и самую Церковь по типу древне-христіанской общины. „Отдай мнѣ твою мысль, твою душу", говорилъ ксендзъ. „Отдай мнѣ твою волю, твою Церковь, твою землю и все твое имущество", говорилъ панъ. „Умремъ за вѣру и достояніе отцовъ", отвѣчалъ народъ.

И вотъ, открывается грандіозная картина борьбы этихъ противоположныхъ началъ; то была эпоха уніи [1]).

Борьба эта началась еще задолго до формальнаго провозглашенія уніи; извѣстно, что православные епископы въ западной Руси, получая богатыя имѣнія и доходы и сближаясь съ польскими феодалами, естественно, болѣе тяготѣли по своимъ симпатіямъ къ аристократическому католицизму, чѣмъ къ народному православію. Но простой народъ, особенно въ городахъ, въ XVI вѣкѣ нашелъ поддержку въ лицѣ высоко образованныхъ людей того времени, придерживавшихся завѣтовъ старины, своей вѣры и народности; это были князь Курбскій и князь Острожскій. Понимая, что самое великое орудіе въ дѣлѣ убѣжденія есть образованіе, эти герои поставили себѣ задачею насадить среди своихъ соотечественниковъ просвѣщеніе; около нихъ группировались кружки образованныхъ людей, которые употребляли свои средства на изданіе необходимыхъ и полезныхъ для народа книгъ, и успѣхъ ихъ дѣла, особенно среди горожанъ-ремесленниковъ, былъ великъ. Тогда задачи братствъ, уже существовавшихъ повсемѣстно въ западной Руси, значительно расширяются; братства намѣчаютъ своею главною задачею нравственно-просвѣтительную дѣятельность, как средство для поддержанія духовной, экономической самостоятельности русскаго народа [2]).

Во время уніи братства нашли поддержку въ восточныхъ патріархахъ (константинопольскомъ, антіохійскомъ и іерусалимскомъ), такъ какъ извѣстно, что главою западно-русской Церкви былъ патріархъ константинопольскій; братства получаютъ отъ нихъ многія права и самое дорогое право—избирать самимъ себѣ священниковъ и клириковъ. Выдающимися братствами были: Львовское, Св.-Троицкое (впо-

---

[1]) А. Папковъ. „Эпоха преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ" и другія статьи. „Богословскій Вѣстникъ" 1897 г. №№ 9, 11; 1898 №№ 1, 5, 9 и 11.

[2]) С. Соловьевъ. Т. X, стр. 5—107.

слѣдствіи Св.-Духовское) въ Вильнѣ, Луцкое, а впослѣдствіи Кіевское; но вообще подобныя братства, связанныя между собой тѣсными отношеніями, покрывали густою сѣтью всю западную и южную Русь (Малороссію).

Уставы братства имѣли цѣлью нравственное самоусовершенствованіе православнаго общества подъ вліяніемъ живой вѣры, вѣчно требующей добрыхъ дѣлъ и заботъ къ просвѣщенію обездоленной братіи. Средствомъ для этихъ цѣлей братства избирали прежде всего просвѣщеніе: учреждали типографіи, издавали на славянскомъ и греческомъ языкахъ книги и насаждали школы для нравственно-духовнаго и свѣтскаго обученія. Отъ учителей требовалось не только знаніе, но и добрая нравственность, а отъ родителей—активное содѣйствіе дѣлу школы. Въ программы школъ входили воспитательныя задачи, преподаваніе было на родномъ языкѣ; школы были всесословными: въ нихъ входили дѣти богатыхъ и бѣдныхъ; въ уставахъ были введены особыя постановленія для избѣжанія преимущественнаго покровительства дѣтямъ богатыхъ къ невыгодѣ бѣдныхъ.

Кромѣ школъ для нравственнаго самоусовершенствованія и взаимнаго просвѣщенія, въ уставахъ братствъ было выражено требованіе общихъ собраній всѣхъ членовъ для взаимнаго просвѣщенія и назиданія.

Отстаивая нравственную самостоятельность и свободу, братства отстаивали и свою экономическую самостоятельность. Членами братствъ въ большинствѣ были ремесленники и вообще рабочіе: братья при своемъ вступленіи въ братство давали обѣтъ всегда въ немъ оставаться, помогать другъ другу въ болѣзняхъ, несчастіяхъ и нуждахъ. По уставу Львовскаго братства, если неимущій братъ занемогъ, то братья помогаютъ ему братскими деньгами и ходятъ за нимъ въ болѣзни. Братства оказывали денежный кредитъ, но только не для обогащенія, а находящимся въ дѣйствительной нуждѣ и притомъ непремѣнно безъ роста. Эта самопомощь не была результатомъ эгоистическаго разсчета: въ уставахъ было провозглашено начало, что „церковное богатство есть имѣніе нищихъ"; оно назначается: для прокормленія впавшихъ въ недугъ отъ старости или болѣзни, для воспитанія сиротъ и бѣдныхъ людей, для призрѣнія странниковъ, сирыхъ, убогихъ, для помощи дѣвицамъ, для защиты обидимыхъ, для погребенія мертвыхъ,—словомъ, „для покрова и утѣшенія живыхъ и для поминовенія мертвыхъ".

Братства приходили на помощь всѣмъ, безъ различія происхожденія, состоянія, пола, возраста и даже вѣры; извѣстно, что въ первое время, пока не обострилась борьба, доступъ въ составъ братствъ имѣли и католики и протестанты. Само собою, что братства пользовались широкою автономіею въ дѣлахъ управленія церковнымъ или братскимъ имуществомъ и въ дѣлѣ нравственнаго надзора другъ за другомъ: пользовались правомъ самостоятельнаго суда, имѣли выборныхъ старостъ, или старшихъ братьевъ, имѣли право наказывать, исправлять и отлучать изъ своей среды лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ.

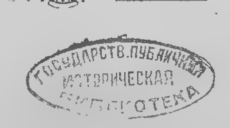
Въ борьбѣ съ братствами уніатскихъ епископовъ епископы болѣе всего преслѣдовали эти автономныя права братствъ, состоявшихъ большею частью изъ простого рабочаго люда, посягали на ихъ имущества, отбирая ихъ въ пользу епископій, запечатывая ихъ церкви, типографіи, школы, арестуя главныхъ ревнителей народности. Но борьба окончилась въ пользу праваго дѣла; вслѣдъ за духовнымъ мечомъ народъ обнажаетъ для святой самообороны и самозащиты мечъ матеріальный; вслѣдъ за просвѣтителемъ Петромъ Могилою выступаетъ доблестный герой Богданъ Хмѣльницкій; все запорожское войско поголовно вступаетъ членомъ Кіевскаго братства.

Можно сильно задуматься надъ вопросомъ: не лучше ли было бы, если бы эта борьба ограничилась однимъ духовнымъ оружіемъ? Но во всякомъ случаѣ свобода совѣсти, мысли и права на существованіе были спасены.

Во всякомъ случаѣ мы держимся того глубокаго убѣжденія, что идея братствъ—идея вѣчная, жизненная, плодотворная, способная воскреснуть въ новой формѣ и въ настоящее время.

Вспомнимъ мы свою силу, завѣщанную намъ исторіей: свою артель, свои братскіе экономическіе союзы и свое главное орудіе борьбы—просвѣщеніе. Пусть въ авангардѣ нравственной и экономической борьбы двинутся русскіе образованные люди и соединятся въ новыя святыя братства для просвѣщенія меньшихъ братьевъ, для проповѣди разумныхъ экономическихъ истинъ, а не лживыхъ буржуазныхъ и соціальныхъ доктринъ Запада, хотя бы и въ видоизмѣнной формѣ теорій экономическаго матеріализма; пусть эти передовые бойцы насаждаютъ, развиваютъ, сплачиваютъ и соединяютъ людей въ артели, братства, въ союзы тружениковъ; пусть борются противъ алчныхъ захватовъ иноземнаго капитализма и его клевретовъ, питающихъ надежду все раздѣлить и все обезсилить, обезземелить русскій народъ и повелѣвать имъ, какъ быдломъ. Несомнѣнно также, что никакія артели, никакіе рабочіе союзы не спасутъ человѣчества, если эти единичныя явленія не станутъ всеобщимъ достояніемъ для всякаго ищущаго труда и хлѣба.

Съ реорганизацiею же нашего земскаго самоуправленія и съ образованіемъ мелкихъ земскихъ единицъ, мы думаемъ, что артели и рабочія братства органически примкнутъ къ этимъ территоріальнымъ союзамъ и займутъ въ нихъ серьезное положеніе и пріобрѣтутъ плодотворное значеніе.

ОПЕЧАТКИ.

				напечатано:	слѣдуетъ:
Стр. 33	строка	посл.	снизу	morsellement	morcellement
„ 53	„	20	сверху	droit de lodees ventes	droit des lods et ventes
„ 88	„	5	„	сознавать,	сознавать, что
„ 110	„	13	„	только упомянули	но нужно упомянуть
„ 127	„	14	снизу	какъ что	такъ что
„ 142	„	11	сверху	практикуемая нами	проектируемая нами
„ 82	„	2	снизу	1864	1861

Цѣна 1 руб.

Складъ изданія въ типо-литографіи А. В. Васильева,
Москва, Петровка, д. Обидиной.

